

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 9.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1960

Редакционная коллегия:

*С. Н. Бибиков (ответственный редактор), А. Т. Брайчевская,
Б. А. Ильинская, М. П. Кучера, Е. В. Максимов,
Л. М. Славин, Д. Я. Телегин*

НЕОЛИТ ПОБУЖЬЯ И ВОПРОС О СЛОЖЕНИИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

В. Н. ДАНИЛЕНКО

Как известно, в советской научной литературе была распространена точка зрения Е. Ю. Кричевского² и Т. С. Пассек³, согласно которой триполье является одним из позднейших вариантов культуры линейно-ленточной керамики («дунайской»), которая, по мнению первого, в свою очередь, автохтонно возникла на более древней — «кампийской» основе⁴.

Триполье как результат дальнейшего развития дунайской культуры понимается и Г. Чайлльдом. Однако сложение самой дунайской культуры не считается им автохтонным процессом, а рассматривается как результат расселения из области Эгейды носителей культуры средиземноморского склада⁵.

Впрочем мысль о внеевропейском происхождении триполья, основанная на сходстве известных элементов культуры с соответствующими проявлениями азиатских культур «расписной керамики», не нова и на русской почве. Так, например, еще крупные русские археологи А. А. Спицын⁶ и В. А. Городцов⁷, видевшие сходство трипольской культуры с названными азиатскими культурами, утверждали, что на территорию Восточной Европы носители триполья пришли из Азии. И не случайно, что после преодоления антиисторической концепции Н. Я. Марра в советской специальной литературе наметилось стремление подвергнуть серьезному пересмотру гипотезу о местных корнях трипольской культуры. И сделано это было не без оснований.

Резкие этнографические отличия трипольской культуры от дунайской, не позволяющие ставить их в прямую генетическую зависимость, побудили С. Н. Бибикова выступить с обновленным вариантом точки зрения о прошлом характере основных элементов трипольской культуры. Согласно этой точки зрения, возникновение трипольской культуры в

¹ Статья представляет собой переработанные тезисы доклада, прочитанного автором на VIII научной конференции Института археологии АН УССР.

² Е. Ю. Кричевский, Из истории Дунайского понизья в неолитическую эпоху, КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 49—50.

³ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетия до н. э.), МИА, № 10, 1949, стр. 28—30.

⁴ Е. Ю. Кричевский, Ранний неолит і походження трипільської культури, «Палеоліт і неоліт України», т. I, К., 1949, стр. 351 и сл., стр. 390—391, стр. 398—401.

⁵ Г. Чайлльд, У истоков европейской цивилизации, М., 1952, стр. 149—150.

⁶ А. А. Спицын, Археологические разведки, СПб., 1908, стр. 67.

⁷ В. А. Городцов, Бытовая археология, М., 1910, стр. 149—154.

основных чертах отвечало процессу сложения в Восточной Европе (конкретно на Среднем Днестре), воспроизведяющего (земледельческо-скотоводческого) хозяйства, что, по мнению С. Н. Бибикова, было вызвано расселением в Европе носителей культуры внеевропейского, восточносредиземноморского склада⁸.

В качестве древнейшего отрезка пути проникновения в Европу средиземноморского населения С. Н. Бибиков, вслед за Г. Чайльдом, принимает вардаро-моравский путь⁹.

Завершение процесса сложения этого этнографического массива, который называют трипольской культурой, по мнению С. Н. Бибикова, происходило на Поднестровье в обстановке слияния пришлых групп населения с переживавшими заключительную пору палеолита местными группами населения¹⁰. Переживания местной культуры С. Н. Бибиков видит в типе жилищ, формах кремневого инвентаря¹¹, а преобладание пришлой — в развитии земледелия и скотоводства, в формах и технологии посуды, в специфических формах идеологических представлений и пр.¹².

Эта точка зрения имеет как сильные, так и слабые стороны. Ее сильной стороной, например, является правильное указание на примыкание триполя не к среднему поясу Европы, а к южному, то есть к средиземноморскому, и в то же время ее заметно ослабляет недооценка значения местной дотрипольской неолитической культуры.

Вопрос о происхождении трипольской культуры давно привлекает внимание автора. Основным в нашем построении является изучение характера местной неолитической основы и выяснение процесса распространения на территории Украины навыков земледельческого хозяйства. Разумеется, распространение достижений последнего не мыслится без созидательного влияния населения Средиземноморья, причем в качестве основной территории, передававшей эти влияния на территорию Украины, мы принимаем Нижнее Подунавье.

Первым приближением к такому построению являются доклады автора на V конференции Института археологии АН УССР, состоявшейся в 1946 г., в которых по затронутому вопросу высказаны следующие положения: «В основе трипольской культуры лежит местная рыболовческая культура с гребенчатой керамикой, связанная в хозяйственно-историческом аспекте с нижнедунайской земледельческой культурой «Боян А»¹³. Там же содержалось утверждение о том, что «древнейшая трипольская культура сначала локализовалась в юго-западной части ее территории», а в качестве конечного вывода было сформулировано три положения: а) отсутствие генетической связи между трипольской культурой и дунайской; б) наличие в основе триполя местного неолита, взаимодействовавшего с южнодунайскими культурами и постепенно видоизменявшегося в трипольскую; в) рассмотрение дунайской культуры, с одной стороны, а триполя и «Бояна» — с другой, как генетически независимых явлений.

Формулированию этой точки зрения содействовало выделение автором в 1946 г. особого типа неолитической культуры, именуемой нами сурско-днепровской¹⁴. Имея в качестве экономической основы развитые

⁸ С. Н. Бибиков, Раннетрипольское поселение Лука-Брублевецкая на Днепре, МИА, № 38, 1953, стр. 278—281 и 286.

⁹ Там же, стр. 278 (примечание).

¹⁰ Там же, стр. 106, 279—280 и др.

¹¹ Там же, стр. 100—106 и 279.

¹² Там же, стр. 219—238.

¹³ Є. Рудинська, У наукова конференція Інституту археології АН УРСР, «Археологія», т. II, К., 1948, стр. 212—213.

¹⁴ В. М. Даниленко, До питання про ранній неоліт Південної Наддніпрянщини, «Археологія», т. III, К., 1950, стр. 119 и сл.

рыболовство, охоту и растительное собирательство¹⁵, эта культура, согласно более поздним уточнениям, существовала в раннем и развитом неолите и, кроме того, характеризовалась также первоначальным развитием скотоводства¹⁶.

Однако уже в пору определения сурско-днепровской культуры как особого исторического явления нельзя было не заметить генетической связи отдельных ее элементов (линейной орнаментации посуды, особой вырезной техники исполнения сопроводительного орнамента, типы роговых мотыг и пр.) с соответствующими элементами таких древних земледельческих культур Европы, как дунайская, боянская и трипольская¹⁷. Попутно отметим, что подобная оценка сурско-днепровской культуры, большая древность ранних звеньев которой относительно дунайской никем не оспаривается, проникла и в зарубежную археологическую литературу¹⁸.

Тем временем наметилась возможность приступить к изучению вопроса о сложении самой трипольской культуры путем раскопок. Этому содействовали случайные сигналы о существовании на Южном Буге особого типа неолитической культуры, близкого к трипольской.

Стремясь выверить это наблюдение на археологической основе в 1949 и 1955 гг. мы предприняли разыскание и раскопки на Южном Буге неолитических памятников.

В настоящее время на территории Южнобугского бассейна известно около 40 неолитических поселений и несколько погребений, выделяемых нами в особую южнобугскую культуру и относящихся к развитому и позднему неолиту¹⁹.

Памятники более ранней фазы южнобугской культуры интересны прежде всего заметным сходством с памятниками развитой поры сурско-днепровской культуры, что разрешает думать об их генетическом родстве.

Поселения этой поры располагаются на склонах лесовой террасы или на надпойме (более древняя часть Савранского поселения, Мельнична Круча, Березовская ГЭС, Жакчик и др.). Характерной особенностью их является наличие кухонных куч из раковин перловицы и костей животных, микролитического кремня, в составе которого присутствуют геометрические формы — трапеции и сегменты, присутствие остродонных сосудов S-видного профиля, украшенных линейным, гребенчатым и накольчатым орнаментом и пр. Вероятно, к этому же времени относятся скорченные погребения близ м. Саврань, а также группа погребений, найденная Е. Ф. Лагодовской у с. Прибугское (Ак-Мечетка), сопровождавшаяся остродонной чашкой²⁰.

Памятники второй фазы южнобугской культуры в ряде существенных черт уже близки к древнейшим трипольским.

Памятники этого времени располагаются на краю надпойменной террасы (Саврань-жилища, Гард, Миколина Брояка, Черный Ташлык и пр.). Их характеризуют прямоугольные жилища, вероятно несколько

¹⁵ В. М. Даниленко, До питання про ранній неоліт Південної Наддніпрянщини, стр. 125—126 и 130—132.

¹⁶ І. Г. Підоплічко, Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР, вип. 2, К., 1936, стр. 14—18, 26—27, 57.

¹⁷ В. М. Даниленко, До питання про ранній неоліт Південної Наддніпрянщини, стр. 146.

¹⁸ А. Häusler, Die kulturellen und wirtschaftlichen Beziehungen der Bevölkerungsgruppen Mittelrußlands am Ende der Jüngerer Steinzeit; Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Jahrg. V, N. I, стр. 76; T. Sulimirski, Polska przedhistoryczna, Część I, Londyn, 1955, стр. 123.

¹⁹ В. М. Даниленко, Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі, «Археологія», т. X, К., 1956.

²⁰ «Археологічні дослідження на території Богесу», К., 1933, стр. 45 и сл., табл. 28, в.

углубленные, у которых нередко имелись каменные основания. Такие памятники обнаруживают уже явные признаки принадлежности к числу древнеземледельческих. Об этом, например, свидетельствует наличие своеобразных костяных мотыг, находка зернотерки (Саврань), а также отпечаток зерна злака на фрагменте посуды (Миколина Броека). Весьма интересна керамика, которая по формам и орнаменту обнаруживает черты сходства с древнейшей трипольской. Из форм улавливаются остrodонные горшки S-видного профиля, являющиеся архаическим переживанием, плоскодонные горшки, высокие горшки и широко открытые чаши с воронковидным низом и плоским дном — формы, известные как в раннетрипольских²¹, так и в боянских²² комплексах.

Очень интересны орнаментальные композиции и техника их исполнения, характеризующие все перечисленные выше формы сосудов. Преобладает техника нанесения проглашенных линий, которые сопровождаются оттисками гребенчатого штампа. Композиции имеют характер сложного «текстильного» орнамента и чаще — сложных угловатых фигур, близких к архаическим боянским; встречаются и криволинейные рисунки, для которых необходимо подчеркнуть использование техники нанесения широких канелюров.

Не менее показателен и характер кремневого инвентаря названных выше памятников. Его характеризуют плоские микролитические и несколько более крупные призматические нуклеусы и небольшие пластинки с них, небольшие округлые скребки из отщепов, трапеции, и своеобразные наконечники стрел ромбической формы, изготовленные из обломков пластинок. Сохраняя вполне неолитический характер, такой набор кремневых изделий вместе с тем почти не отличим от наборов кремневых изделий перечисляемых ниже трипольских, а также синхронных с ними боянских памятников.

Вполне очевидно, что уточнение хронологического положения древнейших собственно трипольских памятников осуществлялось нами в сопоставлении с изучавшимися неолитическими памятниками.

Наиболее древние трипольские памятники в настоящее время известны на обширной территории — от верховий Быстрицы в Румынии и до Синюхи и среднего течения Южного Буга на Украине. По-нашему, из них собственно трипольскими и самыми древними являются Сабатиновка II²³, Данилова Балка²⁴, Красноставка²⁵, Вишнopol²⁶, Александровка²⁷ и др., в то время как памятники типа Брага²⁸, Унгени (Богдэнешти)²⁹, Флорэшти (раскопки Т. С. Пассек), Зэнэшти (Дялул-Вией, Дялул-Фынтынилор)³⁰, Владени³¹ (Ларга-Жижия), Гатул-Лупу-

²¹ М. Л. Макаревич, Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури, АП, т. IV, К., 1952, стр. 89—95.

²² E. Comşa, Considerații cu privire la evoluția culturii Boian Studii și cercetări de istorie veche, т. V, N 3-4, București, 1954, стр. 375 и сл.

²³ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич, Дослідження на II Сабатинівському поселенні в 1949 р., АП, т. VI, К., 1956.

²⁴ Т. Пассек, La céramique tripolienne, ИГАИМК, вып. 122, Л., 1935, табл. XVII, 3—9, 11; табл. XIX, 1—5, 9—16 (по уточняющим архивным данным, воспроизведенные здесь изделия происходят не из Саврань, а из Даниловой Балки). См. также Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, стр. 28 и сл.

²⁵ Т. Пассек, La céramique tripolienne, табл. VI, 1—4; Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, стр. 37.

²⁶ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, стр. 28—41, особенно 38—39, рис. 7, 3.

²⁷ А. Л. Есипенко, Памятники ранней поры триполья у поселка Кирилловка, Одесской области, КСИА, вып. 4, 1955, стр. 140—142.

²⁸ П. И. Борисковский, Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Наддністриянщини, «Археологія», т. IV, К., 1950, стр. 120—122.

²⁹ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, стр. 28—41, рис. 7, 1, 2.

³⁰ Н. Dumitrescu, Sintierul Trajan, SCIV, V, N 1-2, 1954, стр. 55—63.

³¹ Там же, стр. 41—43.

луй и др.³², то есть памятники, находящиеся на рубеже Днестра и западнее, обнаруживают значительное родство с нижнедунайской культурой «Боян».

Отличительной особенностью древнейших трипольских памятников являются небольшие размеры поселений, преобладание несколько углубленных жилищ, отсутствие меди, нетипичность боевых топоров и предметов вооружения, микролитический характер кремневых изделий, во всех отношениях близкий к инвентарю памятников савранского типа, архаический облик набора посуды, в частности, имеющей черты сходства с посудой боянской и кёрёшской культур, своеобразная, лишенная углубленного орнамента культура пластика, зачастую обнаруживающая наличие тесного контакта со средиземноморским культом³³ и пр.

Культурно-хронологическое место памятников этого типа относительно дунайской культуры уточнилось в последние годы.

Совсем недавно Г. Думитреску в урочище Дялул-Фынтынилор (на р. Жижия, Румыния) удалось зафиксировать залегание остатков трипольско-боянского характера (тип Зэнэшти) ниже слоя с линейно-ленточной («нотной») керамикой³⁴, а Т. С. Пассек в Молдавии (Флорэшти) пришлося фиксировать обратный порядок залегания остатков двух названных выше культур.

В настоящее время можно считать установленным, что на той части Среднего Днестра, которая приходится на территорию Украины и Молдавии, а также на примыкающей к ней непосредственно с запада северо-восточной части Румынии из числа памятников дунайской культуры встречаются одни лишь памятники с нотной орнаментацией³⁵. Из этого факта, а равно и из отмеченных выше фактов стратиграфических наблюдений можно сделать только один вывод — часть населения дунайской культуры, первоначальный период сложения которой проходил на другой территории³⁶, проникла на восток к тому времени, когда здесь уже обитали трипольско-боянские племена. Той же мысли придерживается и Г. Думитреску³⁷.

О том, насколько кратковременным было проникновение на восток, в частности на Поднестровье, населения дунайской культуры, свидетельствует полное отсутствие здесь памятников с накольчатой керамикой, а также очевидность факта скорого возвращения на эту территорию трипольцев. Начальную дату такого обратного продвижения фиксируют памятники типа Луки-Врублевецкой, а факт занятия «дунайских» урочищ трипольцами подтверждается стратиграфией из района с. Незвиско (слой типа Кукутени, а под ним дунайский комплекс с «нотной» керамикой)³⁸.

Сопоставляя охарактеризованные выше данные с данными других южноевропейских территорий, наше суждение по вопросу о происхождении трипольской культуры можно сформулировать следующим образом:

а) Трипольская культура не является первой замедельческо-скотоводческой культурой Восточной Европы. Ей, в частности на Южном

³² Colectivul (ближе не уточнено), Santierul Valea Jijiei, SCIV, III, 1952, стр. 43—44.

³³ SCIV, VI, стр. 318—319, фиг. 7, 2.

³⁴ H. Dumitrescu, Santierul Trajan, SCIV, V, N 1-2, тб. I, II, III, 7—9; H. Dumitrescu, Santierul archeologic Trajan (1954), SCIV, VI, N 3-4, стр. 459 и сл., особенно стр. 466.

³⁵ J. Nestor и др. Săpăturile de pe santierul valea Jijiei (Jasi—Botoșani—Dorohoi) în anul, 1950, SCIV, anul II, 1950, стр. 53—54.

³⁶ E. Neustupný, K relativní chronologii volutové keramiky, Archeologické rozhledy, VIII, N 3, стр. 386 и сл.

³⁷ H. Dumitrescu, SCIV, Santierul archeologic Trajan, VI, N 3-4.

³⁸ Е. К. Черныш, Раскопки в с. Незвиско, Станиславской области, КСИА, вып. 4, К., 1955.

Буге, предшествует неолитическая культура, также имевшая земледельческий характер и входившая, подобно трипольской, в европейско-средиземноморскую провинцию древнеземледельческих культур, простиравшуюся вдоль побережий Черного и Средиземного морей — от Южного Буга и до Италии *.

б) Переход на неолитический этап развития и ранняя фаза неолитической культуры в условиях Восточной Европы совпали с приручением первых животных и последующим экономическим доминированием скотоводства в условиях степной зоны ³⁹.

в) Переход на земледельческий этап развития в условиях Европы, в частности, в лесостепной части Правобережной Украины, был равнозначен переходу на этап развитого неолита.

г) Знакомство с земледелием на территорию Восточной Европы приходит из области Восточного Средиземноморья. В этом самом существенном пункте сходятся все названные выше точки зрения. Расхождения в отношении триполья основываются лишь на различной оценке значения того или иного конкретного пути — вардаро-моравского, среднеевропейского («дунайского») или нижнедунайского.

д) Культурно-историческое развитие на нижнем Дунае, протекавшее в теснейшем контакте с Восточным Средиземноморьем и также, видимо, поконившееся на местной доземледельческой основе, характеризовалось этнографически независимыми от триполья формами культуры, которые были параллельны ему. В последние годы румынскими археологами (Е. Комша, Г. Думитреску и др.) была создана предварительная, но вместе с тем, видимо, правильная схема, согласно которой в развитии боянской культуры фиксируются как неолитические фазы, так и фазы, относящиеся к медному веку: Болинтияну и Джулешти (неолит), Видра («Боян А» в прежних схемах) и Петру Рареш (médный век) ⁴⁰; последняя фаза уже является переходной к культуре Гумельницы, которая синхронизируется с развитым трипольем ⁴¹.

е) Культурно-историческое развитие на территории Правобережной лесостепной Украины, в частности на Южном Буге, в продолжении развитого и позднего неолита протекало в направлении сложения собственно трипольского этнографического массива. На раннем этапе триполье захватывает пограничье среднего и верхнего Днестра, где прежде некоторое время обитало неолитическое население с линейно-ленточной керамикой, а на среднем этапе перекидывается на средний Днепр и даже проникает в Трансильванию, что приводит к установлению контакта с балканскими культурами расписной керамики, возникновению металлургии меди и перенесению центра культурного развития с Южного Буга на Днестр.

В истории трипольской культуры, на этапе ее становления и первоначального развития, мы можем, по-видимому, различать как неолитические, так и энеолитические фазы. Перечисление и сопоставление их с нижнедунайскими приводится ниже (см. схему).

Приведенная нами схема в последующем будет уточняться. Такая необходимость обуславливается рядом причин. Во-первых, сложение трипольской культуры происходило в неоднородной, очень пестрой этноплеменной среде предшествующей поры, которая в настоящее время

* О том, что выделенные автором памятники с течением времени перестанут быть чисто южнобугским явлением, говорят открытия последних лет, сделанные молдавскими археологами (Маркевич) на среднем Днестре.

³⁹ Данные многослойного поселения у Каменной Могилы в Приазовье, а также памятников сурско-днепровской культуры. См. I. G. Підоплічко, Матеріали..., стр. 54—55.

⁴⁰ E. Comşa, Considerații..., SCIV, VI, N 3-4.

⁴¹ Rosetti, Dina, V. Săpăturile de la Vidra, Publicațiile Muzeului Municipiului, București, N 1, 1934.

выявлена еще не полностью. Во-вторых, не все черты южнобугской культуры начаты полевыми исследованиями, и в силу этого определились с необходимой полнотой.

Украина

Нижний Дунай

Неолит (дотрипольское-добоянское время)

1. Березовская ГЭС, Мельнична Круча	1. Памятники кёрешской культуры
2. Саврань-жилища, Гард и др.	2. Болинтиняну и Джулешти ⁴²

Медный век (раннетрипольское и боянское время)

3. Сабатиновка II, Брага и др.	3. «Боян А», Зэнэшти
4. Лука-Врублевецкая, Грековка	4. Петру-Рареш ⁴³ , Извоар — нижний слой

Учитывая крупный научный интерес и актуальность вопроса об истоках древнеземледельческой культуры в юго-восточной Европе и в то же время особую сложность этого вопроса, в качестве одной из неотложных задач археологического исследования Украины следует поставить задачу выявления и раскопок дотрипольских памятников наПравобережье Украины. Усиление подобных работ тем более необходимо, если учитывать, что ряд дотрипольских памятников Побужья, например, памятники, выявленные в последние годы П. И. Хавлюком в районе Глыбочен—Ладыжин—Брацлав, находится в зоне строительства и в скором времени будут неминуемо разрушены.

⁴² Существует также мнение о том, что культурные типы Джулешти и Зэнэшти представляют синхроничные локальные варианты одной и той же культуры. Н. Димитреску, *Santierul archeologic Trajan* (1954), SCIV, VI, N 3-4, 1955, стр. 478.

⁴³ Colectiunal, *Santierul verbicioara, pogea Săpăturile de pe dealul s Tiera, Comuna Clemenov, Redgina Doly*, SCIV, III, 1952, стр. 143—146.

ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК У ХУТОРА АЛЕКСАНДРИЯ

Д. Я. ТЕЛЕГИН

Как известно, еще работами В. А. Городцова в бассейне С. Донца была выделена группа погребальных памятников древнеямной культуры, датированной исследователем периодом ранней бронзы¹. В настоящее время курганные и бескурганные погребения этого типа хорошо известны на всем протяжении степной зоны Восточной Европы от Днепра и до нижней Волги. Обнаружены и исследованы также и синхронные поселения².

Изучение археологических памятников Донеччины за последнее десятилетие показало, что в неолитическое время эта территория была заселена носителями культуры гребенчато-накольчатой керамики, широко известной в лесостепной части украинского Левобережья³ и, по-видимому, более восточных, главным образом, лесостепных территорий Европейской части СССР.

До последнего времени, однако, вопрос о культуре энеолитического периода Донеччины по существу еще не ставился. Известного рода пробел в изучении памятников эпохи раннего металла Восточной Украины чувствовался тем сильнее, что в Приднепровье синхронные триполью поселения и погребения типа Средний Стог 2 были известны уже довольно давно⁴. Обнаружены они также и на более восточных территориях — на нижнем Дону, в районе станицы Цымлянской⁵.

Раскопки поселения и могильника около хутора Александрия в 1955—1957 гг. впервые дали возможность выяснить переход донецкого неолита к эпохе меди и вместе с тем подойти к вопросу генезиса древнеямной культуры.

Поселение у х. Александрия, Куллянского района, Харьковской области, расположено на задернованном мысе окраины боровой террасы левого берега р. Оскол. Высота местонахождения над окружающим его с трех сторон лугом — 4—6 м.

¹ В. А. Городцов, Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г., «Труды XII АС», т. I, М., 1903, стр. 189 и сл.

² И. В. Синицын, Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем, КСИА, вып. 7, К., 1957, стр. 32; Е. Ф. Лагодовская, Михайловское поселение и его историческое значение, КСИА, вып. 4, К., 1955, стр. 119—121.

³ Д. Я. Телегин, Неолитичні поселення лісостепового Лівобережжя і Полісся України, «Археологія», т. XI, К., 1957, стр. 70 и сл.

⁴ А. В. Добропольский, Звіт за археологічні досліди на території Дніпрельстану, ЗДІМ, т. I, Дніпропетровськ, 1929, стр. 103 и сл.; В. Н. Даниленко, О ранніх звеньях розвитку степних восточноевропейських культур шнурової кераміки, КСИА, вып. 4, К., 1955.

⁵ А. А. Формозов, Неолитическая керамика Нижнего Подонья, КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 134 и сл.

На поселении вскрыта площадь 1230 м², в результате чего территория древнего поселения была исследована почти полностью.

В разрезе раскопа отмечена довольно сложная стратиграфия наслойния и залегания в них археологических материалов различных эпох неолита, энеолита и двух этапов эпохи бронзы (см. рис. 1).

Ниже приводится краткая характеристика остатков материальной культуры энеолитического слоя, являющегося на поселении основным

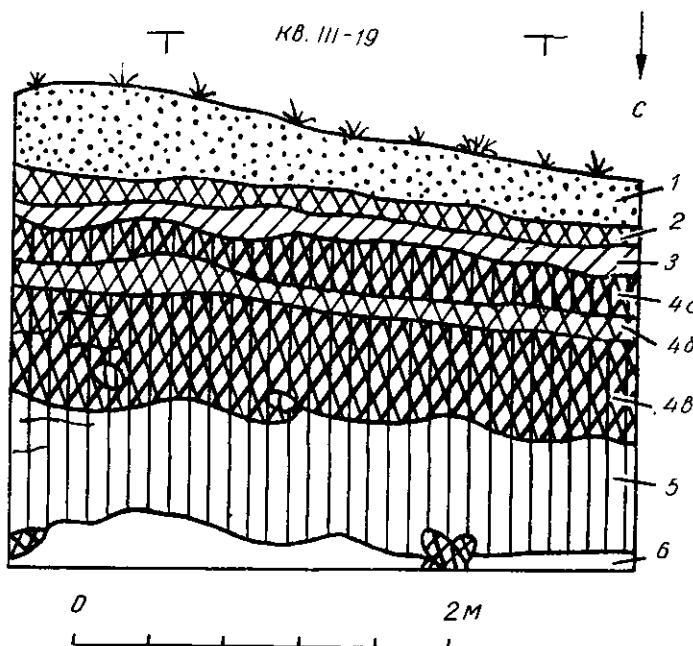

Рис. 1. Александрия. Разрез наслойний и залегания культурных слоев.

1 — балласт (поздний падувной песок); 2 — темный гумусированный песок, в котором отмечены находки многоваликовой керамики; 3 — серо-бурый песок без археологических находок; 4 — плотный черно-углистый песок, разделенный на два горизонта (4а и 4в) светлой прослойкой (4б). В нижнем, более мощном горизонте — культурный слой энеолитического времени, в верхнем — материалы раннего этапа древчайтской культуры; 5 — песок серый с прослойками ортштейна. В слое находки неолитического времени, а также залегание энеолитических погребений, которые иногда опускаются в материк дюны; 6 — светлый песок (материк дюны) — начинается на глубине около 2 м.

(нижний слой), а также слоя с материалами раннего этапа древнеямной культуры (верхний слой). На сравнительно бедных находках неолитического времени и многоваликовой керамике мы здесь не останавливаемся.

Нижний культурный слой. Поселение представляет собой скопление черноуглистого песка, довольно сильно сцементированного зольными остатками. В слое собрано большое количество керамики (около 4000 фрагментов) и кремневых изделий (около 1000 экз.), отдельные изделия из кости и камня, фаунистические остатки. Эти находки более или менее равномерно насыщали весь нижний горизонт черного слоя на всю его глубину. В отдельных случаях отмечено залегание черепков, принадлежащих одному сосуду.

В основании черного слоя зафиксировано 10 округлых в плане темных пятен с угольками и пережженными кремнями в заполнении. Два из них довольно больших размеров, поперечником до 3 м. Диаметр остальных редко превышает 1 м. При расчистке на месте пятен образовывались углубления обычно глубиной до 15—20 см. Пятна, по всей видимости, соответствуют местам открытых кострищ. Открыт один небольшой очажок, выложенный из небольших зеленоватых камней.

Жилых сооружений на поселении обнаружить не удалось. Вероятно, они были наземными и поэтому не сохранились.

Кремневый инвентарь горизонта многочисленный и разнообразный. Выделено около 50 нуклеусов и несколько сот ножевидных пластин, много законченных орудий труда.

Ножевидные пластины средних (6—10 см) и крупных (до 15 см) размеров. Последние весьма характерны для энеолитического слоя Александрии. Большинство из них превращено в крупные режущие орудия — ножи. В культурном слое поселения ножей обнаружено 102 экз. Рабочий край этих орудий подправлен ретушью. Кончик несколько острен (рис. 2, 1), в нескольких случаях скошен под углом или превращен в проколку. На некоторых ножах имеются явные следы заполированности от употребления. Интересно, что два ножа имеют подшлифовку по спинке пластины. Некоторые режущие орудия типа ножей изготовлены на неправильных пластинах или удлиненных отщепах.

Скребки составляют самую многочисленную группу инвентаря (245 экз.). Они изготовлены преимущественно из крупных и небольших отщепов, лишь небольшая часть — из пластин, обычно крупных. Некоторые скребки имеют особенно крупные размеры — длиною до 10—12 см. В слое собрано большое количество отщепов со следами использования их в роли скребущих орудий, а также много обломков скребков.

Наконечников копий и стрел обнаружено 24, кроме того, найдено 54 обломка этих изделий и 8 заготовок. Изготовление острый осуществлялось, очевидно, на месте поселения. Все наконечники изготовлены путем двусторонней, обычно грубоватой отески. В 4—5 случаях ретуширование имеется не на всей поверхности орудия, а лишь по его краям. Иногда, очевидно, форма заготовки (отщепа или пластины) в значительной степени определяла очертания и размер остряя. По всему видно, что изделия типа наконечников копий и стрел на поселении имели довольно широкое применение. В материалах преобладают наконечники подтреугольной формы с ровным или выпуклым основанием (рис. 2, 3, 5). Средние размеры этих наконечников по длине 5—6 см. Меньше собрано острый удлиненной субромбической или субовальной формы. Их длина колеблется от 4 до 8 см. Имеется один наконечник с поперечным лезвием. Наконечники стрел (5 экз.) представлены подтреугольными формами с прямым, а чаще вогнутым основанием. Они двусторонне обработаны мелкими сколами. Длина этих острей 2—3 см.

Среди находок слоя выделено более 10 резцов, изготовленных на довольно крупных пластинах. Они могут быть отнесены к типу резцов на углу сломанной пластины.

С энеолитическим слоем связываются трапеции со строганой спинкой (7 экз.), изготовленные из пластин средних размеров. У этих изделий довольно основательно стесана спинка; боковые стороны не имеют крутой краевой ретуши (рис. 2, 4).

Топоры представлены 8 экземплярами. Среди них 5 целых и 3 в обломках. Обнаружено также более 10 заготовок. Топоры изготовлены из кремня кварцита и плотного сланца; один топорик сделан из камня зеленоватого цвета. Большинство топоров имеет полное или частичное шлифование поверхности. Топорик из камня зеленой породы небольших размеров ($4,5 \times 3$ см), подтреугольной формы с асимметричным в профиле лезвием и суженным «обушком». Есть два обломка верхних частей тонкообушенных топоров, овальных в сечении. Кремневые топоры сформированы обычно путем двусторонней отески. Из них лишь один имеет шлифование. Кварцитовый топор изготовлен в технике точечной обивки.

Кремневый инвентарь нижнего энеолитического горизонта соответствует набору орудий труда позднейшего неолита — начала эпохи

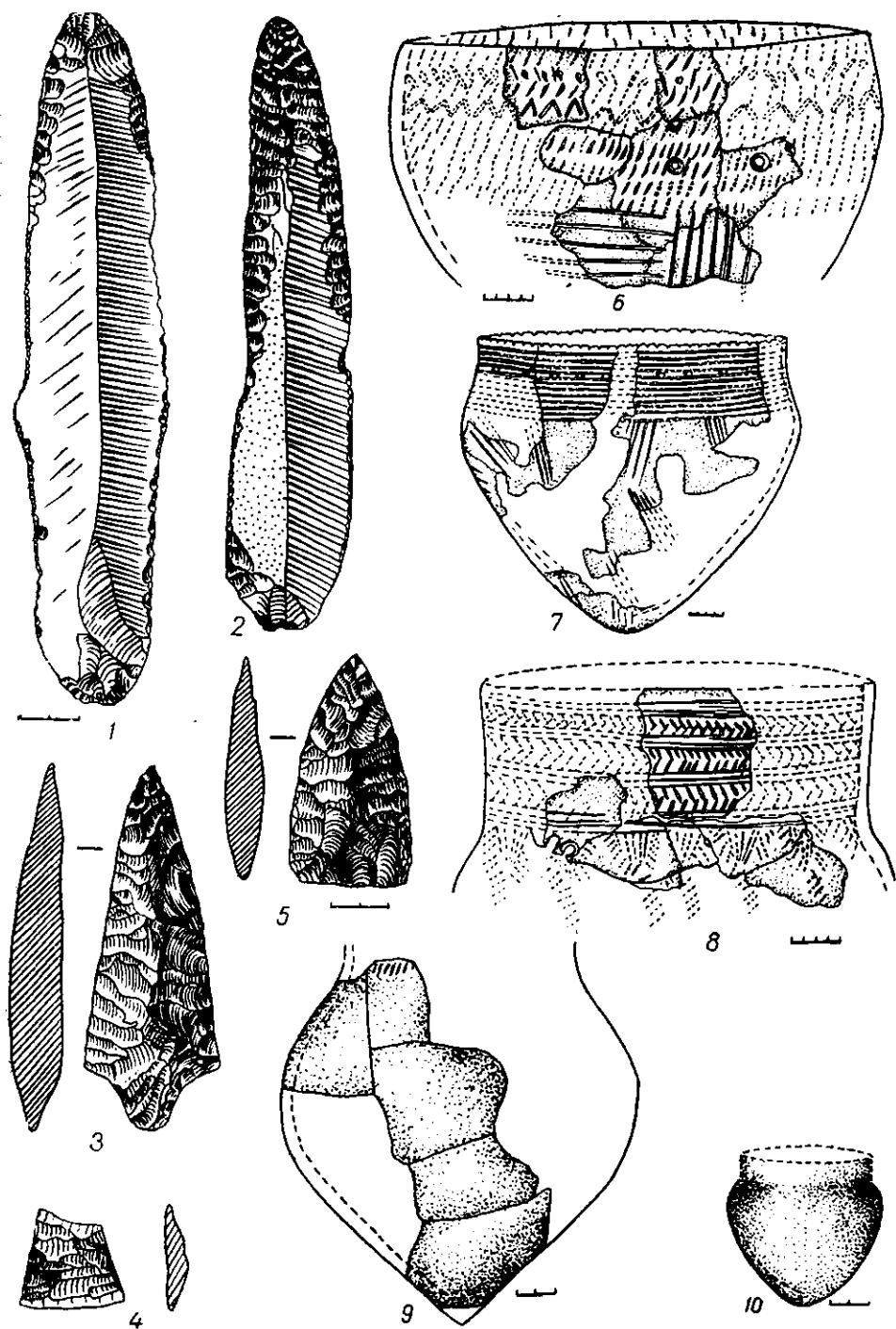

Рис. 2. Александрия.

1, 3—9 — кремневые орудия и керамика нижнего слоя; 2 — нож при вытянутом погребении (№ 17);
10 — сосудик при скорченном погребении (№ 22).

меди Левобережной Украины. Аналогичные ножки, пришлифованные торцы из кремня, трапеции со строганой спинкой свойственны, например, Мариупольскому могильнику⁶. Крупные ножевидные пластины сопровождали энеолитические погребения Чаплинского могильника⁷.

Керамика нижнего слоя Александрии чрезвычайно интересна и разнообразна. Ее изучение имеет решающее значение для определения культурной принадлежности памятника и выяснения характера энеолита Донеччины вообще. В результате камеральной обработки нам удалось реконструировать частично или полностью формы более 10 сосудов, что позволяет более определенно говорить как о формах, размерах, так и о композиции орнамента на них.

По признакам технологии керамики, формам сосудов и мотивам орнаментации весь керамический комплекс слоя можно разделить на две большие группы, почти равные в количественном выражении. Первая группа представлена сосудами поздней гребенчато-накольчатой керамики, вторая — высокогорлой керамикой с пористой массой или примесью ракушки в глине. Кроме того, выделено также небольшое количество фрагментов, которым свойственны черты ямочно-гребенчатой керамики. Следует заметить, однако, что несмотря на наличие четких признаков, свойственных каждой из отмеченных групп керамики, можно все же выделить ряд сосудов гребенчато-накольчатой керамики, которым присущи некоторые черты пористых сосудов. Эти факты, о которых мы неоднократно будем упоминать ниже, по всей вероятности, свидетельствуют о синхронности всей керамики слоя, по крайней мере на определенном отрезке времени.

Сосуды гребенчато-накольчатой керамики имеют две формы — остродонный горшок и миску. Горшки округлые с невысоким венчиком и обычно острым дном (рис. 2, 6, 7). В четырех случаях (из 30) отмечено слегка уплощенное дно поперечником не более 2—3 см. Уплощенные донышка чаще принадлежали хорошо слаженным подложенным сосудам.

Венчики сосудов по толщине не отличаются от стенок. Лишь в отдельных случаях они утолщены с наружной стороны, где образуется «воротничок». Срез венчиков заокруглен, реже — уплощен. Зачастую украшен отисками гребенки, наколами, либо гофрирован. Под венчиком, как правило, имеется один или два ряда глубоких цилиндрических ямок, образующих негативы-буторки на внутренней стороне сосуда. Особо следует отметить два довольно высоких венчика сосудов этой группы, которые по форме приближаются к типам венчиков пористой керамики. Один из них отличается также своим профилем и мотивом орнаментации.

Венчики горшков обычно плавно, без резкого излома формы переходят в стенки сосудов. Шейка у горшков этой группы по существу отсутствует. В средней части корпуса, на уровне максимального диаметра, горшки немножко раздуты. Ниже стенки идут конусом к острому дну. Пропорции этих сосудов обычно удлинены. Лишь немногие сосуды заметно отличаются округлым корпусом. Размеры горшков различны — диаметр горла колеблется от 5—10 до 25—35 см.

Сосуды гребенчато-накольчатой керамики изготовлены от руки ленточным способом. Они обычно толстостенные. Средняя толщина стенок 0,5—1 см. В глине заметен мелкий песок, но чаще видимой примеси совсем нет. Растительная примесь, столь характерная для более ранней неолитической керамики этого типа, применяется здесь очень редко и в весьма ограниченном количестве. Имеется также не-

⁶ М. Макаренко. Мариупольський могильник, К., 1933, рис. 16, 28, 32.

⁷ А. В. Добропольський. Могильник в с. Чаплі. «Археологія», т. IX, К., 1954, ст. 108.

большое количество плотных черепков, которые по форме сосудов и **орнаменту** относятся к описываемой группе керамики, но имеют **примесь** толченой раковины. По своим технологическим данным эти **сосуды**, к которым принадлежит также и одна миска, тяготеют ко второй группе керамики слоя.

Обжиг сосудов гребенчато-накольчатой керамики относительно **хороший**, излом обычно темный.

Горшки и миски этой группы украшались обычно от венчика и до **самого дна**. Лишь в отдельных случаях узор покрывал только верхнюю часть горшка. Иногда орнамент заходит и на внутреннюю сторону сосуда, покрывая узором венчик изнутри. В числе орнаментальных элементов решительно преобладает мелкая или довольно крупная гребенка (рис. 2, 6). Заметно реже применялись отступающие наколы различной формы, прочерченные и проглаженные (рис. 2, 7) линии и т. п. Иные элементы орнамента встречаются редко. Для украшения среза венчика иногда применялась перевитая палочка.

Мотивы узоров разнообразные и чрезвычайно сложные. В целом преобладает горизонтальная зональность. Широко применялись также треугольно-шевронные композиции и зигзаг; реже встречается вертикальность в расположении орнаментальных полос, кососетчатые композиции и диагональные мотивы. Отмеченные композиции и мотивы почти никогда не выступают самостоятельно, чаще они сочетаются в узоре одного и того же сосуда (рис. 2, 6, 7).

Генетические связи керамики первой группы Александрии следует искать в круге неолитических памятников культуры гребенчато-накольчатой керамики лесостепного Левобережья Украины (Бондариха II, устье Оскола, Никольская слободка, Моства⁸). С другой стороны, отмеченные выше особенности в формах сосудов, мотивах орнамента, составе массы и т. п. нужно, очевидно, расценивать как влияние технологии в изготовлении керамики второй группы слоя, к рассмотрению которой мы переходим.

Пористая высокогорлая керамика Александрии отличается от гребенчато-накольчатой прежде всего составом глины. В качестве примеси здесь преобладает какая-то выгорающая при обжиге мелкоистолченная органическая масса или измельченная ракушка. Благодаря таким примесям черепки очень рыхлые, пористые и легкие. Венчики сосудов высокие, ровные или слегка раздутые. Они, как правило, резким переломом отделены от плечиков (рис. 2, 8, 10). Некоторые сосуды имеют, наоборот, низкий венчик, но сильно отогнутый наружу. Они обычно округлительные, почти шаровидные по форме. В целом профиль сосудов II группы Александрии по сравнению с гребенчато-накольчатой керамикой значительно сложнее, форма более развитая.

Орнаментация пористой керамики также довольно разнообразная и сложная. Узор на сосудах, однако, расположен только по венчику и плечиках. Ниже уровня наибольшего диаметра сосуда он не опускается. Некоторые сосуды имеют довольно простой орнамент в виде лишь одного или нескольких горизонтальных рядов гребенчатого штампа или зигзага. Часто сосуды, очевидно, были почти совсем лишены орнамента (рис. 2, 9). В числе орнаментальных элементов преобладает мелкая гребенка и прочерченные линии, отмечены «отступающие наколы» и перевитая веревочка. Здесь появляется шнуровой орнамент. Ямки для **украшения** этой керамики не применялись совсем. Их нет даже под **венчиком** сосуда, что, как отмечалось выше, является столь **характерным** для керамики первой группы горизонта.

* Д. Я. Телегін, Неолітичні поселення лісостепового Лівобережжя і Полісся України, «Археологія», т. XI, К., 1957, стр. 70 и сл.

Отмеченные элементы орнамента почти всегда сочетаются в одном узоре. Так, например, на одном из сосудов (рис. 2, 8) шейка покрыта горизонтальными полосами из прочерченных линий, пространство между которыми заполнено отисками гребенки, расположенной в виде ёлочки. Ниже по плечикам находятся шевроны, отороченные рядами отисков гребенки, которые затем «свисают» вниз от каждого угла шеврона. Шевроны имеются также и на других сосудах.

Культурно-генетические истоки второй группы керамики нижнего слоя Александрии ведут нас в область степных культур времени позднейшего неолита — начала эпохи металла. Как уже отмечалось выше, керамика этого типа была впервые выделена А. В. Добровольским при раскопках верхнего слоя в урочище Средний Стог на Днепре. Она отмечена тем же исследователем в слое *Д* стоянки Игремь 8⁹. Один сосуд, представляющий близкую аналогию керамике второй группы Александрии, найден А. В. Бодянским в балке Квятянской около с. Федоровки, Запорожской области¹⁰. За последнее время памятники с керамикой этого типа обнаружены В. Н. Даниленко в долине р. Тясмина под Чигирином (Молюхов Бугор)¹¹. На основании находок трипольской керамики все эти памятники датируются в общем второй половиной III тысячелетия до н. э. Поселения с керамикой близких типов имели распространение и на более восточных территориях.

Как уже упоминалось, в верхней части наслоений черноуглистого песка залегал культурный слой раннего этапа древнеямной культуры. На некоторых участках раскопа он отделен от нижнего слоя тонкой, более светлой прослойкой (рис. 1).

Верхний культурный слой представлял собой наслаждение черного углистого песка, аналогичного нижнему горизонту, мощностью 15—20 см. В слое обнаружено около 800 фрагментов керамики, отдельные кремневые изделия. С этим слоем, по-видимому, связываются находки двух медных (?) шильев, взятых в верхней части черного углистого слоя и наконечник копья или ножа из того же металла.

Шилья четырехгранные в сечении, кованые, длиною 7,2 и 8,4 см (рис. 3, 4, 5). Наконечник копья также кованый, плоский с удлиненным выделенным черенком (рис. 3, 3).

Глиняная посуда, залегавшая в верхнем слое Александрии, является, с нашей точки зрения, дальнейшим развитием керамики нижнего слоя. В особенностях форм этих сосудов слоя, технологии их изготовления явно чувствуется переживание признаков рассмотренных выше двух групп керамики.

Горшки довольно крупных размеров (высота до 35 см), округлые, с округлым дном (рис. 3, 1). Наибольший диаметр корпуса находится в верхней трети или чаще на средине сосуда. Венчик прямой, иногда сравнительно высокий, но чаще низкий, утолщенный, слегка отведенный наружу. В тесте песок, черепки тяжелые и жесткие, покрыты многочисленными расчесами. Горшки, для которых характерен сравнительно высокий венчик, хорошо сглажены, имеют в тесте толченую раковину.

В числе орнаментальных элементов здесь применялся шнур, перевитая веревка, гребенка, прочерченные линии и округлые углубления — ямки. Орнаментация сосудов верхнего горизонта чаще бедная. Некоторые горшки были украшены рядом жемчужин под венчиком. Обычно они имеют также хорошо заметные вертикальные расчесы по шейке. Но многие сосуды покрыты довольно сложным узором, включающим

⁹ А. В. Добровольский, Восьма Ігремська неолітична стоянка, АП, т. II, К., 1949, рис. 4, 1, 3, 2.

¹⁰ Фонды Института археологии АН УССР.

¹¹ В. Н. Даниленко, Памятники чигиринского типа, КСИА, вып. 8 (печатается).

горизонтальные полосы и шевроны. Орнамент покрывает венчик и плечики. Ниже обычно не спускается. Узор состоит либо из горизонтальных рядов гребенки или заштрихованных остроугольных треугольников, спускающихся на плечики, либо включает горизонтальные оттиски шнура, чередующиеся с рядами вмятин, и зигзагов (рис. 3, 2).

Керамика этого типа находит полную аналогию среди материалов раннего этапа древнеямной культуры, о чём будет сказано ниже.

Могильник, исследованный на площади поселения, включает 43 древних погребения, в том числе 33 захоронения, относящихся к энео-

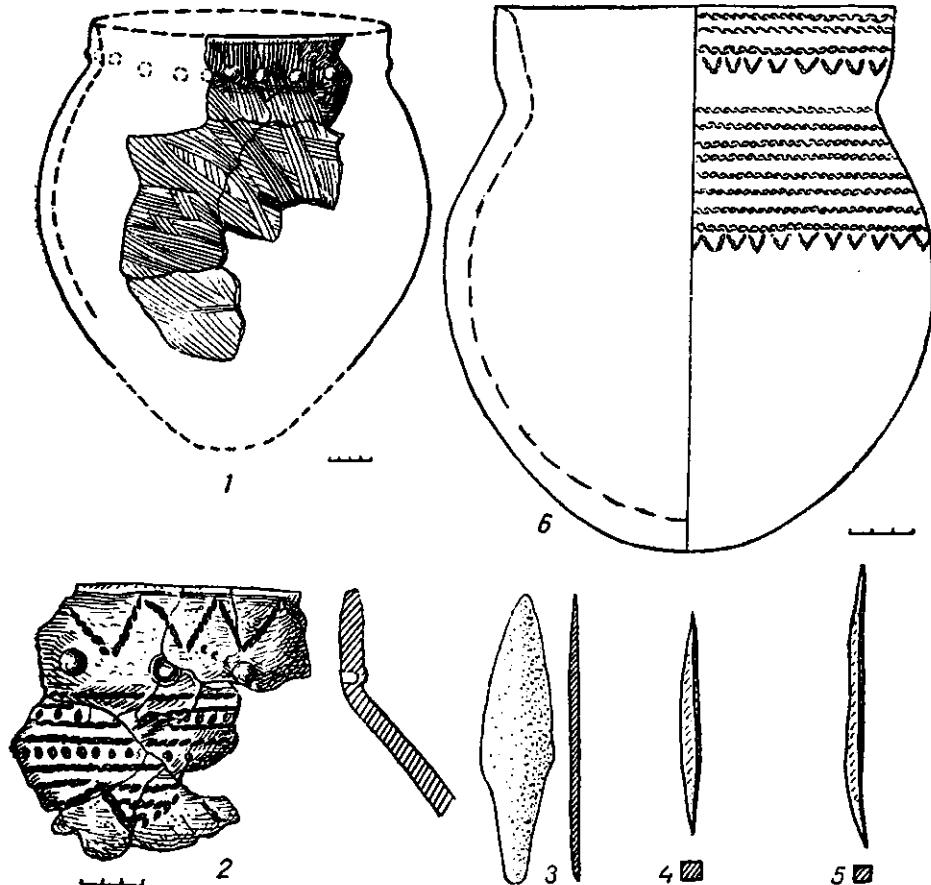

Рис. 3. Александрия.

1—5 — керамика и медные (?) изделия верхнего слоя; 6 — сосуд, хранящийся в Стalinском областном краеведческом музее.

литическому времени¹². Последние разбросаны по всей площади поселения без видимого плана и не образуют компактного могильника. Преобладают захоронения взрослых субъектов, есть, однако, погребения детей — восемь и подростков — три. Среди погребений 7 вытянутых захоронений (№ 3, 10—14, 17), одно расчлененное (№ 9), а также 25 погребений на спине с согнутыми в коленях и подогнутыми вверх ногами (№ 1, 2, 4—8, 15, 16, 18—20, 22—24, 26, 29, 30, 30а, 32—35, 37—44).

Группа вытянутых погребений отличается от скрученных не только положением конечностей, но и сравнительно большей глубиной залегания.

¹² Остальные погребения более поздние — 2 салтовских и 8, относящихся к концу XVIII—началу XIX в.

Они обнаружены на глубине около 1,2 м от начала темного слоя, т. е. в основании слоя серого песка. Скорченные погребения на этих участках раскопа залегают на глубине всего 0,8 м. Вытянутые захоронения № 11—14 лежат рядом, очевидно, в одной яме. При трех вытянутых скелетах взяты кремневые ножи или большие ножевидные пластины (№ 17, 10—11; рис. 2, 2). Все погребения засыпаны охрой. Особенно густо был окрашен скелет № 17. Большинство вытянутых погребений ориентировано головой на восток.

Судя по характеру костей черепа, отличающихся массивностью, к группе вытянутых погребений должно быть отнесено также и расчлененное захоронение (№ 9).

Скорченные погребения на спине, как отмечалось, лежат значительно выше вытянутых. Ноги согнуты в коленях и приподняты, руки вдоль туловища, кисти рук чаще на тазе. Ориентация погребений различная, преобладает восточная, юго-восточная или северо-восточная. Некоторые покойники были обращены головой на север или северо-запад. Среди погребений этой группы три парных захоронения и одно групповое (№ 4—8). Групповое захоронение несколько отличается от остальных скорченных погребений положением костей ног, которые развернуты ромбом, а также наличием при скелете № 4 нескольких обломков и одного целого наконечника стрелы — находок, не обнаруженных при других скелетах. Возможно, эта группа захоронений является несколько более поздней. При восьми скорченных погребениях (№ 18, 20, 23, 29, 34, 37, 38 и 40) обнаружены кремневые ножи или крупные ножевидные пластины, совершенно аналогичные находкам при вытянутых скелетах и собранным в энеолитическом слое. При скелете № 22 стоял также миниатюрный остродонный сосудик с ракушкой в тесте, типа второй группы керамики энеолитического слоя (рис. 2, 10).

Инвентарь при вытянутых и скорченных на спине захоронениях свидетельствует о принадлежности их одному историческому периоду. Несмотря на одновременность обеих групп погребений, различия в их обряде погребения, а также неодинаковый тип черепов погребенных¹³ указывает на принадлежность выделенных типов погребений различным группам населения. Учитывая значительно большую глубину залегания вытянутых костяков по сравнению со скорченными, можно предполагать, что эти погребения относятся к начальной поре формирования энеолитического слоя, возможно, еще до появления здесь керамики второй группы. В целом эта группа вытянутых погребений в культурно-хронологическом отношении может быть сопоставлена с поздненеолитическими погребениями Надпорожья и Приазовья (Мариуполь, Вовники).

Аналогии скорченным на спине погребениям следует искать на Чаплинском могильнике, среди некоторых погребений Виноградного острова и, наконец, среди древнеямных погребений вообще. Сосуд при скелете № 21 дает основание считать эту группу погребений принадлежащей носителям культуры, которая характеризуется пористой керамикой поселения Александрии.

Наличие двух групп погребений в Александрии, которые в известной степени увязываются с материалами поселения, имеет важное значение для суждений об этническом составе энеолитического населения Донеччины.

Такова общая характеристика культурных наслойений Александрийского поселения.

¹³ По предварительному определению Т. С. Суриной среди черепов скорченных погребений имеются довольно грациальные типы, в то время как все вытянутые погребения могут быть связаны с захоронениями широколицых кроманьонцев типа неолитических могильников Надпорожья.

Одним из наиболее важных результатов исследования в Александрии является выделение своеобразной энеолитической культуры Донеччины, хорошо представленной в находках нижнего слоя поселения.

Для материальной культуры этого времени является характерным стык и, очевидно, сосуществование двух типов керамики — поздней гребенчато-накольчатой, вырастающей на местной неолитической основе, и пористой высокогорлой, свойственной племенам более южных степных территорий. Среди кремневого инвентаря в это время продолжают бытовать и развиваться все формы, возникшие еще в финально-неолитическое время Украины (Мариуполь, устье Оскола I)¹⁴, в том числе крупные кремневые ножи, изготовленные из больших ножевидных пластин, наконечники копий и стрел преимущественно под треугольной формы, шлифованные топоры из кремня и камня и т. п. Не исключена возможность доживания до этого времени позднейших образцов трапеций со строганой спинкой. Изделия из металла пока на памятниках этого времени Донеччины не обнаружены.

Основным занятием населения энеолита было, очевидно, разведение домашних животных. В числе домашнего стада Александрии мы видим домашнего быка, мелкий рогатый скот, свинью и домашнюю лошадь¹⁵. В жизни населения заметное место также занимала охота на диких животных — благородного оленя, косулю, дикую свинью, водоплавающих птиц и т. п.

Погребальный ритуал характеризуется наличием двух типов бескурганных захоронений, вытянутых на спине, иногда групповых и скорченных на спине одиночных, реже парных. Среди погребального инвентаря встречаются крупные кремневые ножи, а в единичных случаях — орудия из кости. По-видимому, на этом этапе культурного развития населения Донеччины впервые возникает обычай ставить покойникам глиняную посуду. Как указывалось выше, люди, оставившие нижний энеолитический горизонт Александрии, антропологически не были однородными. Они представлены поздними кроманьонцами, а также типами, для которых свойственна значительная грациализация лица.

Все вышесказанное позволяет предположить, что энеолитическая культура Донеччины сложилась на базе местных неолитических традиций круга памятников гребенчато-накольчатой керамики лесостепного Левобережья и пришлых степных культурных элементов типа Среднего Стога.

Энеолитические памятники в пределах Донеччины зафиксированы в целом ряде памятников, обнаруженных еще Н. В. Сибilevым. Здесь следует упомянуть о поселении в урочище Миньевский Яр, где был обнаружен высокогорлый сосуд из пористой глины, типологически близкий керамике второй группы нижнего слоя Александрии (рис. 4). Поздние типы гребенчато-накольчатой керамики и фрагменты пористых судов известны на Изюмской 5-й и Веревкинской 14-й стоянках. Эта керамика сопровождается кремневым инвентарем, прямые аналогии которому мы имеем теперь в основном слое Александрии.

Дальнейшее развитие энеолита Донеччины нашло свое отражение в верхнем слое Александрии, керамика которого сложилась на базе традиций нижнего слоя. На С. Донце керамика, родственная находкам верхнего горизонта Александрии, встречена пока в ограниченном количестве. Можно лишь назвать отдельные находки на изюмских стоянках, а также округлодонный высокогорлый сосуд, хранящийся в Станичном краеведческом музее (рис. 3, б). Эта керамика Александрии находит аналогии среди памятников раннего этапа древнеямной культуры.

¹⁴ Раскопки автора в 1951 г.

¹⁵ Определение В. И. Бибиковой.

Сосуды близких типов составляют одну из характерных черт второго слоя Михайловского поселения на Днепре¹⁶. Они свойственны поселению у хутора Репин на Дону¹⁷, встречаются в курганах Поволжья. Таким сосудом, например, сопровождалось основное погребение кургана 2 около с. Быково, Ставропольской области. Причем около одного впускного захоронения в этот курган был обнаружен горшок, обычный для ямной культуры, что подчеркивает их относительную хронологию.

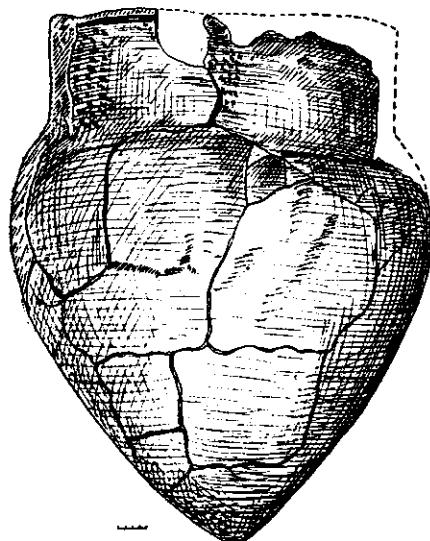

Рис. 4. Высокогорлый пористый сосуд из Миньевского Яра.

По аналогии с днепровскими памятниками медного века рассмотренное выше энеолитическое поселение Донеччины, а также материалы раннего этапа древнеямной культуры, которые, по всей видимости, синхронны первому и второму слоям Михайловского поселения, могут быть датированы второй половиной—концом III тысячелетия до н. э. Отнесение керамики верхнего слоя Александрии к раннему этапу древнеямной культуры согласуется с датировкой упоминавшегося выше сосуда из Быково, который Н. Я. Мерперт связывает с древнейшими формами древнеямной культурной области¹⁸.

В заключение заметим, что на основании материалов раскопок из Александрии может быть успешно продолжена разработка вопроса о путях сложения древнеямной культуры, реше-

ние которого, несмотря на имеющиеся в литературе по этому поводу высказывания, является еще делом будущих исследований. В материалах Александрии, как нам кажется, находятся подтверждения существующим мнениям о генетической связи раннеямной культуры с памятниками Среднего Стога 2¹⁹, а также предположению о возникновении культуры ранней бронзы в степях Левобережья на основе контакта степного и лесостепного населения.²⁰

Сейчас, однако, после раскопок в Александрии можно более определенно говорить о вырастании древнеямной культуры на базе взаимной ассимиляции лесостепной неолитической культуры гребенчато-накольчатой керамики и энеолитических памятников степи типа Среднего Стога 2.

¹⁶ Е. Ф. Лагодовская, ук. соч., рис. 1, 2, 4.

¹⁷ И. В. Синицын, ук. соч., рис. 2.

¹⁸ Н. Я. Мерперт, Из древней истории Среднего Поволжья, МИА, № 61, стр. 61.

¹⁹ В. Н. Даниленко, О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики, КСИА, вып. 4, К., 1955, стр. 127, 128.

²⁰ Е. Ф. Лагодовская, ук. соч., стр. 121.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ МИХАЙЛОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Е. Ф. ЛАГОДОВСКАЯ, О. Г. ШАПОШНИКОВА,
М. Л. МАКАРЕВИЧ

Среди археологических исследований за послевоенные годы на Украине особое внимание привлекают к себе раскопки Михайловского поселения времени ранней бронзы на нижнем Днепре.

Уже сам факт открытия и исследования поселения этого времени для степной полосы представляется событием немалой научной значимости, поскольку изучение древней истории степного населения Восточной Европы в период ранней бронзы вплоть до последнего времени основывалось исключительно на материалах раскопок курганных могильников, что, естественно, не могло дать полного раскрытия реальной картины исторической действительности. О носителях древнеямной культуры сложилось представление, как о населении с низким уровнем производительных сил, которое в культурном развитии стояло значительно ниже своих западных соседей — трипольских племен.

Положение полностью изменилось, когда в научный оборот были введены материалы раскопок поселений. Среди них Михайловское поселение явилось тем опорным памятником, на материалах которого может быть разработан ряд важных вопросов по истории степного населения рубежа III—II тысячелетия до н. э.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что Михайловское поселение оказалось многослойным памятником, содержавшим три культурных слоя времени ранней бронзы.

Не меньшее значение имеют также данные о планировке Михайловского поселения, характере строительства и т. д. Вместо временных дюнных стоянок с культурным слоем, содержавшим кремень и керамику, перед нами предстало большое долговременное укрепленное поселение с остатками грандиозного строительства из камня. Сооружения из камня на Михайловском поселении открыли совершенно новую страницу в оценке культуры древнеямного населения, а укрепленный характер поселения возбудил вопрос о сложной исторической обстановке, имевшей место в степи того времени, когда осуществлялось формирование скотоводческих племен.

Важное значение имеют данные раскопок Михайловского поселения в разработке вопросов об уровне развития производительных сил степного населения в период бронзы.

Раскопки Михайловского поселения производились Никопольско-Гавриловской экспедицией Института археологии АН УССР в 1952—1955 гг. под руководством Е. Ф. Лагодовской, при постоянном участии **М. Л. Макаревича и О. Г. Шапошниковой.**

Поселение располагалось на трех смежных холмах в 2,5 км ниже начала р. Подпольной — правого рукава р. Днепра — и прилегающем склоне плато. Холмы были разделены между собой глубокими древними оврагами с хорошо разработанными склонами. Центральный холм — наибольший, общей площадью до 0,5 га — представлял собой почти изолированную возвышенность, обращенную восточной, широкой стороной к реке, с других же сторон окруженнюю оврагами. Со склоном плато возвышенность соединялась узкой полосой.

К юго-западу от центрального холма находился другой холм, меньший по размеру (0,2 га), отделенный от центрального глубоким оврагом и круто обрывающийся в сторону реки.

Третий холм, расположенный через овраг к северу, представлял собою относительно пологий склон плато, рассеченный оврагами. Общая площадь поселения достигала 1 га.

Мы обращаем особое внимание на расположение Михайловского поселения, поскольку устройство поселений в условиях расчлененного рельефа было характерной чертой топографии многих степных поселений в период ранней бронзы. Заселение Михайловских высот началось с центрального холма. Впервые здесь поселились люди южной степной группы с черной лощеной керамикой. Это поселение, отвечающее нижнему культурному слою, существовало недолго и вскоре было оставлено его обитателями (Михайловка I).

Вскоре после этого центральный холм был заселен вторично. Новое население древнеямной культуры обосновалось здесь прочно. За длительное время его обитания произошли заметные изменения в материальной культуре, что нашло свое выражение в особенностях среднего и верхнего культурных слоев (Михайловка II и III). На втором этапе (Михайловка II) был заселен по-прежнему только центральный холм. В поздний период (Михайловка III) поселение достигло своих максимальных размеров, заняв также соседние высоты. Таким образом, культурная стратиграфия полностью устанавливается только на центральном холме, причем полная стратиграфическая колонка последовательности залегания всех культурных слоев была прослежена только на двух участках центрального холма: на юго- и северо-восточном.

Поселение нижнего культурного слоя было сравнительно небольшим. Оно располагалось на восточной, обращенной к реке части центрального холма. Жилые комплексы сосредоточивались на двух участках: на юго-юго-восточном и северо-восточном. Культурный слой прослеживался только непосредственно вблизи жилищ.

Тип жилого сооружения устанавливается по комплексу, открытому в юго-юго-восточной части. Это было слегка углубленное жилище длиной 16,5 м, общей площадью до 70 м². Внутри жилища находился очаг из камня, сооруженный в неглубокой яме. Жилище погибло от пожара. Материалом для стен и кровли служил камыш, из которого делались цыновки, покрывавшиеся слоем глины. О таком устройстве свидетельствует направление обугленных трубочек камыша, лежавших по длине жилища.

Производственный инвентарь нижнего слоя был очень скучен: костяные шилья и проколки, кремневые скребки на отщепах, наконечник стрелы удлиненно-треугольной формы и т. д.

Основную массу находок составляла керамика — сосуды плоскодонные, черного и черно-бурового цвета, с примесью раковины в керамическом тесте, с хорошо заглаженной и залощенной поверхностью. Керамика обычно не орнаментировалась. В случае нанесения орнамента он состоял из насечек и отпечатков зубчатого штампа, реже шнурового или жемчужного орнамента. Керамика представлена двумя основными формами — горшками и чашами.

По формам и составу глины керамика этого слоя очень своеобразна и вместе с тем полностью отлична от керамики вышележащих слоев. Это указывает на отсутствие непосредственной генетической связи между нижним и вышележащими культурными слоями.

Памятники, которые могут быть сопоставлены с нижним слоем Михайловского поселения, впервые выделенные В. Н. Даниленко, пока известны в очень небольшом количестве¹. Это единичные погребения под каменными закладками небольшого диаметра или же под курганными насыпями. Район распространения этой группы памятников — южная часть степной полосы. Основная масса памятников известна пока на нижнем Днепре. В этой группе памятников усматриваются черты какого-то культурного контакта с южными культурами, в частности с трипольем.

На этапе второго слоя новые пришельцы древнеямной культуры обосновались на старом месте, в восточной части центрального холма. Здесь обнаружены их жилища и наблюдается наибольшая насыщенность культурного слоя. Жилища этого времени дошли в очень поврежденном состоянии. Устанавливаются два типа жилых сооружений — углубленные и наземные.

Первый тип представлен полуzemлянками, углубленными в слой материкового суглинка на 0,2—0,3 м. В жилищах и непосредственно рядом с ними находились очаги открытого типа, от которых сохранились участки обожженного грунта. Рядом с очагами наблюдалась скопления золы. Почва, заполнявшая полуzemлянки, также содержала большое количество золы. Очень показательно в этом отношении углубленное в материк жилище В, обнаруженное в южной части. Длина его 6 м, ширина 2—3,5 м и общая площадь до 15 м². Вход был с восточной стороны, т. е. со стороны поселка. Здесь перед жилищем (на расстоянии 1,5 и 3,5 м от него) находились два очага.

Второй тип жилищ был наземным. Жилище этого типа, относительно хорошей сохранности, было обнаружено в северо-восточной части центрального холма. От него сохранился глинобитный пол общей площадью до 70 м². Пято глинобитной обмазки имело форму удлиненного овала, орнаментированного по линии СВ—ЮЗ. Вдоль восточной стороны проходила разрушенная кладка каменного основания стены, сложенная в один камень. Камни лежали вплотную один к другому. Фрагмент другой разрушенной кладки находился вдоль края глинобитного пола с юго-запада. Тут же был расположен очаг. Вне жилища, к северо-востоку и востоку от него, на небольшом расстоянии находились еще два очага. Вся площадь жилища была перекрыта слоем золы толщиной 0,03—0,15 м, который следует рассматривать как остатки горевших стен и кровли, очевидно, сделанной из камыша.

Ведущей формой керамики второго слоя являются глубокие островерхонные горшки с прямыми венчиками, низко опущенными плечами и закругленным дном. Иногда венчики бывают отклонены наружу. Наряду с островерхонными, могут быть указаны и плоскодонные горшки с прямыми венчиками, плавно переходящими в плечо.

По составу глины и особенностям наружной отделки плоскодонные и островерхонные сосуды не различаются. В керамическом тесте тех и других наблюдается примесь толченой раковины, реже известняка, наличие белых минеральных включений в виде волосков, нередко примесь кровавика.

Характерной особенностью керамики этого слоя является богатый орнамент, покрывающий венчик и плечи сосудов. Для нанесения узора

¹ В. Н. Даниленко, О ранних звенях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики, КСИА, вып. 4, К., 1956, стр. 126—128.

широко использовался шнур, крупнозубчатый штамп, перевитой шнур и т. д. Шнур обычно накладывался горизонтальными рядами, спирально. Распространен орнамент в виде горизонтального ряда круглых или овальных выпуклин, нередко сжатых пальцевым щипком (прием защипа «жемчужин»). Этот орнамент составляет специфическую черту керамики среднего горизонта.

Из орудий труда второго слоя отметим мотыгу из рога тура, обломки топоров-молотов и два медных шила.

В следующий период, на этапе верхнего культурного слоя, поселение значительно увеличивается в размерах. Заселяются соседние холмы, а также склоны плато, примыкающие к центральному холму. Меняется характер домостроительства — возникают жилища на каменных основаниях. Культурный слой насыщен вещественными находками, среди которых особо следует отметить находки орудий из меди. Самым существенным является строительство оборонительных сооружений, изменивших характер этого прежде неукрепленного поселка.

Один узел защитных сооружений был обнаружен со стороны реки в приподошвенной части северо-восточного, довольно пологого склона, другой же — в северо-западной напольной стороне.

Основным звеном сооружений приподошвенной части следует считать ров. Он был выкопан в нижней части холма, примерно на высоте 7—8 м над уровнем воды. Северо-восточным концом ров подходит к северному оврагу, а далее шел в юго-западном направлении. Он был прослежен на протяжении 45 м, далее же рельеф склона подвергся большим изменениям. Глубина рва по восточному борту, обращенному к реке, была незначительной: 0,7—1,3 м. Дно плоское. Противоположный борт рва переходил в круто поднимающийся, почти отвесный склон холма. Ширина рва на различных участках от 2 до 6,5 м.

Через ров в древности был устроен переход, который одновременно служил и входом на поселение со стороны реки. Для этого ров в одном месте был пересыпан насыпью, которая с обеих сторон от dna до верха была укреплена камнем. Обкладка сторон перехода была сделана из одного ряда камней, поставленных с легким наклоном в сторону насыпи. Высота каменной обкладки до 2 м, ширина — 0,30—0,45 м. Уходу за рвом и выходом из поселения к реке уделялось большое внимание. Когда камни осели, а верхние совсем легли, переход был снова подсыпан поверх осевшего камня, а на старых основаниях были возведены новые кладки.

Выше линии рва проходил развал каменных сооружений. Последние в нижней части склона подверглись значительному разрушению, в верхней же части был обнаружен фрагмент хорошо сохранившейся стены (№ 4). Положение последней увязывалось с рельефом склона. Стена шла с северо-востока на юго-запад на высоте 11—12 м над уровнем реки и сложена была из одного ряда камней. Эта стена укрепляла склон от оползания, предохраняя тем самым нижележавший ров от заполнения его мягким грунтом, входила в комплекс оборонных сооружений приподошвенной части холма.

Что касается развала каменных сооружений в нижней приподошвенной части, выше линии рва, то, очевидно, здесь мы имеем дело чисто со строительством опорных стен, сколько с обкладкой склона камнем.

Комплексу защитных сооружений северо-восточной части отвечала большая стена (№ 1), которая находилась на верхней площадке центрального холма. Она перерезала площадь поселения от одного края холма до другого, вдоль самой высокой части древнего рельефа, одним концом выходя к восточному склону, а другим — к северному оврагу. Стена была сложена из больших плит и кусков известняка. В кладке

наблюдалось чередование вертикально поставленных и горизонтально положенных плит. Подошвенные плиты обычно отличались большими размерами. Для придания плитам горизонтального положения они подклинивались более мелким камнем. Кладка производилась на растворе грунта. Длина стены 40 м, ширина кладки 0,6—0,7 м, высота до 1,6 м.

На расстоянии 8 м от северо-западного конца стены № 1 начиналась вторая стена (№ 2), которая шла под углом к последней. Она охватывала центральный холм с северо-западной стороны, т. е. напольной, и частично со стороны западного оврага. По своей монументальности и технике кладки она аналогична стене № 1, и, очевидно, имела то же назначение. Длина стены 54 м, ширина 0,6—0,7 м.

Стена № 2 входила в узел оборонительных сооружений, которые находились в северо-западной части поселения. Здесь также был открыт ров, который одним своим концом выходил к западному оврагу, а другим к северному, т. е. отделял центральный холм от напольной стороны. Ширина рва 2,7 м, глубина 1 м. Центральный холм со стороны северного оврага был укреплен стеной, сложенной, подобно стенам приподошвенной части, в один камень.

На склоне плато также были обнаружены сооружения из камней. Они представляли собою стены различной протяженности, расположенные по плану как бы незамкнутого четырехугольника. В назначении этих стен многое остается еще неясным. Одна из них (западная), возможно, должна была предохранять склон от оползания, чтобы защитить тем самым от заплывания мягким грунтом лежащие ниже сооружения и находящийся еще ниже ров.

Переходя к вопросу датировки этих сооружений, необходимо заметить, что в заполнении рва, находящегося на северо-восточной части склона, обнаружена керамика только верхнего культурного слоя. Культурный слой участка на склоне плато, равно как и юго-западного холма, также датируется керамикой верхнего культурного слоя.

В связи с этим интересен тот факт, что на площади древнего поселения в период поздней бронзы возник небольшой могильник (четыре погребения). Для устройства захоронений были использованы камни древних руин, а одно из погребений находилось на развале стены № 2.

О характере домостроительства на позднем этапе поселения мы можем заключать по жилищам, обнаруженным на юго-западном холме. Здесь в восточной части холма были расположены три жилых комплекса. Один из них представлял постройку из трех смежных небольших камер площадью 12 м² каждая. Далее располагалось многокамерное жилище общей площадью до 160 м². Постройки были глинобитные на каменных основаниях. Столбы, поддерживающие кровлю, укреплялись камнем. Расположение гнезд из камня по средней оси жилища свидетельствует о том, что кровля была двускатная.

К западу от жилых сооружений проходила стена. Она состояла из четырех отдельных участков (а может быть, и локальных стен длиной от 6 до 18 м), имевших почти общее направление.

Культурный слой этого времени был насыщен разнообразными вещественными находками.

Орудия из кремня представлены скребками и ножами, а также наконечниками копий, стрел, вкладышем серпа и др. Эти орудия изготовлены на отщепах. Пластиинки отсутствуют. Широкое применение имела техника двусторонней обработки.

Из камня изготавливались зернотерки, растиральники, песты, топоры-молоты, пращевые камни, наковаленки для изготовления медных орудий и т. д. Топоры-молоты простейших форм, обушкового типа или же с канелированными боковыми гранями.

Многочисленны орудия из кости — шилья, проколки, роговые мотыги, гарпун-багор, кольца и т. д.

Особый интерес представляют изделия из меди. На Михайловском поселении было обнаружено 26 предметов из меди, из них к верхнему слою относятся 24 находки: четырехгранные шилья с ромбическим расширением и без него, плоский топорик, ножи и долото.

Все орудия из чистой меди. Рентген-анализ на редкие элементы обнаружил присутствие в десятых, сотых и тысячных долях процентов мышьяка, кальция, серебра, свинца и др., что является естественными примесями и, очевидно, указывает на различия в месторождениях.

Керамика этого слоя представлена тремя основными формами: двумя типами остродонных сосудов и чашами на ножках.

В одной из форм можно усматривать дальнейшее развитие остродонного сосуда с прямым венчиком и низко опущенными плечами, который был ведущей формой среднего слоя. В характере орнаментации также наблюдается преемственность (шнур, зубчатый штамп, твердый штамп, дающий ямочные отпечатки различных форм), но орнамент становится более скромным. «Жемчужный» орнамент постепенно теряет свое значение.

Второй тип представлен остродонными сосудами с невысокими венчиками и высоко поставленными плечами — форма, хорошо известная по древнеямным курганным погребениям. Орнамент — шнуровой, пальцевой, отпечатки твердого штампа и т. д. Очень часто используется треугольная схема композиции орнамента.

Чаши на трех-четырех ножках составляют третью группу. Этот тип распространен в Поднепровье и отличается от курильниц катакомбных погребений, известных в восточной части степей — на Северном Донце, Дону, Маныче, Волге и т. д.

Подводя общий итог изучению Михайловского поселения, следует отметить, что одной из наиболее ярких особенностей верхнего культурного слоя является сооружение здесь укреплений.

Вопрос об укрепленных поселениях в энеолитическое время является не новым в археологической литературе.

Давней известностью пользуются убежища и укрепленные поселения второй половины III тысячелетия до н. э. среднего и верхнего Рейна, такие как Урмитц, Майнское, Михайльбергское и др. Среди поселений с расписной керамикой известно укрепленное поселение в Кукутенах, рвы защитного характера обнаружены на среднем Днестре в Поливановом яру, а также на ряде поселений Румынии — Трояне, Трущешти, Хебешти, в Моравии — Угорский Брод, Глубокие Машувки. Поселение в Злоте (Польша) сандомиро-волынской культуры было укреплено рвами, которые представляли замкнутую систему. Все эти поселения имели земляные укрепления и деревянные палисады.

Использование камня в строительстве Михайловского поселения сближает его с энеолитическими укрепленными поселениями в Восточной Болгарии².

Вторая половина III тысячелетия в Европе являлась тем периодом, когда воспроизводящие формы хозяйства выходят на первое место и становятся ведущей отраслью производства. Это приводит к изменению условий общественной жизни. С формированием скотоводчества усиливается подвижность населения, возникают межплеменные войны за лучшие пастбища, за угон скота, перекраивается этническая карта Европы, возникает необходимость в укрепленных поселениях.

В степях Восточной Европы этот процесс отвечает времени сло-

² Иван Велков, Градчица, «Годишник на народния археологически музей Пловдив», кн. II, София. 1950.

жения древнеямной культуры. Древнейшие звенья в этом процессе освещаются памятниками типа Средний Стог II. В настоящее время можно выделить несколько различных по времени и территории групп памятников этой ранней степной пастушеской культуры, археологическим выражением которой служат остродонные горшки с прямыми и желобчатыми венчиками и с примесью раковины в керамическом тесте. На керамике этого этапа впервые появляется орнамент в виде перевитого шнура.

Средний слой Михайловского поселения отражает следующий этап в развитии этого процесса. Анализ керамики этого слоя дает возможность прийти к выводу, что в ней сочетались особенности различных керамических групп, характерных, с одной стороны, для керамики типа Средний Стог II, с другой стороны — для лесостепной керамики (жемчужный орнамент, плоскодонность). В этой двойственности можно видеть процесс этнического слияния различных групп степного и лесостепного населения в период формирования древнеямных племен.

Верхний слой Михайловского поселения является временем сложения монолитного облика древнеямной культуры. Ведущая роль в этом процессе принадлежит степному населению. Этому времени отвечает основная масса курганных могильников.

Верхний слой мы связываем с поздним этапом в развитии древнеямной культуры, средний — с ранним этапом.

Этот процесс не представляет собой локального явления, он был характерен для широкой территории степной полосы от Днепра до Волги.

В настоящее время может быть указано 18 поселений древнеямной культуры.

Ближайшим аналогом Михайловке является поселение в урочище Скеля-Каменоломня и Дурна Скеля в порожистой части Днепра. Общими моментами является расположение поселения на высоких местах, а также наличие двух групп керамики, отвечающих среднему и верхнему культурному слою Михайловки. На Скеле-Каменоломне отмечено, как и в Михайловке, строительство из камня.

Вопросы стратиграфии Михайловки в равной мере проверяются на однослойных памятниках. Имеются однослойные поселения, отвечающие среднему и верхнему культурным слоям Михайловского поселения.

К среднему (II) слою Михайловки относятся поселения Стрельча Скеля в порожистой части Днепра, Рогачик, Васильевка, Каховского района, Херсонской области, на нижнем Днепре, Лысая гора под Лубнами, Александровка, Жовнин на р. Суле, Александрия, верхний энеолитический слой на р. Осколе, хут. Репин, Сталинградской области, в устье р. Иловли на Дону.

Верхний (III) слой Михайловки сопоставляется с материалами поселения у сел Волошского, Дурной Скели, Любимовки, в порожистой части Днепра, у с. Капуловки, ниже Никополя, Дремайловки, Бериславского района, и др.

Значительная часть поселений, обнаруженных на Днепре, расположена на правом берегу, что свидетельствует о заселении древнеямными племенами области западнее Днепра. Очевидно, граница между территорией распространения древнеямного населения и позднетрипольского проходила где-то по Ингульцу или же по Ингулу.

Следует заметить, что погребений, отвечающих раннему этапу древнеямной культуры, мы знаем пока немного. Среди них можно назвать лишь несколько: у с. Грушевка на нижнем Днепре, курган № 11 у совхоза «Аккермень», у с. Токмак на р. Молочной, у с. Котовки на р. Ореле. Особый интерес представляет курган в пункте Быковка II в Поволжье, где основное погребение сопровождалось посудой типа Михайловка II, а впускное — керамикой типа Михайловка III.

Ограниченнное количество погребений раннего этапа древнеямной культуры, возможно, находит объяснение в том, что могильники этого времени продолжали традиции предшествующего времени и были в основном плоскими. Курганный же обряд погребения в это время только начинал распространяться.

В позднеямное время устанавливаются два типа погребального обряда — плоские и подкурганные могильники. Наличие двух типов могильников, возможно, свидетельствует о том, что в среде древнеямного населения произошел раздел на две группы — одна из них вела оседлый образ жизни, занималась скотоводством в его отгонных формах и земледелием, другая часть населения занималась в основном скотоводством, связанным уже с перекочевками.

Определение хронологических рамок древнеямной культуры встречает значительные трудности, обычно время ее существования связывается с III тысячелетием до н. э. В настоящее время мы можем исходить из датировки, которую получают памятники типа Средний Стог II. В культурном слое Стрельчей Скели были обнаружены обломки трипольской керамики, что дает основание этот этап развития степных культур относить к середине III тысячелетия до н. э. Исходя из этого, памятники типа среднего слоя Михайловского поселения следует датировать более поздним временем — 2300—2100 гг. до н. э., а памятники типа верхнего слоя Михайловского поселения — рубежом III и II тысячелетия до н. э. и вместе с тем синхронизировать с позднейшим трипольем. Фрагменты позднетрипольской керамики обнаружены в верхнем культурном слое Михайловского поселения.

Значительные размеры Михайловского поселения, долговременность заселения, грандиозность строительства, требовавшая усилий большого коллектива, а также характер защитных сооружений наводят на мысль о том, что на этапе верхнего слоя это поселение становится крупным племенным центром нижнего Поднепровья, к которому тяготели другие поселения этой территории. Возможно, такую роль в Надпорожье играло поселение, расположенное на большом гранитном останце — Скеле-Каменоломне.

Подводя итоги сказанному, заметим, что в настоящее время наше представление о состоянии исторического развития населения степей Восточной Европы в конце III тысячелетия до н. э. должны быть полностью пересмотрены.

Высокий уровень развития производительных сил древнеямного населения с ведущей ролью скотоводства явился той основой, на которой осуществлялось продвижение степных племен и проникновение степных элементов за пределы коренных земель, ибо без учета материалов, происходящих из степных районов, не могут рассматриваться вопросы позднего триполя, днепро-деснинской группы среднеднепровской культуры и московской группы фатьяновской культуры.

ПАМЯТНИКИ ЗАРУБИНЕЦКОГО ТИПА В с. СУБОТОВЕ

Е. В. МАКСИМОВ

Село Суботово, Чигиринского района, Черкасской области, широко известно сейчас своим городищем чернолесской культуры.

Уже 50 лет тому назад оно попало в поле зрения археологов благодаря случайному открытию погребению¹, относящемуся, как это выяснилось позже, к рубежу нашей эры.

Новые сведения о погребениях и поселении этого времени начали поступать с 1951 г., когда Институт археологии АН УССР организовал под руководством А. И. Тереножкина раскопки чернолесского городища, продолжавшиеся и в 1955 г.

Суботовские находки 1951 г. были отмечены Е. В. Махно². Они же послужили причиной организации небольших раскопок, проведенных в 1953 г. И. М. Самойловским на Суботовском могильнике.

Несмотря на недостаточную степень изученности памятников рубежа новой эры, расположенных в с. Суботове, уже сейчас имеется материал, позволяющий дать им определенную научную характеристику. Этот материал происходит из случайных находок, небольших раскопок на могильнике, раскопок чернолесского городища, на площади которого находилось поселение³, время существования которого не выходит за пределы датировок, принятых для зарубинецкой культуры.

Поселение зарубинецкого времени расположено на Суботовском городище, которое находится на высоком мысе правого берега р. Суботи. Длина мыса 300 м, ширина 50—200 м, над дном оврагов он возвышается на 15—20 м.

Во время раскопок 1951 и 1955 гг. был исследован юго-западный угол городища, общая площадь семи раскопов составила 2700 м². Культурный слой залегал в пахотном черноземе, переходящем в суглинок. Глубина его достигает 0,4—0,8 м. В основном слой этот относится к чернолесскому времени. В верхнем горизонте слоя находились также культурные остатки раннеславянского времени. Попытки исследователей стратиграфически отделить их от чернолесских материалов не дали результатов⁴. К остаткам жилых и хозяйственных сооружений зарубинецкого времени относится одна землянка и две ямы. Была исследована лишь юго-западная часть землянки (раскоп VI).

¹ ОАК за 1911 г., стр. 81.

² Е. В. Махно, Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье, СА, XXIII, стр. 94.

³ Автор выражает признательность А. И. Тереножкину и Е. Ф. Покровской, собравшим в 1951 и 1955 гг. в с. Суботове материалы раннеславянского времени, что сделало возможной эту публикацию.

⁴ А. И. Тереножкин, Отчет о раскопках на городище в с. Суботове в 1951 г. Научный архив Института археологии АН УССР, № 1951/11а, стр. 3.

Это было прямоугольное в плане сооружение, стены которого ориентированы на северо-запад и юго-восток (исследованные части западной и южной стен составляли около 2 м длины). Глубина землянки 0,75 м от уровня поверхности материка (1,40 м от современной поверхности). В золистом заполнении землянки найдены обломки амфор (5), краснолаковых сосудов (9), сероглиняной гончарной керамики (16), лепной посуды (61), кости животных, камни и куски глиняной обмазки.

Подобные находки оказались и в ямах. В золистом заполнении ямы, обнаруженной при зачистке южного склона городища (глубина ямы 2 м, диаметр 3 м), находились обломки амфор (11), краснолаковой посуды (2), лепной керамики (51), кости животных. В другой яме меньших размеров (яма № 9, раскоп V, глубина 0,34 м от уровня поверхности материка, диаметры 0,8 и 2,2 м) оказалось еще меньше материала.

Найдки из культурного слоя городища встречались, как правило, в первых трех штыках, рассеяно по всей площади раскопов. Это были обломки лепной посуды местного производства, фрагменты привозной гончарной посуды, немногочисленные изделия из железа, глины и камня. К находкам раннеславянского времени нужно прибавить и кости животных, однако выделить их из состава фауны чернолесской эпохи не удалось.

Лепная керамика поселения представлена обломками нелощеной посуды (горшки, крышки, кубки и корчаги), а также лощеными или заглаженными мисками и кувшинами.

Нелощеная посуда делалась из грубо отмученной глины, содержащей иногда крупные примеси (дресва, шамот). Поверхность ее неровная, коричневого или серого цвета, обжиг неравномерный.

Фрагменты горшков дают возможность разделить их на два типа. К первому типу относятся горшки крупных размеров (высота 25—35 см, диаметр венчика 24—28 см), имевшие выпуклый корпус, устойчивое плоское дно (диаметр 10—12 см) и довольно высокий (4—6 см) прямой, отогнутый наружу венчик (рис. 1, 5). Горшки орнаментированы по краю венчика неглубокими пальцевыми ямками или прямыми и косыми насечками, сделанными палочкой (рис. 2, 1—2, 4—6). Горшки второго типа отличаются округлым корпусом и плавно отогнутым гладким венчиком высотой 2—3 см, диаметром 12—15 см (рис. 1, 1). Крышки имеют конический корпус, переходящий в отросток-ручку с углублением в центре (рис. 1, 7). Высота корпуса 8—10 см, диаметр венчика 23—25 см, высота ручки 2—3 см, диаметр ее 4—7 см. Кубки (ковши) отличаются небольшой высотой (до 10 см) и слабой профилировкой (рис. 1, 2). Массивная плоская ручка возвышается на 2—3 см над краем венчика (рис. 1, 3).

Корчаги отличаются крупными размерами (высота их около 0,5 м) и большой вместительностью (диаметр 0,4—0,5 м), широким горлом, небольшим плоским дном. У одной из них, полностью реставрированной, венчик круто отогнут наружу, край его украшен косыми насечками (рис. 3, 1). По верхней части корпуса проходят два параллельных валика. Широкое пространство между ними разделено на треугольники третьим валиком, идущим зигзагообразно. Все валики расчленены частыми защипами. Для другой корчаги характерны более вытянутые пропорции (рис. 3, 2). Ее украшает валик с защипами, проходящий по плечу. Найдены и обломки других корчаг таких же видов (рис. 4, 11, 12).

Миски и кувшины сделаны из хорошо отмученной глины без грубых примесей. Поверхность их коричневого или черного цвета, часто лощеная.

У мисок довольно крупных размеров (диаметр венчика до 30 см), корпус имеет коническую форму, верхняя часть его переходит в характерный отогнутый наружу ребристый профилированный венчик

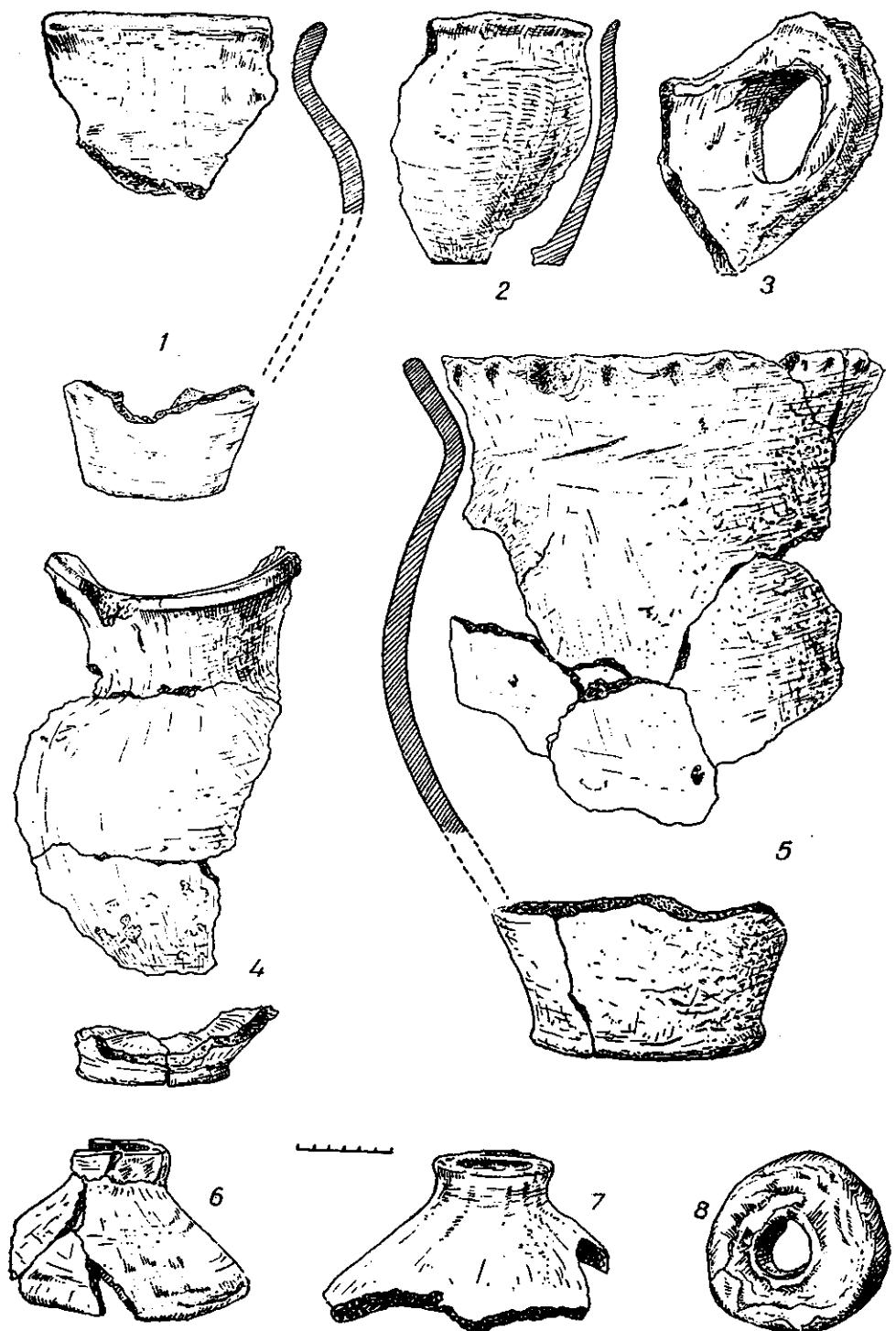

Рис. 1. Слоботов. Лепная керамика из поселения.

(рис. 2, 7—12). Дно плоское, невысокое (1 см), диаметр его 10—12 см (рис. 2, 13).

Тщательно сделанные тонкостенные кувшины имеют цилиндрическое невысокое горло, слегка отогнутый венчик, шаровидный корпус, небольшую плоскую ручку и кольцевую невысокую ножку (рис. 1, 4). Высота их 25—30 см.

Гончарная керамика представлена обломками амфор, краснолаковой и сероглиняной посуды. Эта посуда составляет более половины всех керамических материалов, найденных на поселении, причем подавляющее ее большинство (около 90%) относится к греческим амфорам различных типов.

Можно говорить о двух типах амфор: первый тип представлен многочисленными обломками горл, ручек и стенок, сделанных из светлой, почти белой глины, содержащей значительную примесь черных частиц. Горла довольно высокие и широкие (диаметр их 13—14 см), корпус вытянутый, ручки двусторонние, с крутым изгибом (рис. 4, 5, 7). Амфоры второго типа отличаются розоватым или красноватым цветом глины (рис. 4, 1) с примесью слюды или известия. Кроме таких амфор с двусторонними ручками (рис. 4, 2), встречаются овальные в сечении ручки, иногда разделенные вертикальными желобками (рис. 4, 3).

Из краснолаковой керамики найдены обломки мисок и кубков. Высокие и крупные миски на кольцевой ножке (рис. 4, 13) с плавно загнутым внутрь краем (диаметр до 36 см) и небольшие мисочки (диаметр 15 см) с прямым, отогнутым наружу краем (рис. 4, 9) представляют эту группу привозной посуды. Они покрыты негустым лаком темно- или светло-красного оттенка, нанесенным на всю внутреннюю поверхность мисок и на венчик с наружной стороны.

Небольшие цилиндрические тонкостенные кубки сделаны из прекрасно отмученной глины светло-коричневого цвета и покрыты тусклым коричневым лаком. Кубки украшены рельефным стилизованным растительным орнаментом, выполненным в технике «барботин» (рис. 4, 14). Некоторые кубки отличаются наличием профицированных рельефных ручек (рис. 4, 10), прикреплявшихся горизонтально к краю венчика.

К сероглиняной посуде относятся обломки кувшинов с профицированным, ребристым горлом, оканчивающимся плавно отогнутым небольшим венчиком (рис. 4, 4), небольшой плоской ручкой, невысоким кольцевым дном (рис. 4, 6). Глина серая, плотная, хорошо отмученная, лощение светлое или серое. Встречены обломки сероглиняных мисок на широкой кольцевой ножке, покрытые внутри тусклым черно-коричневым лаком.

На поселении найдены железные изделия: два ножа, два серпа, рыболовный крючок, два шила, игла (рис. 5, 5), гвоздь. Их перечень дополняют крупные куски железного шлака. Для ножей характерна прямая спинка (рис. 5, 2, 3); один из серпов — небольшой (длина около 10 см), изогнутый, оканчивающийся вертикальной ручкой-выступом (рис. 5, 6), другой, более крупный серп (длина 24 см) отличается слабой изогнутостью (рис. 5, 7).

Большой железный рыболовный крючок (длина 9,5 см) сделан из плоского стержня, верхний конец его приострен и загнут в сторону, нижний конец дугообразно изогнут и снабжен крупной бородкой (рис. 6, 17). Шилья (рис. 5, 1, 4) сделаны из четырехгранных в сечении стержней длиной 10,5 и 12 см, постепенно сужающихся к концам⁵. Кованый железный гвоздь длиной 5,2 см найден с припекшимся к нему шлаком.

⁵ По мнению Б. А. Колчина, подобные инструменты в эпоху древней Руси являлись напильниками (см. Б. А. Колчин, Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, МИА, № 32, 1953, стр. 66).

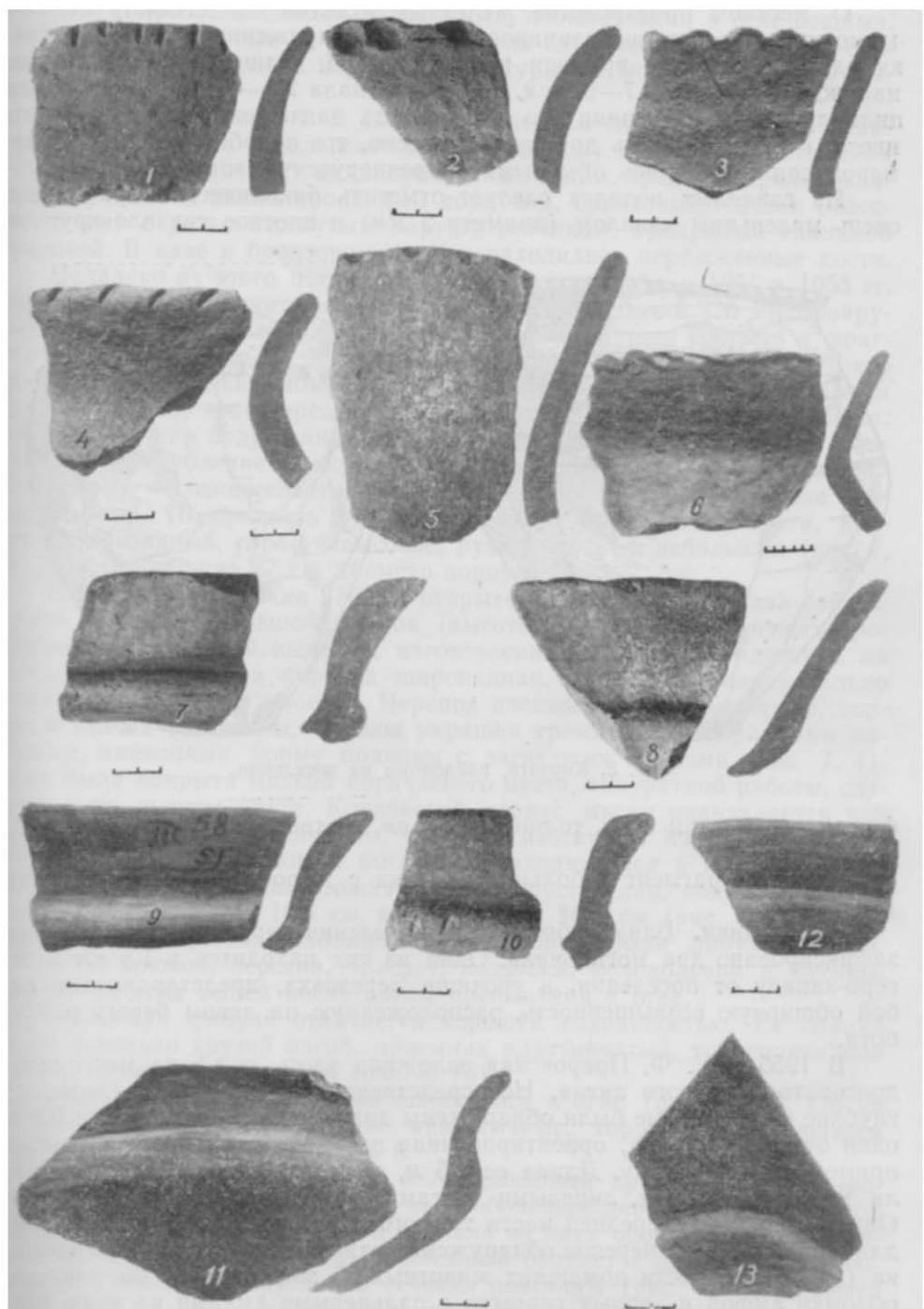

Рис. 2. Слобода. Обломки венчиков лепных горшков и лощенных мисок из поселения.

О местном производстве железных изделий свидетельствует, помимо шлаков, обломок глиняного сопла, обнаруженный около землянки раннеславянского времени на раскопе VI. Длина обломка 12 см, наружный диаметр 4,7—5,2 см, диаметр канала 2,5—3 см. Форма сопла цилиндрическая, внешняя его поверхность заглажена, излом черного цвета, в глине примесь дресвы. Интересно, что подобной формы и размеров сопла являлись обычными в древнерусскую эпоху⁶.

Из глиняных поделок следует отметить биконическое пряслице с очень маленьким каналом (диаметр 2 мм) и плоское грузило круглой

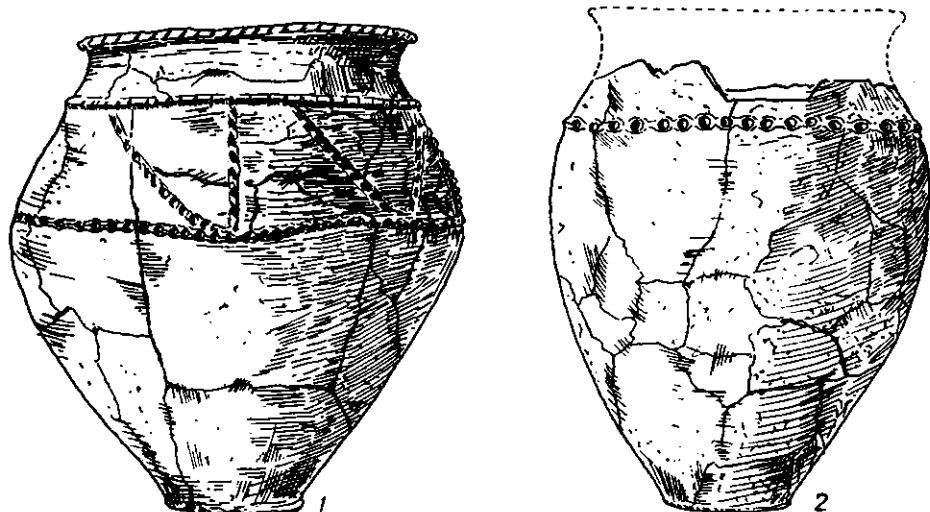

Рис. 3. Корчаги, найденные на поселении.

формы, диаметром 5 см, толщиной 2,5 см, с отверстием 1 см (рис. 6, 8; рис. 1, 8).

Найден фрагмент небольшого оселка с дырочкой в верхней части (рис. 4, 8).

Могильники. Близ Суботовского поселения зарубинецкого времени зафиксировано два могильника. Один из них находится в 1,5 км к северо-западу от поселения, в урочище Березовка, представляющем собой обширную возвышенность, расположенную на левом берегу р. Суботи.

В 1955 г. Е. Ф. Покровская заложила здесь шурф на месте продолговатого желтого пятна. Непосредственно под пахотным слоем, на глубине 0,25 м, в яме были обнаружены два черепа на расстоянии 0,9 м один от другого. Яма, ориентированная по длине с ЮЗ на СВ, имела прямоугольную форму. Длина ее 2,5 м, глубина 0,45 м. Черепа лежали затылками вверх, лицевыми частями в противоположные стороны. Они находились в средней части темного заполнения ямы по линии ее длинной оси. Возле черепов обнаружена раздавленная коническая крышка (рис. 1, 6), кости домашних животных. В заполнении ямы найдены обломки амфор и лепных горшков с пальцевыми ямками по краю венчика, которые не отличаются от аналогичных находок, сделанных на поселении (рис. 2, 3), биконическое пряслице (рис. 6, 7).

Другой могильник находится в юго-западной части села, называемой Чапаливкой. Он расположен в 0,5 км к северо-западу от поселения, на пологом склоне левого берега р. Суботи. Здесь в разное время открыто 9 погребений — все трупосожжения с захоронением праха

⁶ Б. А. Колчин, ук. соч., стр. 33.

в урнах, сопровождавшихся различными, побывавшими в огне вещами. Все погребения, кроме № 1, находились на глубине 0,25—0,40 м от современной поверхности, в черноземе, контуры их могильных ям не выделялись.

Погребение № 1. В 1909 г. на дне ямы глубиной в 3,2 м обнаружено три сосуда⁷: большая (высотой 25 см) лепная чернолощеная ваза с широким (34 см) цилиндрическим горлом, тремя профилированными ручками и каннелированным корпусом, бронзовый горшок (высота 18 см) с резко отогнутым наружу венчиком, прикрытый глиняной крышкой. В вазе и бронзовом горшке находились пережженные кости.

Недалеко от этого погребения, в той же усадьбе, в 1951 и 1955 гг. были открыты три погребения. В одном из погребений (№ 2), обнаруженном в 1951 г., находился кувшин с пережженными костями и фрагмент железного кольца. Кувшин сделан очень старательно, корпус его симметричен. По-видимому, он изготовлен на медленном гончарном круге. В пользу этого предположения говорят и особенности донышка: оно сделано как подражание гончарным кольцевым доныям, но в отличие от них углубление на внутренней стороне имеет не круглую, а овальную форму — свидетельство небольшой скорости круга или даже ручной работы. Поверхность кувшина гладкая, коричневого цвета, корпус эллипсоидный, горло невысокое, ручка плоская, небольшая (рис. 7, 3). Высота кувшина 27 см, диаметр корпуса 27 см.

В другом погребении (№ 3), открытом в 1951 г., было два сосуда. Урной служил небольшой горшок (высота 16 см) симметричных пропорций и аккуратной выделки, изготовленный также, по-видимому, на ручном круге. Форма корпуса шаровидная, небольшой венчик сильно отогнут наружу, дно плоское. Черепок насквозь черный, плотный, корпус и венчик залощены. Горшок украшен тремя валикообразными налепами, имеющими форму подковы с загнутыми концами (рис. 7, 4). Урна была покрыта миской коричневого цвета, аккуратной работы, сделанной на ручном круге. Конический корпус миски оканчивается высоким вертикальным венчиком, немного изогнутым наружу. Остроребристость миски подчеркнута выступом, находящимся в месте соединения венчика с корпусом. Ножка высокая, пустотелая, конической формы. Диаметр венчика 16,5 см, высота миски 10,5 см (рис. 7, 1). Среди пережженных костей, находившихся в горшке, были фибула, серьга, пронизка, крючок, перстни, браслет, подвеска, колокольчик и бусины. Многие из этих вещей носят следы пребывания в огне.

Бронзовая фибула отличается хорошей сохранностью. Ее спинка имеет довольно крутой изгиб, приемник пластинчатый, трапециевидной формы, пружина 8-витковая (рис. 6, 13).

Бронзовая серьга частично оплавилась в огне (рис. 6, 14). Об ее устройстве дают представление аналогичные, хорошо сохранившиеся серьги соседнего погребения № 8.

Также сильно пострадал в огне бронзовый крючок с профилированным основанием (рис. 6, 12); два небольших перстня из неширокой бронзовой пластины, согнутой в спираль из двух оборотов. Концы спиралей не замкнуты (рис. 6, 5); бронзовый браслет с слегка расширяющимися концами из круглой в сечении пластины (рис. 6, 6). Диаметр браслета 5 см; от подвески сохранился бронзовый стерженек из витой пластиинки, необломанный конец которого имеет плоский прямоугольный отросток (рис. 6, 9); от колокольчика остался оплавленный обломок изогнутой бронзовой пластины (рис. 6, 11). Сильно пострадали от огня бусины: из горного хрусталя (4 шт.) овальной формы, плоские и

⁷ ОАК за 1911 г., стр. 81, рис. 117, 118. Глубина погребальной ямы совершенно необычна для памятников раннеславянского времени, что наводит на мысль об ошибочности этих данных.

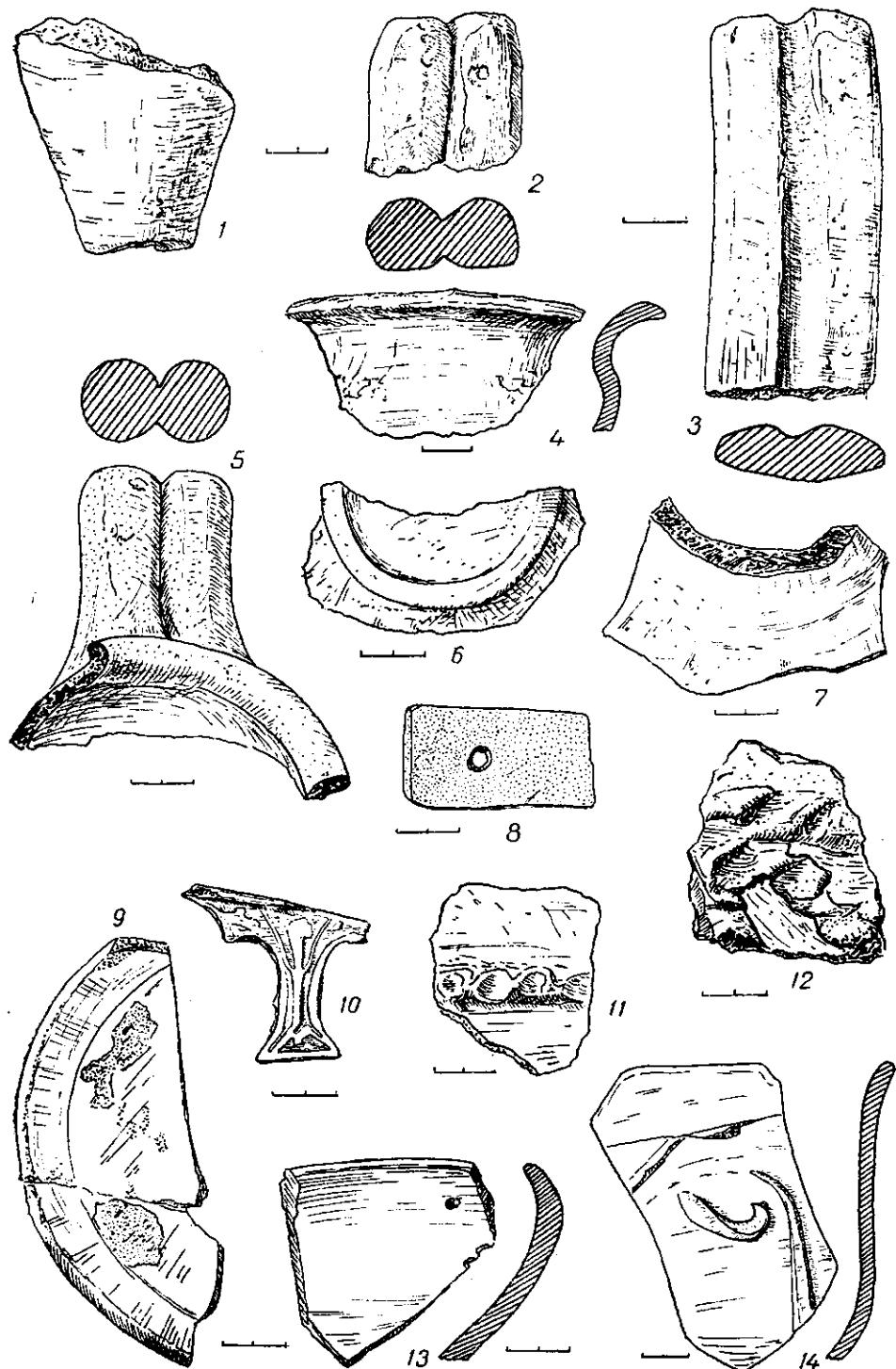

Рис. 4. Фрагменты керамики античного и местного (11, 12) производства с поселения.

из пасты (10 шт.) — плоские, овальной формы и шаровидные (гладкие и желобчатые) (рис. 6, 1, 3, 4).

Третье погребение этой группы (№ 8) открыто в 1955 г. Оно состояло из горшка с пережженными костями, среди которых были две бронзовые серьги, 10 бусин из пасты и одна — из горного хрустала (рис. 7, 2). Серьги сделаны из загнутого в круг стерженька, заканчивающегося крючкообразным замком (рис. 6, 15, 16). Стерженьки плотно обмотан тонкой проволокой. Корпус лепного горшка — эллипсовидной формы, вытянутый в нижней части, горло высокое, цилиндрическое.

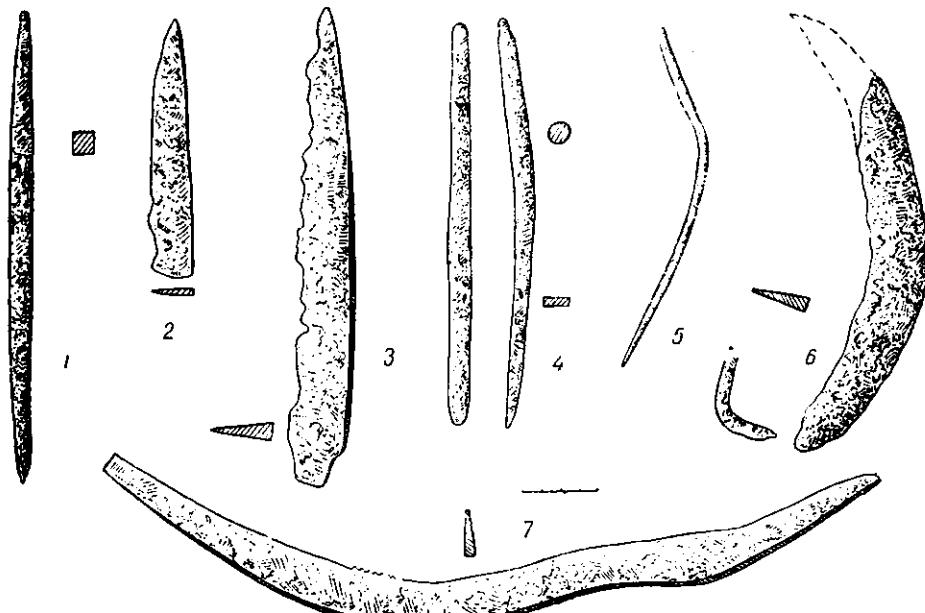

Рис. 5. Железные изделия, найденные на поселении.

Бочок украшен тремя отростками (рис. 7, 2). Поверхность гладкая, серая, залощенная. Высота 22 см, диаметр 22 см.

В 1953 г. И. М. Самойловский открыл четыре сильно разрушенных трупосожжения (по общей нумерации — погребения № 4—7), находившихся недалеко (на расстоянии 10—35 м) от погребения № 2. Вместе с обломками лощеной керамики и простых горшков с ямками по венчику были найдены пережженные человеческие кости, обломок краснолаковой миски, овальное бронзовое кольцо (часть пряжки) и скарабей из так называемого египетского фаянса с врезным змееподобным знаком на тыльной стороне⁸.

В 1957 г. поблизости открыто еще одно погребение (№ 9), состоящее из фрагмента кувшина (подобен кувшину из погребения № 2), в котором были пережженные кости, бронзовые браслет и кусок проволоки диаметром 1 мм, длиной 15 см. Браслет сделан из овальной в сечении пластины, концы его расширяются и заходят друг за друга (рис. 6, 10). Диаметр браслета 6,5 см, сечение пластины 2,5×5 мм.

Датировка Суботовского поселения и могильников определяется прежде всего многочисленным амфорным материалом, находками краснолаковой керамики и других предметов античного происхождения.

На поселении найдены амфоры с двустольными ручками, сделанные из светлой, почти белой глины, содержащей значительную примесь

⁸ См. сообщение И. М. Самойловского в этом сборнике.

черных частиц. Производство этих амфор связывается с городами Южного Причерноморья и относится к I в. до н. э.—I в. н. э.⁹ Красноглиняные амфоры происходят, по-видимому, из тех же центров, время их изготовления относится к рубежу нашей эры¹⁰. Четкие хронологические определения дает и краснолаковая керамика. Из этой группы прежде всего следует отметить тонкостенные кубки цилиндрической формы, украшенные орнаментом типа «бартотин», а также имевшие две профилированные и рельефные ручки, прикреплявшиеся горизонтально к краю венчика. Такие кубки встречаются в Ольвии и других городах Северного Причерноморья. Центром их производства было Пергам, время изготовления определяется I в. до н. э.—I в. н. э.¹¹

Краснолаковые миски с плавно загнутым во внутрь венчиком датируются первыми веками нашей эры на основании материалов из античных городов Северного Причерноморья и находок на позднескифских поселениях нижнего Днепра¹².

Другие находки, в частности сероглиняной керамики, аналогии которой известны в Ольвии, сарматских могильниках Юга УССР и на нижнеднепровских поселениях¹³, также соответствует времени, которое определяется на основании анализа амфорной и краснолаковой керамики.

Для Суботовского могильника с трупосожжениями лучшим датирующим предметом является фибула, найденная в погребении № 3. Такая же фибула, лишь несколько более крупная, обнаружена в погребении № 6 Золотобалковского могильника, которое датируется рубежом н. э.—I в. н. э. Еще две подобных фибулы отмечены в некрополе Неаполя скифского — одна из них относится к рубежу н. э.¹⁴ Наконец, фибулы этого типа обычны в могилах Ольвийского некрополя I в. н. э.¹⁵

Такую датировку суботовских погребений подтверждает и находка египетского скарабея. До сих пор скарабеи в памятниках культуры полей погребений не встречались. Их отсутствие можно объяснить прежде всего тем, что нам известны могильники более раннего времени. Предметы же египетского производства, распространенные на побережье Черного моря в эллинистическую эпоху, только в римский период начинают проникать в глубь страны¹⁶.

Как видим, все группы материалов античного происхождения, найденные на поселении и в могильниках с. Суботова, позволяют датировать их рубежом — I в. н. э.

Более сложным представляется культурно-историческое определение суботовских памятников.

Определенные особенности сближают их с памятниками зарубинецкого типа. Об этой близости свидетельствует погребальный обряд,

⁹ И. Б. Зеест, Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем, ВДИ, 1951, № 2, стр. 114, рис. 6.

¹⁰ Н. Н. Погребова, Позднескифские городища на нижнем Днепре, МИА, № 64, 1957, стр. 217.

¹¹ Т. Книпович, Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage Frankfurt a. M., 1929, табл. I, 16; Т. Н. Книпович, Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг., МИА, № 25, 1952, стр. 319.

¹² М. И. Вязьмітіна, Поселення біля с. Золота Балка, «Археологія», т. XI, К., 1957, стр. 121.

¹³ Н. Н. Погребова, ук. соч., 1957, стр. 222.

¹⁴ В. П. Бабенчиков, Некрополь Неаполя скифского. ИАДК, т. II, К., 1957, стр. 123. Другая фибула — из раскопок 1957 г. Э. А. Сымоновича не выходит за рамки этого времени.

¹⁵ А. І. Фурманська, Фібули з розкопок Ольвії, «Археологія», т. VIII, 1953, стр. 81, табл. II, 7.

¹⁶ Б. Б. Пиотровский, Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР. «Советская археология», 1958, № 1, стр. 24.

не отличающийся от обряда, свойственного другим могильникам зарубинецкой культуры, например, хорошо изученному Корчеватовскому могильнику, преобладающая часть погребений которого представляла собой трупосожжения, меньшая часть — трупоположения, в том числе и захоронения отдельных черепов¹⁷.

Свои аналогии в памятниках зарубинецкой культуры находят суботовские острореберные миски, простые кухонные горшки с отогну-

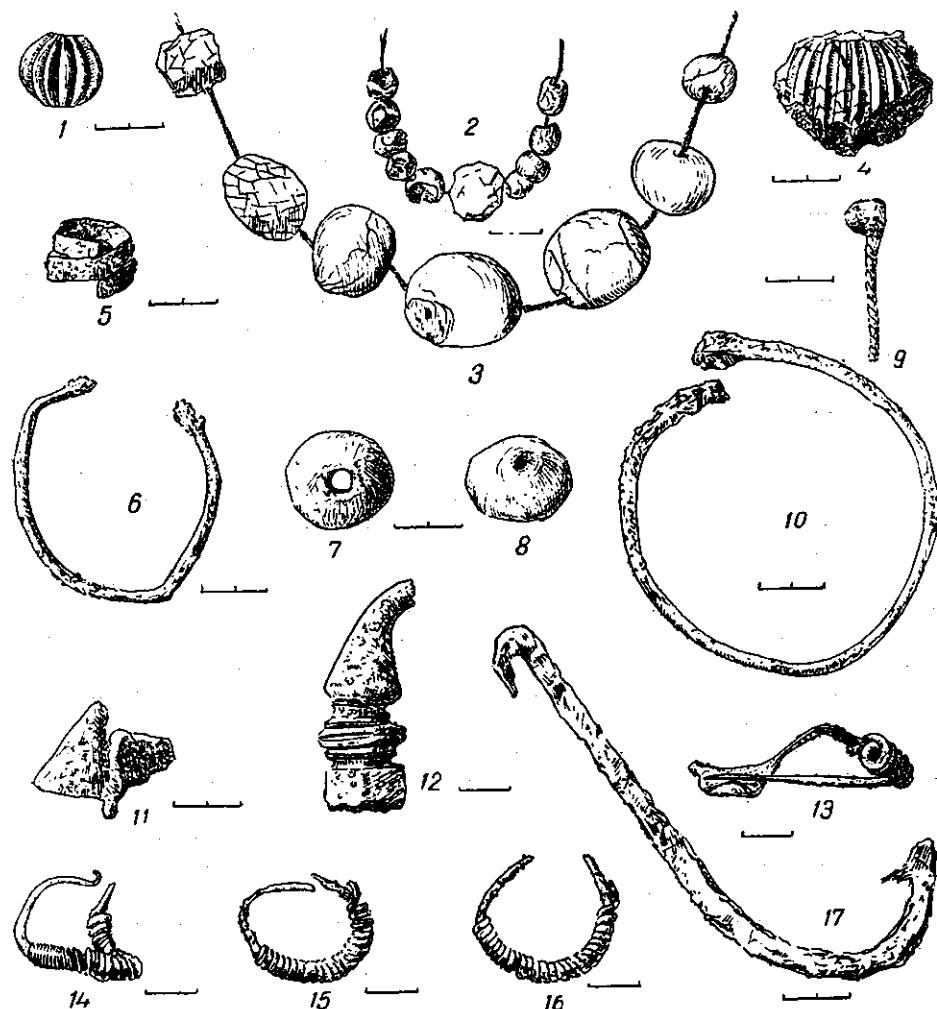

Рис. 6. Вещи из погребений и с поселения (8, 17).

тым наружу и украшенным ямками венчиком, высокие корчаги¹⁸, ножи, а также другие признаки, в том числе топографические и территориальные.

Наличие указанных общих черт, свойственных памятникам типа Зарубинцев — Корчеватого и суботовским, позволяет высказать предположение о том, что суботовские памятники, по-видимому, были оставлены также населением, родственным зарубинецкому, от которого

¹⁷ І. Самойловський, Корчеватський могильник, «Археологія», т. I, К., 1947, стр. 102.

¹⁸ І. Самойловський, ук. соч., стр. 103, 105, 106, рис. 4, 5.

оно отличалось присутствием элементов материальной культуры, идущих с Юга.

Эта особенность свидетельствует о сильных связях жителей Суботова с античным, позднескифским и сарматским миром.

При рассмотрении находок из Суботова обращают на себя внимание находки многочисленных амфорных обломков и других античных материалов: краснолаковой и сероглиняной посуды, скарабея и бус, фибулы и серег.

Обломки амфорной тары и краснолаковой посуды были найдены на зарубинецких поселениях в районе Канева¹⁹, но в Суботове их оказалось значительно больше. Эта античная керамика является скорее всего ольвийской, но попала она на Суботовское поселение, по-видимому, транзитным путем, из Нижнего Поднепровья — не случайно она находит свои полные аналогии в амфорной и краснолаковой посуде Золотобалковского, Гавриловского и других поселений этого района. Жители нижнеднепровских поселений поддерживали тесные контакты с Ольвией, куда они сбывали зерно, скот, кожи, рыбу в обмен на вино, гончарную керамику, предметы украшения²⁰. Они могли сбывать часть товаров античного производства населению более северных районов, заинтересованному в обменной торговле с Югом. Возможно также, что племена южной части Среднего Поднепровья и сами вступали в торговые контакты. Показательны в этом отношении находки на нижнеднепровских поселениях обломков острореберных лощеных мисок, ничем не отличающихся от мисок из Суботова. Следует полагать, что этот вид керамики не является специфической принадлежностью коренного населения нижнеднепровских городищ, тесно связанного с античным миром Северного Причерноморья, для которого не характерна подобная керамика.

Влияние античного Юга нашло свое отражение и в керамическом производстве Суботова, которое не только воспроизводит формы позднеэллинистической посуды (например, лепная ваза из погребения № 1), но и делает первые шаги в освоении гончарного круга сначала в виде его более простой, ручной разновидности (кувшин из погребения № 2, горшок и миска из погребения № 3 — рис. 7, 1, 3, 4).

Кроме контактов с жителями нижнеднепровских городищ, население Суботова поддерживало общение с сарматами, находившимися в это время (рубеж — I в. н. э.) в непосредственной близости²¹. Соседство сарматов прослеживается по суботовским материалам. О нем говорят находки гончарных сероглиняных лощеных кувшинов, не отличающиеся от найденных в сарматских могильниках²² и на поселениях нижнего Днепра²³, в состав населения которых входили и сарматы. Эти кувшины являлись продукцией сильно «сарматизированного» ольвийского производства рубежа н. э. Их формы служили первоисточником для жителей Суботовского поселения, занимавшихся изготовлением на ручном круге подобных, но более простых по исполнению кувшинов, обнаруженных на поселении и в могильнике.

Многие вещи, найденные в суботовских погребениях, являются также обычными находками сарматских могил: так, скарабеи аналогичные суботовскому, найдены в сарматских могильниках у сел Ново-

¹⁹ В. А. Богусевич, Канівська археологічна експедиція, АП, т. III, К., 1952, стр. 144.

²⁰ Н. Н. Погребова, ук. соч., стр. 238.

²¹ Недалеко от с. Суботова, в с. Калантаеве, находится сарматский могильник I в. н. э., исследованный в 1957 г. Е. Ф. Покровской и Г. Т. Ковпаниенко.

²² М. И. Вязьмилина, Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка, ВССА, М., 1954, стр. 230, табл. III, 6.

²³ Н. Н. Погребова, ук. соч., стр. 221.

Филипповка²⁴ и Усть-Каменка²⁵, бусины — в могильнике у совхоза «Аккермень»²⁶, в некрополе Неаполя скифского²⁷, колокольчик — в Неаполе скифском, фибулы — в могильниках с. Золотая Балка, у с. Заветное, в Неаполе скифском²⁸.

В сарматской же керамике часто встречается орнаментация подковообразными налепами, обычна и в материалах зарубинецкой культуры. Среди суботовских находок такой орнамент был на чернолощеном круглоторлом горшке (рис. 7, 4). Следует, однако, отметить, что подоб-

Рис. 7. Урны Суботовского могильника.

ный орнаментальный мотив был широко распространён в позднескифской и позднефракийской керамике.

По-видимому, у населения бассейна Тисы на рубеже н. э. существовали какие-то связи с Карпато-Дунайским районом. В керамике Суботова они отразились в сделанной на медленном круге миске (рис. 7, 1), прикрывавшей урну погребения № 3. Форма этой миски ближе всего соответствует формам некоторых мисок липецкой культуры²⁹.

Необычная для Приднепровья форма горшка с высоким цилиндрическим горлом, служившего урной погребения № 8, находит свои анало-

²⁴ М. И. Вязьмитина, Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка, ВССА, М., 1954, стр. 241.

²⁵ Е. В. Махно, Розкопки могильників епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янка, АП, т. IX (печатается).

²⁶ М. И. Вязьмитина, Вивчення сарматів на території Української РСР, «Археологія», т. VIII, К., 1953, стор. 71, рис. 8.

²⁷ В. П. Бабенчиков, Некрополь Неаполя скифского, ИАДК, К., 1957, табл. V, IX.

²⁸ Там же, стр. 123, табл. II, 2.

²⁹ M. Smiszko, Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej, we Lwowie, 1932, табл. IX, II.

гий в материалах Поянештского могильника, расположенного в Восточной Румынии³⁰. Подобные суботовским, корчаги с расчлененными валиками по корпусу и небольшие ковши с длинными ручками встречаются в Пояне³¹.

Интересные аналогии удалось зафиксировать для некоторых бронзовых предметов: фрагмента крючка (рис. 6, 12, погребение № 3) и горшка (погребение № 1). Крючки, подобные суботовскому, служили застежками ажурных поясов, которые исследователи относят к кельтским древностям³². Горшок из погребения № 1 является ситуей, подобной, например, ситуе, обнаруженной вместе с кельтскими предметами вооружения и конского набора на Ю. Буге³³. Эти вещи не имеют аналогий в среднеднепровских материалах и, безусловно, попали в бассейн Тисмина из области распространения латенской культуры. Возможно, они отражают события рубежа н. э., когда племена, жившие на нижнем Днепре и к западу от него, непосредственно соприкасались с гето-фракийскими и, по-видимому, кельтскими племенами, проникавшими сюда во время военных походов. Воздействие этих племен, отчетливо прослеживаемое на нижнеднепровских позднескифских поселениях³⁴, распространялось, очевидно, довольно далеко на север и восток³⁵.

Особенности Суботовского поселения и могильника определяются, как нам кажется, прежде всего их местоположением, представлявшем собой южную границу Лесостепи. К населению, жившему здесь и поддерживавшему торговые контакты с Югом, воздействие южных культур (античной, позднескифской и латенской) могло доходить свободнее и постояннее. Наконец, на рубеже и в I в. н. э. эта территория была пограничьям, областью взаимного проникновения и стыка славянских и сарматских племен. Ее изучение для истории славянства представляет несомненный интерес, расширяя наши представления о культурах зарубинецкого типа, изученных еще далеко недостаточно.

³⁰ Radu Vulpe Săpăturile dela Poiene, ti din 1949, Materiale archeologice privind istoria veche a RPR, т. I, 1953, рис. 176, 208.

³¹ R. et E. Vulpe, Des fouilles de Poiana, Dacia, III—IV, Bucarest, 1933, стр. 295, рис. 52, 53; стр. 318, рис. 99, 5, 10.

³² Jan Filip, Keltové ve Střední Evropě, Praha, 1956, стр. 169, рис. 51, 7.

³³ И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, т. I, К., 1951, стр. 91.

³⁴ Н. Н. Погребова, ук. соч., стр. 245—246.

³⁵ Ю. В. Кухаренко, Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы, «Советская археология», 1969, № 1, стр. 43.

О РЕТРОСПЕКТИВНОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ НА МЕСТАХ ЗАЛЕГАНИЙ

С. Н. БИБИКОВ

Уже давно в практику археологических раскопок прочно вошел метод разбивки изучаемой площади на квадраты. Величины сторон квадрата при этом избираются в соответствии с характером памятника — от 20 м² и более с последующим разделением таких квадратов на мелкие квадраты величиной до 1 м². В виде исключения применяются квадраты со стороной в 10 см. Столь мелкое разделение площадки раскопа делается сравнительно редко, например, при исследовании палеолитических погребений и в особо важных случаях, когда необходимо дать совершенно точно археологическую ситуацию при нанесении ее на план или разрез.

Не столь уж давно при археологических раскопках стал применяться другой метод — нивелировка площадки раскопок с отсчетами глубин залегания археологических остатков от постоянной, условной горизонтали.

Оба названных приема стали общепринятыми и значительно усовершенствовали методику раскопок. Применение системы поквадратной разбивки площади раскопок с последующей нивелировкой дали возможность определять точное залегание археологических предметов в пределах изучаемого пространства, взаимоположение между отдельными археологическими объектами, положение слоев в свите отложений и остатков культуры в плоскостном и вертикальном направлениях. Другими словами, применение обоих методов обеспечило документальность фиксации процессов раскопок и условий залегания археологических остатков.

При камеральной работе над полевым графическим материалом археологи стремятся к наиболее полным выводам, вытекающим из анализа этого материала. Следует, однако, сказать, что далеко не всегда археологи обращаются к полевым графическим материалам для выверки своих заключений, своих реконструкций, сделанных на основе полевой документации. Больше того, археологи ограничивают свои возможности, опираясь в выводах только на полевую документацию и избегая аналитических заключений, могущих последовать при более широкой оценке графического полевого материала.

Изучая трипольское поселение у с. Журы, находящегося почти на границе Молдавии и Украины в Рыбницком районе, мы попытались несколько расширить обычную принятую программу исследования глинянобитных трипольских площадок, предложенную Т. С. Пассек.

При раскопках трипольских площадок, открытых у с. Журы, очень большое внимание было уделено наблюдениям за расположением от-

дельных групп керамических обломков, залегающих на площадках. В условиях полевой работы такие группы керамических фрагментов точно фиксировались на планах с нивелировочными отметками и получали свой порядковый номер.

В результате уже в процессе раскопок имелась примерная картина размещения сосудов на полах глинобитных жилищ. Однако далеко не всегда оказывалось возможным представить себе форму сосудов и особенно орнаментацию их. Сильный известковый натек в виде корки на черепках полностью маскировал орнамент и был удален в лабораторных условиях.

При изъятии керамического материала с площадок за ним сохранялся порядковый номер, данный для каждой из керамических групп.

После реставрации сосуды были размещены в соответствии с теми пунктами, откуда происходят группы черепков, составившие сосуды.

Реставрированные сосуды получили те же полевые номера, которые отмечали отдельные скопления черепков. В некоторых случаях, когда оказывалось невозможным установить число сосудов в одном залегании черепков, то после реставрации каждый новый сосуд получал свой порядковый номер, продолжая полевой счет.

Неполностью реставрированные сосуды, форму и размер которых удавалось восстановить по крупным фрагментам, наносились на план пунктирными линиями.

Идею применения такого, так сказать, ретроспективного метода нельзя считать новой.

Еще В. В. Хвойко в своей известной работе «Каменный век Среднего Приднепровья» дал рисунки площадок с расставленными на них сосудами. Обратившись к тексту статьи и иллюстрациям, нетрудно убедиться в несоответствии их друг с другом, а следовательно недокументальности изображения¹.

Тем не менее нельзя не признать плодотворности и ценности самой идеи воссоздания реальной картины бытовой обстановки в трипольском жилище, а быть может, и некоторых важных черт в культуре трипольцев.

В довоенные годы Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевский, занимаясь реконструкцией трипольского дома, сделали интересную попытку восстановить не только вид трипольского дома, его конструкцию, архитектурный облик и внутреннее убранство. Они ставили себе задачей выяснить также и вопрос о размещении сосудов в доме. Последняя задача стояла для авторов на втором плане, поэтому и получила слишком обобщенное решение².

И в настоящее время нет еще образных и документированных воспроизведений размещения сосудов в доме, хотя имеются иногда и точные воспроизведения отдельных участков площадок вместе с найденными там предметами, в том числе и сосудами. Имеются, наконец, описания отдельных камер с указанием количества и типов встреченных там сосудов³.

Однако в наших и зарубежных изданиях (главным образом румынских) часто воспроизводятся залегания керамических скоплений без указаний на действительное расположение сосудов в целом виде на полу жилья.

¹ В. В. Хвойко, Каменный век Среднего Приднепровья, «Труды XI Археологического съезда в Киеве», т. I, 1899, М., рис. 69, 77, 89.

² Е. Ю. Кричевский, Т. С. Пассек, Трипольское поселение Коломийщина, КСИИМК, вып. XII, 1946, рис. 9; Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, № 10, 1949, стр. 83, рис. 38, б.

³ Например, описание камер на Коломийщине II, данное Т. С. Пассек. См. Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, стр. 58—78.

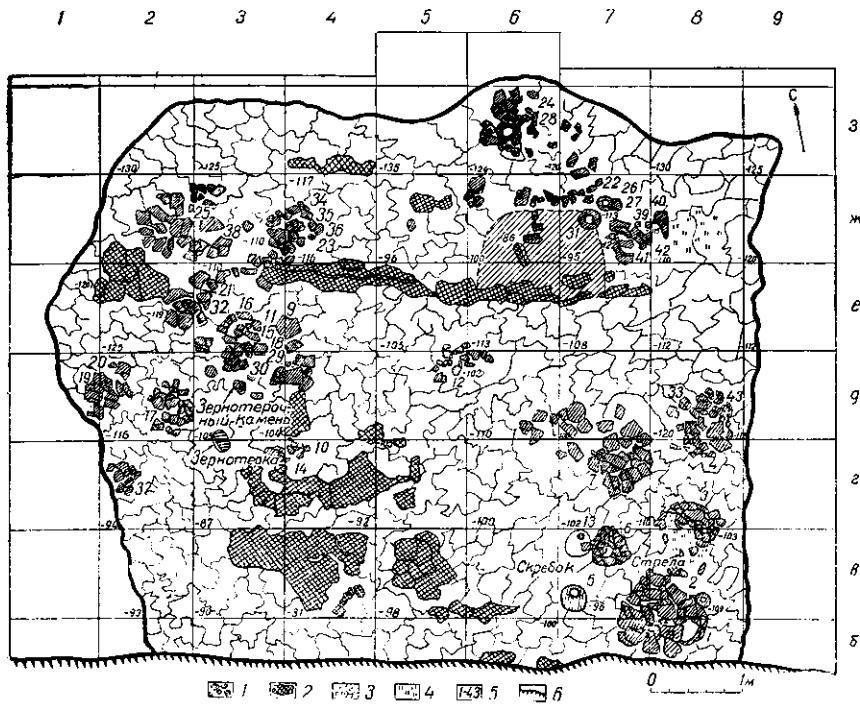

Рис. 1. Размещение обломков сосудов на площадке № 4 в с. Журы.
1 — керамика; 2 — плитки (валики); 3 — обмазка; 4 — горелый слой; 5 — сосуды;
6 — береговой срез.

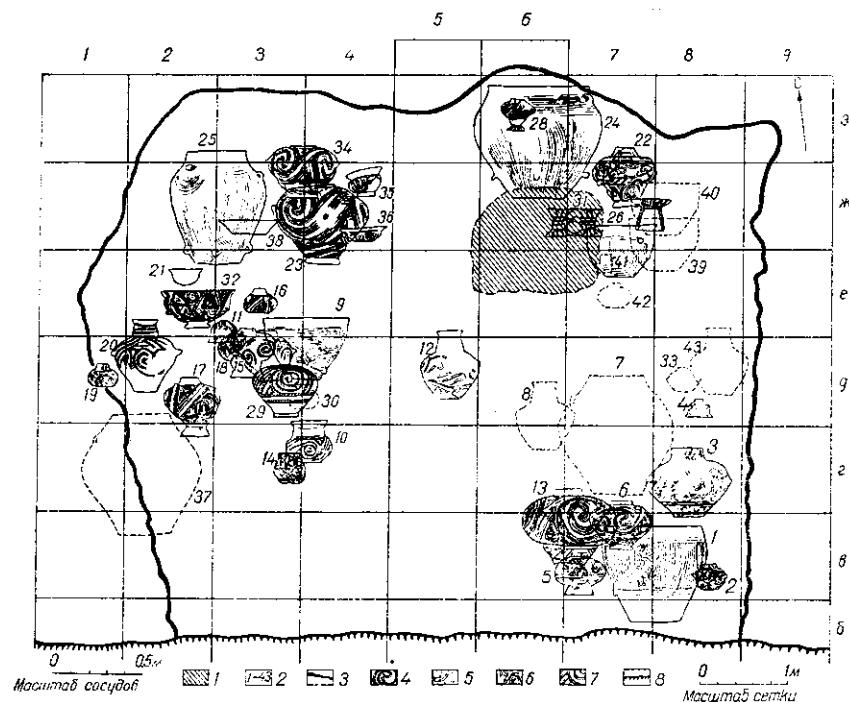

Рис. 2. Размещение сосудов (после реставрации) на площадке № 4, в с. Журы.
1 — остатки печей; 2 — сосуды; 3 — современные границы площадки; 4 — расписной орнамент;
5 — пальчато-желобчатый орнамент; 6 — нарезной орнамент; 7 — желобчато-расписной орнамент;
8 — береговой срез.

Сводные чертежи бывают перегружены мелкими и мельчайшими деталями, показом положения отдельных черепков, что очень затрудняет реконструкцию расположения предметов на площадке в древности, до их разрушения. Такие «слепые» документальные воспроизведения нередко встречаются в работах Т. С. Пассек, С. Н. Бибикова, М. Л. Макаревича⁴. Не приходится доказывать, что такая односторонняя публикация полевых наблюдений обедняет возможности для реконструкций и исторических выводов.

На рис. 1 и 2 показаны два типа документации результатов раскопок площадки № 4 в Журах. Рис. 1 дает представление о размещении фрагментов керамики по выделенным в полевых условиях скоплениям или группам. Рис. 2 изображает ту же площадку с размещенными на ней согласно документальным данным реставрированными сосудами, изображенными в масштабных пропорциях с сохранением их формы и даже, где этоказалось возможным, орнаментики.

Конечно, степень достоверности размещений сосудов на площадке несколько уступает воспроизведениям их на чертеже по данным наблюдений над размещением фрагментов сосудов, сделанных в полевых условиях. Однако практически эти расхождения мало ощущимы. Неточность привязок реставрированных сосудов к своим местам колеблется, примерно, в пределах 10—20 см. Естественно, что при находках на месте днищ сосудов положение на местах нахождения в древности еще больше уточняется.

Очевидно, что предложенный метод ретроспективного воспроизведения условий нахождения археологического материала, находимого на местах раскопок, значительно поможет расширить данные о древнем расположении предметов и не только в жилище. На приведенном нами воспроизведении обращают на себя внимание участки размещения групп сосудов по отношению друг к другу и по отношению к печи, выявляются места концентрации функционально различных керамических изделий, определяется местонахождение входа и, наконец, выявляется назначение площадки как центра именно хозяйственной деятельности, но не жилья в прямом смысле этого слова. Дальнейшее внимательное изучение расположения сосудов на площадках и в связи с другими наблюдениями над размещением различных бытовых предметов — печей, архитектурных деталей, культовых остатков — должно внести больше ясности в вопросы назначения отдельных частей площадок, их бытового и архитектурного убранства.

Особое значение приобретает и вопрос экономической оценки находимого на площадках инвентаря и, в первую очередь, сосудов.

Таким образом, не следует отказываться от более полного познания археологического материала через возможную ретроспективность изучения его.

⁴ Например: «Трипольська культура на Україні», т. I, 1941, стр. 78, 114, 144, 180, 230, 286 і др.; С. Н. Бибиков, Раннетрипольское поселение Лука-Брулевецкая на Днестре, МИА, т. 38, 1953, рис. 14—16 и др.; Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, стр. 58 (вклейка); «Археологічні пам'ятки УРСР», т. IV, К., 1952, стр. 92, 97; Habasesti, Editura Academiei Republicii România. 1954. pl. 1, 3, 4—5 и др.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ КРЕМНЕВЫЕ ОРУДИЯ ИЗ ГРОТА ЧОКУРЧА В КРЫМУ

Ю. Г. КОЛОСОВ

Просматривая археологические материалы, хранящиеся в фондах Симферопольского областного музея, автор настоящей заметки обнаружил беспаспортные кремни древнепалеолитического облика.

По ряду косвенных данных: характеру кремня, из которого изготовлены орудия и отщепы, технике обработки, внешнему облику и размерам орудий можно заключить, что материал этот происходит из раскопок известной палеолитической стоянки Чокурча, находящейся близ Симферополя¹.

Всего нами обнаружено 341 кремень, из них 26 орудий, остальные отщепы и обломки. Большинство кремней имеют серый или темно-серый цвет. Патина отсутствует. На некоторых предметах сохранилась желвачная корка.

Что касается техники обработки кремня, то среди этих сбров присутствуют изделия, приготовленные способом двусторонней и односторонней оббивки. Преобладает односторонняя обработка. Большинство изделий имеют подтреугольную форму.

Среди орудий различаются: нуклеусы и нуклевидные орудия—5 экз.; пластины — 3 экз.; отщепы с ретушью — 4 экз.; остроконечники — 5 экз., остроконечники асимметричные, или так называемые клювовидные орудия,— 2 экз.; скребла — 7 экз.

Ниже даем краткое описание их по группам.

Большой интерес представляет наличие в коллекции нуклеусов и нуклевидных орудий — категорий инвентаря, которые в материалах, опубликованных Н. Л. Эрнстом, отсутствуют². Типичный дисковидный нуклеус изображен на табл. I, 1. Длина 10 см, ширина 9 см. Одна его сторона покрыта коркой, другая обработана рядом сколов. Остальные нуклеусы по форме также приближаются к дисковидным (рис. 1, 4). Наличие на некоторых из них зазубрин свидетельствует об использовании их в качестве рубящих орудий.

Среди нуклевидных орудий интересно клювовидное изделие длиной 10,2 см, высотой 6 см. Оно изготовлено на обломке, обработанном крупной ретушью с заломами. На окружной образующей клюв стороне имеется удобная, гладкая, широкая площадка, предназначенная, по-видимому, для упора во время работы. На противоположной стороне сохранилась корка.

¹ С. Н. Замятин и С. Н. Бибиков, видевшие публикуемый материал, подтвердили это предположение.

² Н. Л. Эрнст, Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму, «Труды II Международной конференции АИЧПЕ», вып. V, 1934, стр. 196.

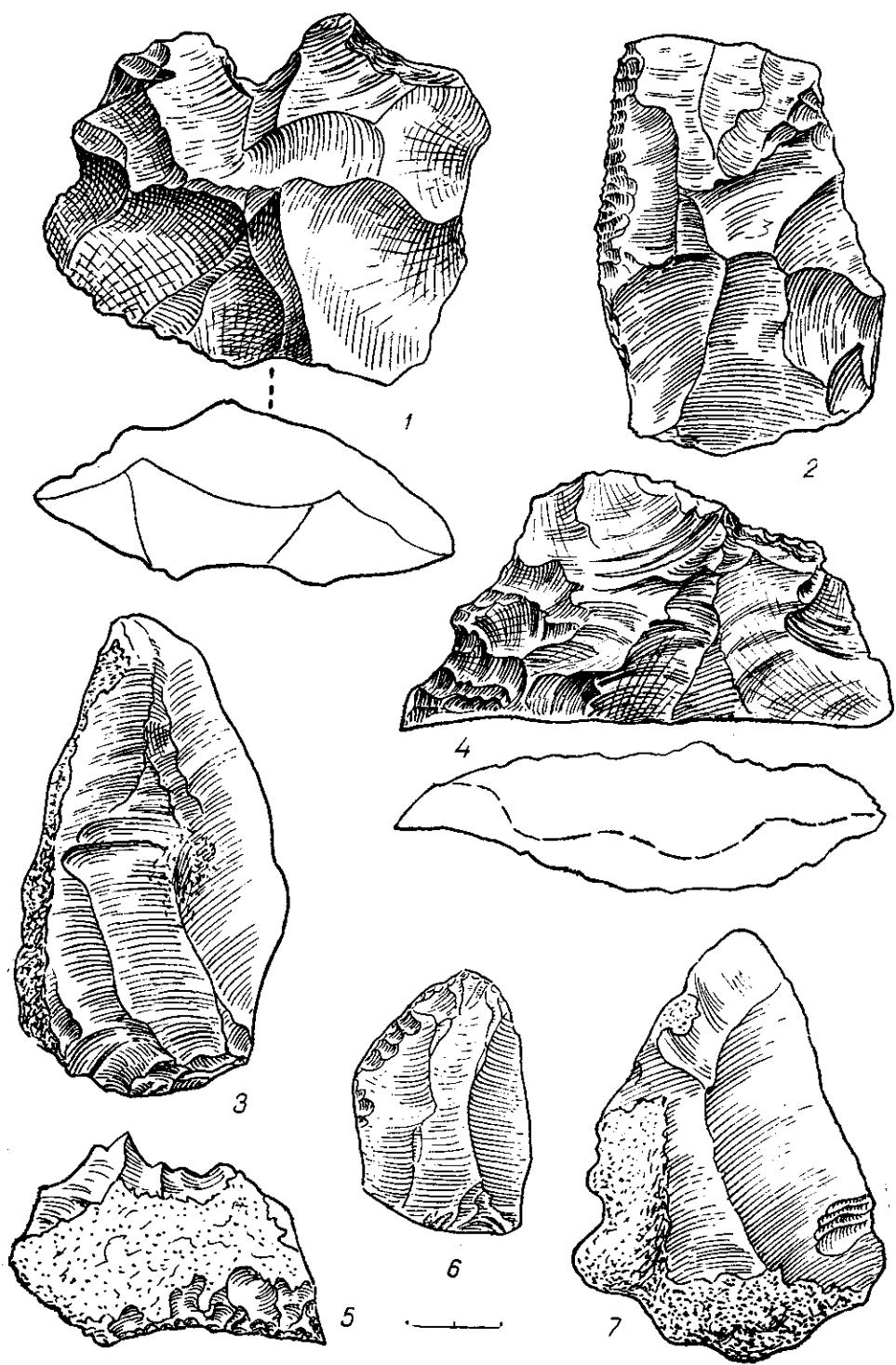

Рис. 1. Кремнеземный инвентарь из грота Чокурча.
 1, 4 — нуклеусы; 2, 3, 7 — пластины; 5 — асимметричный остроконечник;
 6 — отщеп с ретушью.

Среди пластин одна (рис. 1, 2) длиной 9 см, шириной 5,6 см имеет почти параллельные грани, а со стороны спинки — несколько сколов. Вдоль левого края имеется тонкая, приостряющая ретушь. Две иные пластины (рис. 1, 3, 7) длиной 10—10,5 см изготовлены из серого кремня, со стороны спинки они имеют остатки желвачной корки. Вторичная обработка отсутствует.

Кроме того, в коллекции имеется четыре широких пластинчатых отщепа с частичной ретушью (рис. 1, 6). Длина их колеблется от 5,5 до 8 см.

Один остроконечник (рис. 2, 1) длиной 8 см, шириной 6,2 см изготовлен из массивного, треугольной формы отщепа. Оба сходящиеся в острие лезвия тщательно обработаны ретушью. Со стороны брюшка нанесено пять крупных сколов, по углам — мелкая ретушь. Ударный бугорок сбит. Остроконечник изготовлен из коричневого кремня. Второй остроконечник (рис. 2, 2) длинный и относительно узкий (8,1 × 3,4 см). Острие затуплено. Оба режущих края слегка округлы и оформлены крутой ретушью. Спинка выпуклая и высокая, ближе к основанию она сохраняет корку. Со стороны брюшка имеются небольшие сколы у острия и у правого края.

Третий остроконечник (рис. 2, 3) длиной 4,5 см, шириной 4 см изготовлен из тонкого отщепа потреугольной формы. Обработан мелкой, заостряющей ретушью лишь с наружной стороны орудия.

Четвертый остроконечник длиной 6 см, шириной 3,5 см сделан из широкого отщепа подтреугольных очертаний. Рабочим лезвием является край, у которого расположен ударный бугорок. Большая часть орудия покрыта желвачной коркой. Ретушь нанесена только со стороны спинки.

Пятый остроконечник представлен заготовкой этого орудия в виде тонкого отщепа подтреугольной формы, у которого ретушь отсутствует.

Описанную группу изделий дополняют два односторонне обработанных асимметричных остроконечника клювовидной формы. Первый (рис. 1, 5) сделан из отщепа светло-коричневого цвета длиной 6,5 см, шириной 3,5 см, он имеет одно слегка вогнутое, тщательно отретуированное лезвие, другое — округлое. На последнем имеется намеренно сбитая площадочка, по-видимому, предназначенная для указательного пальца. Тщательно отретуированный клювовидный конец расположен с правой стороны. Почти вся спинка орудия покрыта желвачной коркой.

Второе подобное орудие сделано на массивном отщепе трапециевидной формы, темно-серого цвета, длиной 6 см, шириной 4 см. Нижнее прямое и боковое округлые лезвия образуют клювовидное острие. Местом для упора пальцем служила ударная площадка отщепа.

Одно скребло (рис. 2, 5) длиной 87 см, шириной 5,3 см изготовлено из крупного отщепа темно-серого цвета, подтреугольной формы. Оно обработано приемом двусторонней обивки. Округлое лезвие тщательно отретуировано мелкой приостряющей ретушью.

Второе скребло (рис. 2, 4) длиной 8 см, шириной 4,5 см сделано на крупном массивном отщепе неправильной формы. Кремень серый. Обработка односторонняя. Округлое лезвие рабочего края обработано мелкой заостряющей ретушью. Один конец оканчивается острием. Такое скребло могло употребляться не только для скобления и резания, но и для прокалывания. Со стороны спинки — остатки несбитой желвачной корки. Ударная площадка не несет никаких следов предварительной подправки.

Остальные скребловидные орудия имеют также одностороннюю обработку и не отличаются правильностью формы и тщательностью обработки. Среди них три экземпляра имеют округлое лезвие, одно орудие — вогнутое. Многие из них сохраняют остатки желвачной корки.

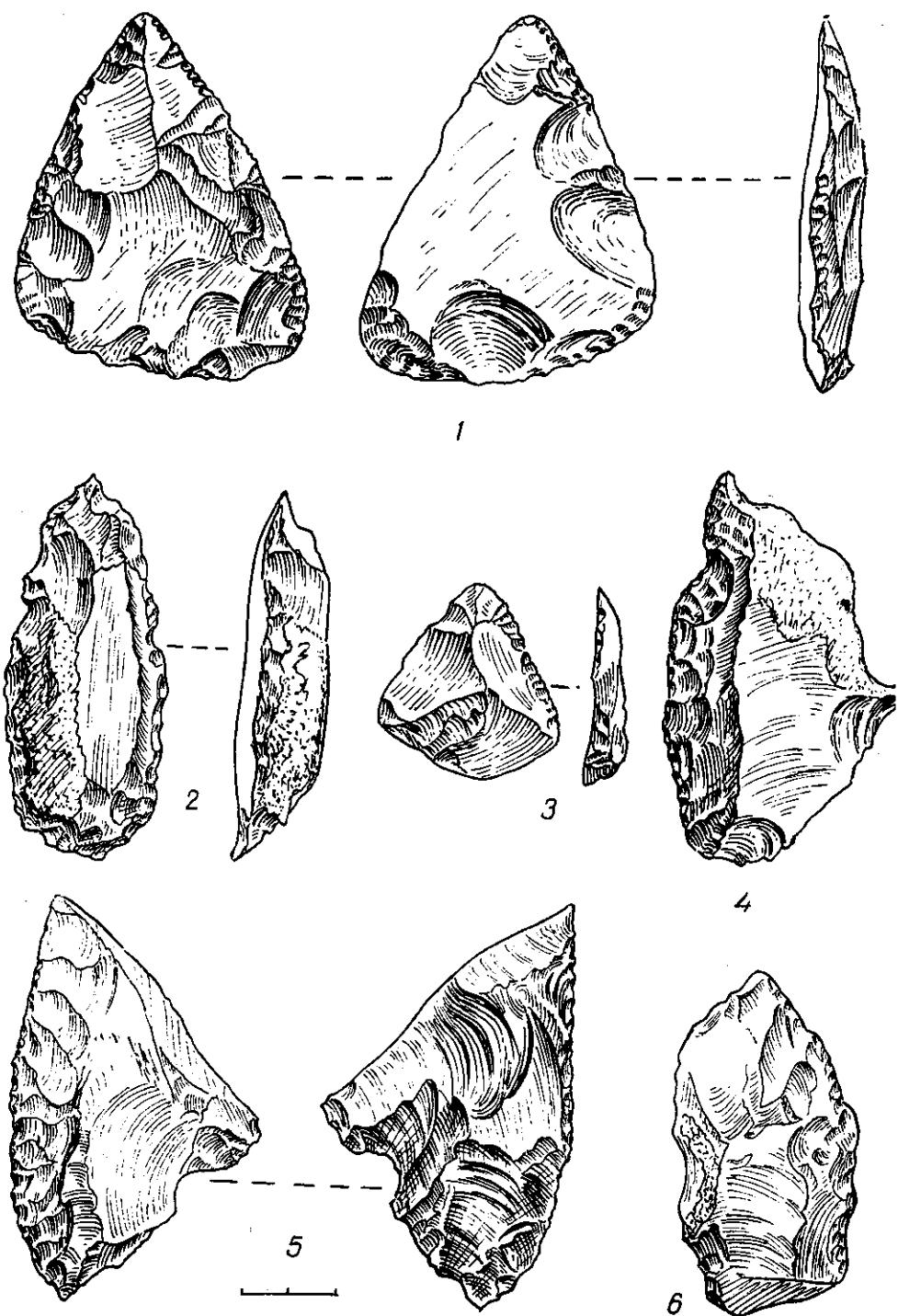

Рис. 2. Кремневый инвентарь из грота Чокурча.
1—3 — остроконечники; 4—6 — скребла.

Длина 4,5—7,5 см, ширина 2,5—4,5 см (рис. 2, 6). Видимо, к этой же категории скребущих орудий должен быть отнесен небольшой предмет (длина 3,6 см, ширина 2,6 см), изготовленный из темно-серого кремня трапециевидной формы. Рабочим краем являлось нижнее основание, обработанное мелкой ретушью. Противоположное основание имеет незначительную подправку. Со стороны спинки сохранилась желвачная корка. Ударный бугорок сбит.

Публикуемая группа орудий из грота Чокурча дополняет наши представления о кремневом инвентаре этой стоянки.

Что касается вопроса о том, к которому из трех палеолитических слоев Чокурчи относится описанный материал, то в силу указанных обстоятельств на него ответить можно лишь предположительно.

Преобладание среди публикуемых изделий односторонне обработанных орудий, чаще всего имеющих подтреугольную форму, орудий сравнительно тонких и легких, а также присутствие значительного количества необработанного кремня убеждает нас в том, что материалы эти происходят, вероятнее всего, из IV слоя³.

В заключение хотелось бы выразить пожелание, чтобы исследование мустьерской стоянки Чокурча было продолжено, так как раскопки площадки перед гротом не были доведены до конца. Завершение раскопок на стоянке может доставить новый ценный материал для исследования крымского палеолита.

Задача эта приобретает еще большее значение в связи с тем, что публикуемые нами материалы в настоящее время остались единственным комплексом кремневой индустрии из грота Чокурча.

³ Н. Л. Эрнст, ук. соч., стр. 196.

О ПЛАНИРОВКЕ ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВОСТОЧНОЙ ВОЛЫНИ

Н. М. ШМАГЛИЯ

Благодаря широким раскопкам, проведенным дореволюционными и советскими исследователями, удалось полностью определить концептуальную планировку жилищ на поселениях эпохи развитого триполья.

Первооткрыватель трипольской культуры В. В. Хвойко, исследуя трипольские поселения в районе Среднего Поднепровья, отмечал, что площадки образуют обыкновенно несколько рядов, наружная линия которых почти всегда представляет обширный, более или менее правильной формы круг¹.

Наблюдения над планировкой трипольского поселения в Колодищем (бассейн Южного Буга) показали, что площадки размещались по склонам возвышенности, опоясывая ее местами в несколько рядов². К этому следует добавить и те наблюдения, которые сделал М. Гимнер на Уманщине, обнаружив круговую систему в планировке поселений Попудня и Пьянишкове³.

Наиболее четкую и достоверную картину планировки жилищ на трипольском поселении дали раскопки Т. С. Пассек в урочище Коломийщина I. Здесь 31 жилище было расположено по кругу с ориентировкой по радиусам, а 8 жилищ находилось в центре круга. Такое расположение жилищ свидетельствовало, по мнению Т. С. Пассек, о стремлении их обитателей создать замкнутость и укрепленность родового поселка⁴.

Такая же картина была прослежена на поселении у с. Владимировки на р. Синюхе⁵ и ряде других трипольских поселений, материалы которых не опубликованы. Здесь на помощь приходит характерная особенность культурного слоя поселений трипольской культуры. Остатки наземных глинобитных жилищ, залегая обычно на глубине 40—50 см, а иногда еще выше, от уровня современной поверхности, в слое чернозема, при распашке выступают в виде светлых рыжеватых пятен прямоугольной формы. Это дает возможность составить представление о планировке жилищ на древнем поселении, не проводя раскопок.

¹ В. В. Хвойко, Каменный век Среднего Поднепровья, «Труды XI АС», т. I, 1899, М., 1901, стр. 803.

² А. А. Спицын, Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого в Киевской губ., ИАК, вып. 12, 1904, стр. 94.

³ М. Нимперг, Étude sur la civilisation Prémycénienne dans le Bassin de la Mer Noire. D'après des fouilles Personnelles, Światowit, т. XIV, Warszawa, 1933, стр. 41. и др.

⁴ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, № 10, 1949, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 79.

Таким образом, на трипольских поселениях Побужья и Поднепровья жилища обычно расположены рядами по кругу. Такая закономерность отражает определенное стремление трипольского населения создать замкнутость поселения. Это стремление, очевидно, обусловливалось соображениями обороны поселка и охраны скота.

Иную картину в планировке жилищ на трипольских поселениях мы видим в Верхнем Поднестровье.

На раскопывавшемся в конце прошлого века поселении в с. Бильче-Золотом Г. Оссовский установил, что площадки были расположены по склону холма с одной стороны и все его попытки найти остатки жилищ в других местах не увенчались успехом⁶. Е. Ю. Кричевский ошибочно утверждает, что площадки в Бильче-Золотом якобы окружали возвышенную часть плато⁷.

Все попытки отыскать какие-либо следы жилищ на поселении в с. Кошиловцы (ур. Обоз) на противоположном, южном склоне урочища ничего не дали, в то время как северный был застроен жилищами в три ряда. Середина урочища также не была застроена.

На поселениях в Сухоставе и Кунисовцах следы жилищ были найдены только по одному из склонов плато⁸.

Было бы преждевременно утверждать, что в Верхнем Поднестровье на трипольских поселениях жилища располагались только по склонам плато. Возможно, дальнейшие исследования дадут и другой вариант планировки жилищ. Не исключено, что эта планировка будет иметь форму круга или нескольких кругов, как это наблюдается на поселениях Среднего Поднепровья и Побужья.

Вопрос о расположении жилищ на позднетрипольских поселениях восточной Волыни оставался до последнего времени почти не изученным. Причиной этому являлось то обстоятельство, что ни одно поселение в этом районе не было полностью раскопано. Отрывочные сведения, полученные при исследованиях поселений на небольших площадях не давали возможности составить определенное представление о расположении на них жилищ. Так, В. П. Петров, раскапывая поселение в Городске, обнаружил, что жилища более или менее плотно примыкали одно к другому и были расположены в несколько рядов на возвышенности мыса, вдоль склона горы⁹. Этим же автором было высказано предположение, что жилища на городском поселении, как и на всяком другом поселении, где жители занимались скотоводством, должны быть расположены по краю мыса, а середина остается свободной для скота¹⁰.

Новые важные данные о планировке позднетрипольских поселений восточной Волыни были получены при раскопках поселения у с. Троянова на Житомирщине.

Поселение расположено на высоком останце плато правого берега р. Гнилопяти (правый приток р. Тетерева), носящем местное название Орехова Гора. Останец имеет вид полуострова, вытянутого с юго-востока на северо-запад. Своим северо-западным краем он далеко выступает в долину реки, а на юго-востоке смыкается пологим склоном с первой надпойменной террасой. С юга останец омывается водами Гнилопяти, где река делает крутую излучину, а с севера имеет крутые

⁶ G. Ossowski, Sprawozdanie czwarte z wycieczki paleoetnologicznej po Galicyi (w roku 1892), «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», t. XVIII, Kraków, 1895, str. 2—4.

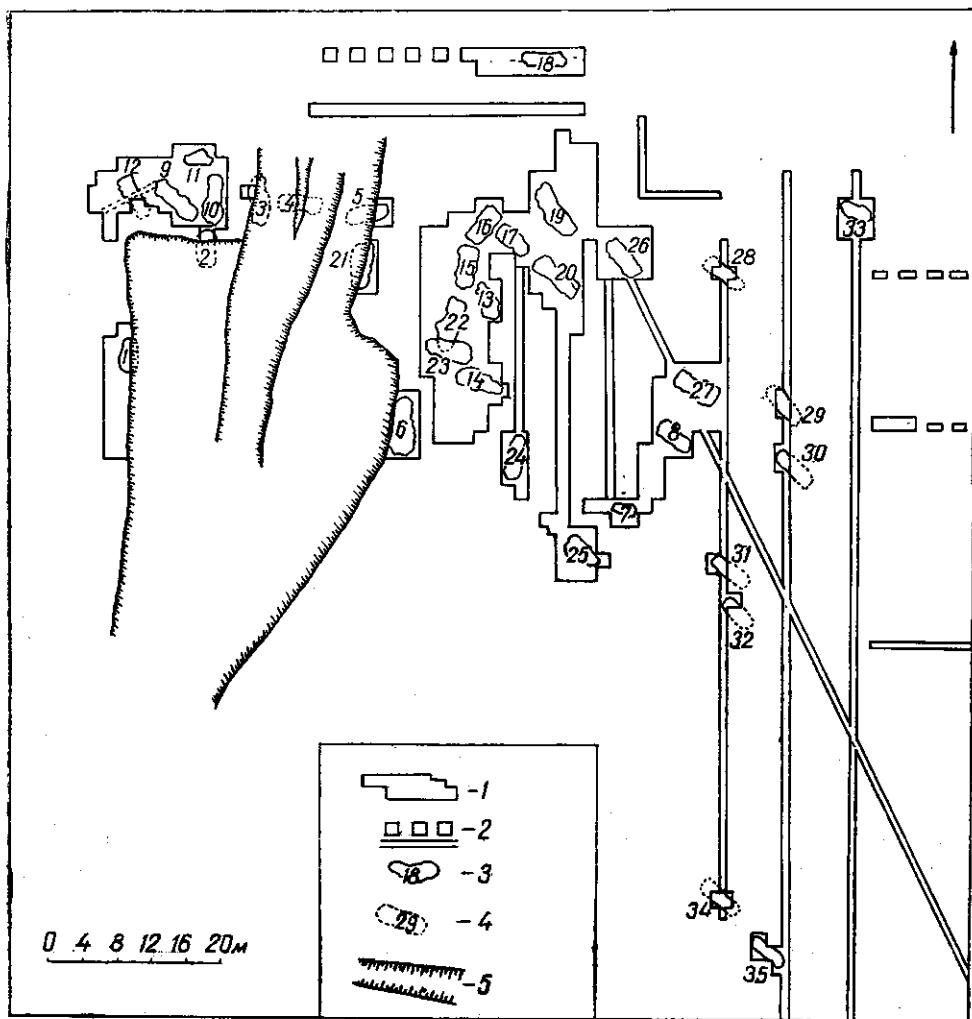
⁷ Е. Ю. Кричевский, Розкопки на Коломийщині і проблема трипільських площаць, «Трипільська культура», т. I, К., 1940, стр. 548.

⁸ В. П. Кравец, Позднетрипольские поселения Верхнего Поднестровья (рукопись), Архив Института общественных наук АН УССР, № 636.

⁹ В. П. Петров, Поселения в Городске, «Трипільська культура», т. I, стр. 377.

¹⁰ Там же, стр. 347.

склоны, обращенные к долине пересыхающего ручья, являющегося правым притоком Гнилопяти. За три года (1956—1958) раскопок на поселении была вскрыта площадь свыше 2 тыс. м². Границы поселения были установлены не сразу. После раскопок 1958 г. было определено, что поселение занимало северо-западную часть Ореховой Горы, ограниченной в данном месте наиболее крутыми склонами. Определились

План раскопок на поселении у с. Троицкого.

1 — границы раскопов; 2 — шурфы и траншеи; 3 — раскопанные жилища; 4 — не полностью раскопанные жилища; 5 — граница котлована.

и размеры поселения. По наибольшему диаметру оно имело протяженность 150 м, по наименьшему — 50 м. Постепенно прослеживалось расположение жилищ. К концу 1958 г. на поселении открыты остатки 35 жилищ, в расположении которых можно было увидеть определенную закономерность.

Все жилища поселения довольно четко концентрировались двумя группами (см. рис.). Первая группа была расположена в северо-западной части поселения (№ 1—6; 9—12 и 21). В планировке этой группы жилищ не удалось проследить определенной закономерности, поскольку эта часть поселения пострадала от котлована, вырытого при

сооружении дамбы для гидроэлектростанции. Можно только отметить, что жилища первой группы имеют различную ориентировку и сосредоточены вокруг котлована.

В расположении второй группы жилищ довольно четко прослеживается их планировка в виде двух концентрических кругов. Первый круг образован жилищами № 13—17; 19—20; 22—27 и представляет собой несколько вытянутый овал с наибольшим диаметром в 40 м и наименьшим — 25 м. Жилища имеют также различную ориентировку, хотя большинство из них спланировано по длинной оси с северо-запада на юго-восток.

Непосредственно к первому кругу с восточной стороны примыкал второй ряд жилищ (№ 28—32), который образовывал второй незамкнутый круг. По направлению к северо-востоку, на склоне горы, в 20 м от жилища № 28, было открыто жилище № 33. На противоположном склоне горы, в 40 м к югу от жилища № 32, обнаружены остатки еще двух жилищ (№ 34—35). Эти жилища выходят из системы второго круга и расположены несколько в стороне. Но, учитывая однородность археологического материала и конфигурацию Ореховой Горы, можно предположить, что жилища (№ 33—35) принадлежали также этому поселку. Кроме того, расположение этих жилищ дает возможность предполагать о существовании третьего круга построек. Аналогичное явление можно проследить в планировке трипольского поселения Коломийщи на¹¹.

Наличие круговой системы расположения жилищ в юго-восточной части трояновского поселения легко объяснимо. Во-первых, круг жилищ представлял собой удобное место для загона скота. Во-вторых, такое расположение жилищ создавало замкнутость и укрепленность поселка с напольной стороны Ореховой Горы. Таким образом, выявленная в результате раскопок планировка позднетрипольского поселения у с. Троянова является показателем устойчивых генетических связей памятников этого типа с поселениями развитого триполя.

¹¹ Т. С. Пассек, ук. соч., стр. 134.

ДВА КУРГАНА ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

С. С. БЕРЕЗАНСКАЯ

Среднее Поднепровье является той территорией, где в эпоху ранней бронзы громадный массив, занятый племенами ямной культуры, соприкасался с областями, занятymi позднетрипольской культурой. Археологические данные позволяют говорить, что материальная культура этого района была достаточно разнообразной. По-видимому, это же можно предполагать и в отношении этнического состава. В то же время естественно ожидать, что антропологический материал на стыке ареалов двух столь различных культур, как ямная и позднетрипольская, должен обладать какими-то конкретными отличительными чертами. Однако небольшое количество археологических памятников и почти полное отсутствие антропологического материала из этих районов лишает возможности проводить какие-либо наблюдения в этом направлении.

В связи с этим могут представлять некоторый интерес исследованные автором два кургана, давшие археологические и антропологические материалы¹.

Курганы расположены на левом берегу Днепра западнее с. Доманово, Золотоношского района, Черкасской области². Они входят в группу курганов, которая тянется вдоль старицы Днепра—Долгуна от села до нового устья р. Супой (Ревучей). Из всей курганной группы в настоящее время сохранилось только 10 курганов, некоторые из них уже едва заметны.

Можно предполагать, что раньше курганов было значительно больше и что многолетней пахотой значительная часть их полностью уничтожена. Об этом косвенно свидетельствуют находки здесь человеческих костей, а также наличие на свежевспаханном черном поле в разных местах светло-бурых пятен различных очертаний, возможно, выбросов суглинка из могильных ям³.

Курганы имеют различную величину; диаметр их колеблется от 20 до 40 м, высота от 0,5 до 3 м, насыпи большинства из них правильной округлой формы, сильно распаханы и вытянуты в направлении пахоты, вдоль реки.

Курган I. Самый большой из всей группы, расположен, примерно,

¹ Антропологический материал передан на определение в Институт этнографии АН УССР.

² Могильник был обнаружен в 1957 г. разведочным отрядом Д. Я. Телегина и исследован автором в 1958 г.

³ И. Н. Шарафутдиновой в 1957 г. на месте некоторых из них была произведена шурфовка, но погребения, к сожалению, обнаружены не были.

в центре курганного поля, несколько ближе к селу. Высота кургана—2,85 м, диаметр—48 м. Хорошая сохранность насыпи объясняется отчасти тем, что здесь долгие годы стояла тригонометрическая вышка. Северные и южные склоны кургана более круты, западные и восточные значительно более пологи. Насыпь снималась бульдозером. Для наблюдения в центре кургана была оставлена бровка метровой ширины, снятая позже вручную.

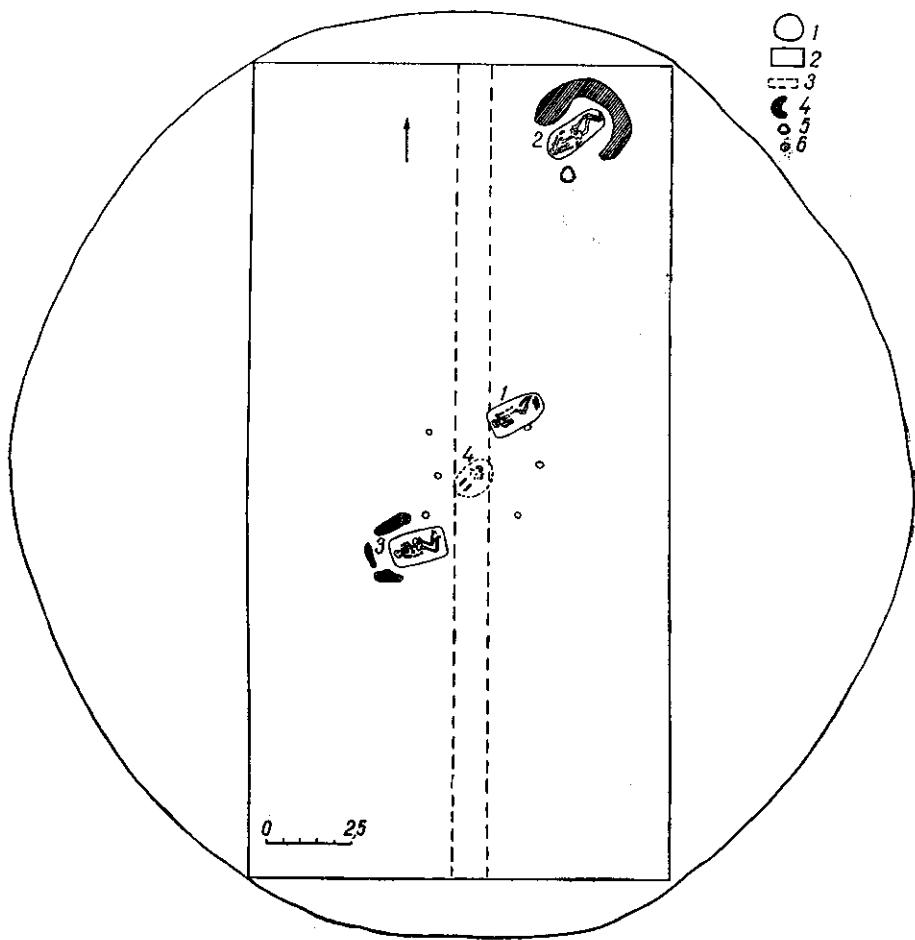

Рис. 1. План кургана I у с. Доманово.

1 — контуры кургана; 2 — контуры раскопа; 3 — бровка; 4 — выкид из могильных ям.
5 — яма с остатками жертвенных костей; 6 — ямы от столбов.

Бульдозер снимал слой земли толщиной 20—25 см, после чего производилась подчистка лопатами.

Насыпь была сложена из чернозема, рва вокруг кургана не прослеживалось, и это дает основание говорить, что для сооружения кургана снимались только верхние гумусированные слои.

В верхней части кургана встречено довольно большое количество керамики эпохи средней бронзы, попавшей сюда из культурного слоя поселения этого времени, расположенного вблизи.

Всего в кургане обнаружено четыре погребения: три — древнеямных (одно — центральное и два впускных в материке) и одно скифское, впущенное в насыпь кургана (рис. 1).

При погребении скифа курган был досыпан. Об этом свидетельствует обнаруженная в насыпи керамика, относящаяся к более позднему времени, чем древнеямные погребения.

Погребение 1 было расположено почти в геометрическом центре кургана, чуть сдвинуто к северу. Яма довольно правильных прямоугольных очертаний на уровне материка резко оконтуренная. Глубина ямы очень незначительна — 0,18—0,20 м от поверхности материка, длина 1,55, ширина — 0,75 м, у головы чуть шире. Следов выброса не обнаружено. Погребенный был положен на спине, головой на юго-запад,

лицом вверх. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты в коленях; первоначально они стояли на ступнях, затем упали влевую сторону. В ногах и под головой яма посыпана красной охрой, отчего затылочные кости черепа и нижние конечности окрасились. У правого виска лежал кремневый отщеп округлой формы со следами обработки.

Погребение 2 находилось в 9 м к северо-востоку от погребения 1. Яма была вырыта на глубину 0,45 м от поверхности материка. Вокруг ямы на несколько сантиметров выше

Рис. 2. Черпак из впускного погребения в курган I у с. Доманово.

материка прослеживался выброс в виде кольца толщиной 15—20 см.

Яма длиной 2 м, шириной около 1 м имела овальную форму и несколько расширялась у головы. Погребенный был положен на спину, головой на юго-запад, лицом вверх; руки вытянуты вдоль туловища, чуть согнуты в локтях. Ноги согнуты в коленях, в момент захоронения, по-видимому, стояли на ступнях, впоследствии упали влево.

Дно ямы сначала было устлано слоем белой глины толщиной 4—5 см, а затем посыпано красной краской. Сверху покойник также был посыпан охрой. Никаких вещей при погребении не было. В 0,40 м к югу от головы находилась круглая ямка длиной 0,40, глубиной 0,25 м, заполненная каким-то тленом серого цвета.

Погребение 3 находилось в 4 м к юго-западу от центрального захоронения. Яма глубиной 0,30 м от поверхности материка, довольно правильной прямоугольной формы имела в длину 1,1 м, в ширину 1 м.

Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад, лицом на юго-восток; правая рука вытянута вдоль туловища, с чуть отставленным локтем, левая согнута в локте, кисть ее лежала на груди. Согнутые в коленях ноги упали вправую сторону. Лобная и височная кости погребенного окрашены красной краской.

Погребение 4 впущенное в насыпь. Оно обнаружено в центре кургана на глубине 1,20 м от поверхности; погребение частично разрушено при сооружении вышки. Погребальной ямы проследить не удалось. В анатомическом порядке находились нижняя часть туловища и ноги. Череп сдвинут с места, кости рук и грудная клетка разбросаны.

У головы стоял маленький плоский черпак с высокой петельчатой ручкой, оканчивающейся вертикальным цилиндрическим отростком (рис. 2). Такие черпаки характерны для скифской культуры и датируются концом VII—началом VI в. до н. э.

Возможно, к разрушенному скифскому погребению имеют отношения остатки шести столбов, кольцом окружавшие разрушенный костяк на расстоянии двух метров. Диаметр столбов 10—12 см, длина сохранившихся кусков от 0,6 до 1 м. Дерево сильно перетлело и при прикосновении рассыпалось.

Курган II расположен в 0,75 км к юго-востоку от кургана I, в 15 м от небольшого озера Московки. Высота кургана в момент раскопок достигала 1,85 м, диаметр — 35 м.

Раскопки производились вручную. Курган был разделен на четыре сектора, с оставлением перекрещивающихся бровок метровой ширины, проходящих через центр. Насыпь кургана черноземная, без примеси светлого суглинка, составляющего в этих местах материк.

На глубине 0,20 м от поверхности, примерно в центре кургана, несколько ближе к северной поле, обнаружены следы кострища. Зольное пятно мощностью 0,20 м занимало площадь 1,20×4 м. В нем, кроме золы и углей, встречались кости животных.

Под насыпью в материке кургана находились два погребения.

Погребение 1 расположено почти в центре, чуть ближе к северному краю. Погребальная яма, вырытая в материке — желтом суглинке хорошо оконтуривалась по черному заполнению. Форма ямы — неправильно овальная, приближающаяся к грушевидной; глубина от материка 0,25 м, длина 1,40, ширина в западной части 1,15, в восточной 1,05. Выброс из ямы в виде пятна бурого суглинка мощностью 15—20 см лежал к западу от ямы.

Погребенный был положен на спину, чуть повернутым на правый бок, головой на запад, лицом на юг. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть ее лежала поверх таза. Сильно скорченные ноги первоначально, по-видимому, стояли на ступнях, затем упали вправо (рис. 3). Скелет сильно окрашен. У головы, с левой стороны, лежал маленький остродонный сосуд, венчиком повернутый к голове. Высота сосуда 8 см, диаметр венчика 5 см, внешняя и внутренняя поверхности имеют следы характерного заглаживания пучком травы или крупной гребенкой. Под венчиком два валика, рассеченных частыми ногтевыми вдавлениями. Такими же вдавлениями рассечен и край венчика (рис. 4).

Погребение 2 расположено в западной поле кургана в 7 м к западу от центрального погребения.

Овальная яма, вырытая в суглинке на глубину 0,4 м, имела длину 1,7 м, ширину 1,2 м. Выброс — в виде светло-коричневого пятна суглинка мощностью 25 см лежал к северу от погребальной ямы на 10—15 см выше материка. Погребенный был положен на спину, немного повернутым на правый бок, головой на запад, лицом на юг. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая положена между колен. Ноги согнуты в коленях, правая ближе подтянута к тазу. Весь скелет сильно окрашен красной охрой. Ею же посыпано и дно ямы. Инвентаря не было.

Таким образом, в двух курганах было обнаружено и исследовано пять погребений с почти одинаковым обрядом захоронения. Неглубокие ямы были вырыты в материке и посыпаны красной краской. По-

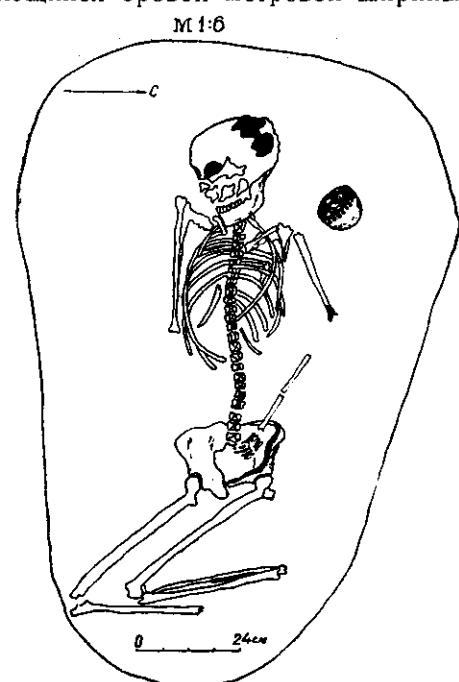

Рис. 3. Погребение 1 в кургане II
у с. Доманово.

гребенные, ориентированные головой на запад или юго-запад, лежали либо на спине, либо слегка повернутыми на правый бок, ноги скочены, руки чаще вытянуты вдоль туловища, реже согнуты в локтях и положены на грудь. Все скелеты окрашены красной краской.

Рис. 4. Сосуд из погребения I
в кургане у с. Доманово.

Несмотря на почти полное отсутствие при погребениях инвентаря их время и культурная принадлежность, на основании многочисленных аналогий, могут быть установлены достаточно точно. Они относятся к раннебронзовому веку, который в восточной Европе датируется второй половиной III тысячелетия до н. э., и принадлежат к древнеямной культуре.

На основании стратиграфии Никопольских курганов Б. Н. Гракову удалось проследить черты, характерные для ранних и более поздних захоронений⁴. Им установлено, что в самых древних погребениях ямной культуры погребенные лежат на спине, с подогнутыми под себя ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. Впоследствии обряд несколько меняется — покойников кладут на бок и подгибают в локтях руки.

Основываясь на этих наблюдениях, три погребения из кургана I могут быть отнесены к более раннему периоду ямной культуры, а два погребения из кургана II — к более позднему.

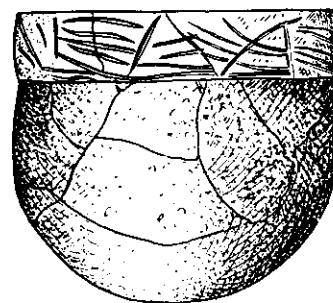
⁴ Б. Н. Граков, Археологические раскопки близ Никополя, ВДИ, 1939, № 1.
стр. 272

НОВАЯ НАХОДКА КЕРАМИКИ СРЕДНЕДНЕПРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. А. ТОВКАЧЕВСКИЙ

В сентябре 1955 г. на южной окраине х. Красного, в районе Дарницы, на поверхности песчаной дюны, расположенной у края боровой террасы левого берега р. Днепра, в непосредственной близости от места Краснохуторского некрополя автором собраны фрагменты керамики среднеднепровской культуры. Все обломки принадлежали одному сосуду, который удалось почти полностью реставрировать. Он имеет кубковидную форму с округло-уплощенным дном и прямым венчиком (см. рис.).

Внешняя и внутренняя поверхности сосуда темно-коричневого цвета, со следами склаживания. Стенки на изломе черного цвета. В верхней части сосуда полосой в 2 см расположен орнамент, представляющий собой ряд соприкасающихся сторонами треугольников. Поле треугольников небрежно зачерчено горизонтальными врезными линиями. Этот орнамент отделен от нижней части сосуда глубоко прочерченной полосой. Сосуд тонкостенный (3—4 мм). Высота его 7,5 см, диаметр венчика 8,5 см, диаметр уплощенной части дна 5 см. Некоторую аналогию реставрированному сосуду по форме можно усмотреть в сосуде, найденном в с. Софиевка, Бориспольского района, Киевской области, в 1948 г.¹, в сосудах, найденных в с. Шандра, Ржищевского района, Киевской области², а также среди кубковидных сосудов стретовской группы³. Но наиболее близкой аналогией являются сосуды из погребения на стоянке Мыс Очкинский в с. Очкино, Знобь-Новгородского района, на левом берегу р. Десны⁴. В качестве аналогии описанному сосуду можно также указать на сосуды, найденные во время работы Деснинской археологической эк-

Сосуд, найденный
у х. Красного.

¹ Ю. М. Захарук, Нові знахідки кераміки середньодніпровської культури, «Археологія», т. VI, К., 1952, стр. 126—129.

² ДП, вып. II, табл. XXXIV, 673; вып. I, табл. V, 12.

³ Т. С. Пассек, К вопросу о среднеднепровской культуре, КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 34—51, рис. 10, 14.

⁴ И. Г. Розенфельдт, Стоянка Мыс Очкинский, КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 130—140, рис. 45, 12; М. В. Воеводский, Памятники каменного века на Десне, КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 22, 26, рис. 8.

спедиции 1948 г. в кургане № 4 в урочище Белынец близ с. Вщиж на левом берегу р. Десны⁵.

Приведенные аналогии дают возможность отнести найденный нами сосуд к среднеднепровской культуре, возможно, к днепровско-деснинской группе, хотя орнамент на сосуде недостаточно выразителен для этой группы.

⁵ В. В. Кропоткин, Белынецкие курганы и стоянка, КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 52—66, рис. 21, 1, 2.

ЯНОХИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА р. ОСКОЛЕ

В. И. МИТРОФАНОВА

В связи со строительством канала Северный Донец—Донбасс в долине р. Оскола проведены обширные археологические исследования. Среди раскопанных памятников заметное место занимают поселения срубной культуры, которые до последнего времени здесь не были известны, несмотря на большое количество раскопанных курганов со срубными погребениями.

Различными отрядами Оскольской экспедиции было исследовано несколько срубных поселений: у хуторов Войновка и Шведовка¹, у сел Сердюково², Рубцы³ и Янохино.

Настоящее сообщение ставит своей целью публикацию материалов Янохинского поселения, исследование которого в 1957 г. было поручено автору.

Поселение у с. Янохино (Васильевка), Боровского района, Харьковской области, расположено на песчаном возвышении края боровой террасы левого берега р. Оскола. Его местонахождение было открыто в 1955 г. Д. Я. Телегиным, который в 1956 г. провел здесь также разведочные работы.

В центральной части бугра, на месте наибольшего скопления находок в шурфах, нами был заложен раскоп общей площадью 118 м². В раскопе вскрыто большое почти прямоугольное углубление, 12×9 м², по-видимому, жилище полуземляночного типа (рис. 1).

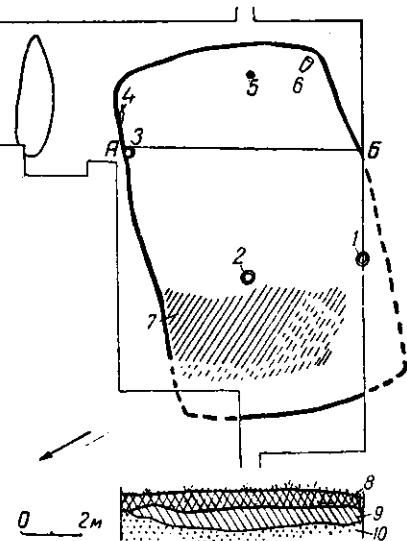

Рис. 1. План и профиль жилища.
1, 2, 3 — развалины сосудов; 4 — бронзовый нож; 5 — прядильце; 6 — каменный пест; 7 — очаг; 8 — черный гумусированный песок; 9 — золистое заполнение жилищного углубления; 10 — подстилающий белый песок.

¹ П. Д. Либеров, Отчет Краснооскольского отряда Оскольской экспедиции ИИМК АН ССР и ИА АН УССР за 1955 г., Архив Института археологии АН УССР.

² Е. В. Пузаков, Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в бассейне р. С. Донца в 1956 г., Архив Института археологии АН УССР.

³ С. С. Березанская, Отчет о раскопках поселения срубной культуры у с. Рубцы, Краснолиманского района, Харьковской области, в 1956 г., Архив Института археологии АН УССР.

В западной части жилища находился очаг, представляющий собой овальное пятно плотного прокаленного песка, его приблизительные размеры $5 \times 2,5$ м². Около очага найдены два больших баночных сосуда. Один из них был вкопан в землю, а второй лежал на боку, внутри последнего обнаружен небольшой острореберный сосуд. На характеристике керамики мы остановимся ниже.

Рядом с жилищем, к северо-востоку от него, обнаружено кострище длиной до 3 м, шириной 0,5 м и глубиной 0,3 м (от основания черного слоя).

Углубления жилища и кострища заполнены золой, не распространяющейся за их пределы, благодаря чему их очертания четко прослеживались на фоне белого подстилающего песка. В зольном заполнении жилища и очажной ямы собраны археологические находки: керамика, орудия труда (всего 540 предметов) и кости животных.

Весь комплекс керамики из жилища и очага (412 фрагментов и 3 почти целиком реставрированных сосуда) представляется одновременным. Все сосуды плоскодонные, лепные, в тесте примесь песка.

В комплексе выделено 2 типа сосудов: острореберные и баночные горшки и чашки.

Острореберные горшки невелики по раз-

мерам, диаметром от 12 до 20 см и приблизительно такой же высоты, внутренняя и внешняя поверхности хорошо заглажены. Орнамент на них обычно располагается в верхней части сосуда до ребра и ни разу не было отмечено, чтобы он опускался ниже ребра. Преимущественно это отпечатки простого шнура в виде треугольников или косых крестов (рис. 2, 3, 1, 3).

Баночные горшки, в отличие от острореберных, имеют несколько большие размеры, диаметр некоторых достигает 35 см, толщина стенок 8—10 мм. Стенки горшков обычно ровные или слегка выпуклые. Орнамент на баночных сосудах встречается реже и состоит обычно из вертикальных нарезок у края сосуда, отпечатков крупнозубчатого штампа, подтреугольных или пальцевых вдавлений (рис. 3, 4, 5). Два неорнаментированных баночных сосуда, найденных около очага, отличались большими размерами. Диаметр одного из них 33 см, высота 41—42 см (рис. 4, 1).

Многочисленна группа невысоких сосудов в форме чашек небольшого диаметра от 10 до 20 см. Поверхность их обычно хорошо заглажена, орнамент подобный тому, что и на описанных выше сосудах — нарезки, треугольные вдавления и т. д. на двух фрагментах встретился орнамент по краю венчика, в одном случае — резной зигзаг, в другом — зубчатый штамп (рис. 3, 2).

К этой же группе, по-видимому, следует отнести небольшой сосудик типа кружки, диаметр которой 10 см, высота 5 см, без орнамента (рис. 4, 2).

Баночные сосуды и чашки, как и острореберные горшки, по форме орнаментации необычайно близки к сосудам раннесрубных поселений, исследованных на р. Осколе у сел Рубцы, Сердюково 2, а также в Поволжье у сел Надеждино-Куранино, Кинель-Черкассы, Егорьевка⁴.

Кроме описанных выше групп керамики, обнаружены еще фрагменты сосудов, отличающихся хорошо выраженным прямыми или слегка отогнутыми венчиками и выпуклыми боками. Орнаментированы они

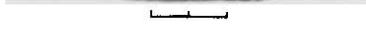

Рис. 2. Острореберный горшок.

⁴ О. А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, № 46, стр. 29—32, 49, 50, 140.

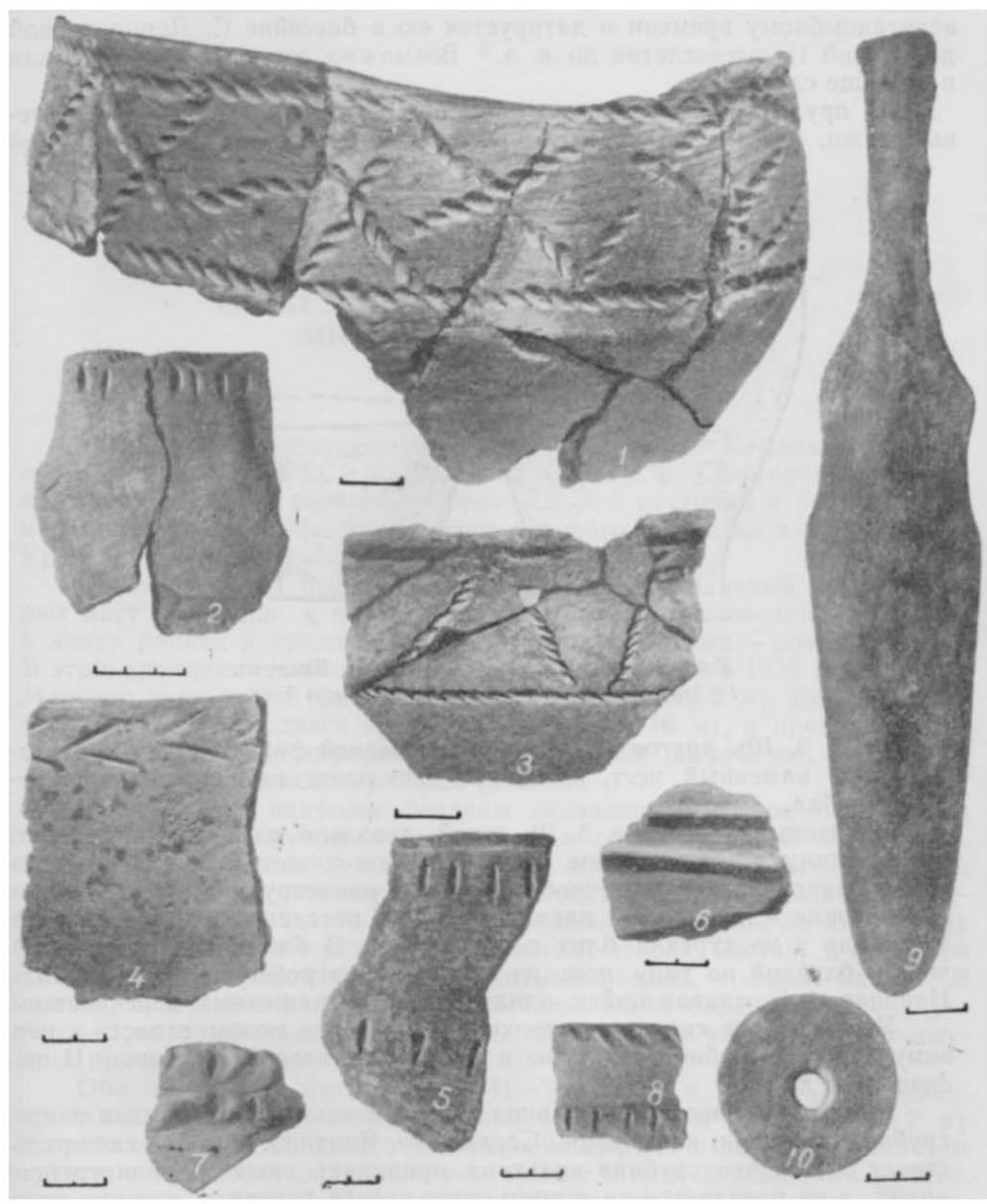

Рис. 3. Предметы эпохи бронзы из поселения у с. Янохино.

1, 3 — фрагменты острореберных горшков; 2 — фрагмент чаши; 4, 5 — фрагменты баночных горшков; 6, 7, 8 — фрагменты горшков позднекатакомбного типа; 9 — бронзовый нож; 10 — пряслице.

обычно ямками и т. д. (рис. 3, 6, 7, 8). Эту группу сосудов ни по форме, ни по орнаментации нельзя отнести к типам срубной культуры, хотя все они найдены в жилище вместе с описанными выше горшками. Подобная керамика выделена Т. Б. Поповой, как относящаяся к позднекатакомбному времени и датируется ею в бассейне С. Донца первой половиной II тысячелетия до н. э.⁵ Возможно, эти фрагменты попали в жилище случайно.

Из орудий труда на поселении обнаружены бронзовый и кремневый ножи, два пряслица: одно целое цилиндрической формы высотой

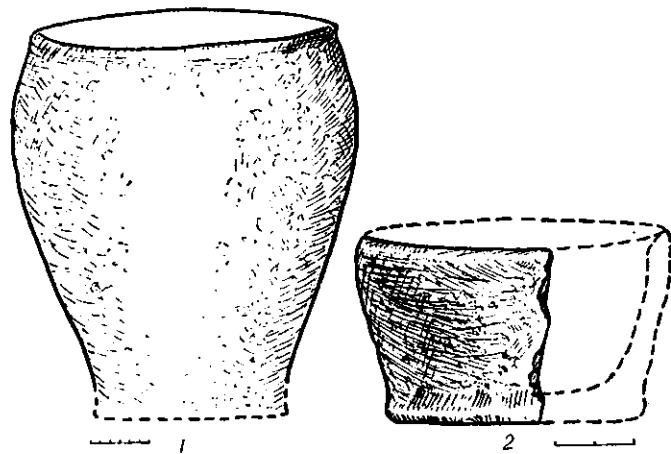

Рис. 4. Керамика из поселения у с. Янохино.
1 — баночного сосуд; 2 — фрагмент небольшой чашки.

1 см (рис. 3, 10), другое близко к биконической форме, обломок растительника, каменный пест, несколько точильных камней, два кремневых скребка.

Бронзовый нож (рис. 3, 9) литой, довольно раннего типа, с чуть намечающимся перекрестьем. Такие ножи, по свидетельству О. А. Кривцовой-Граковой, получили свое развитие в раннесрубное время. Наиболее близкие к янохинской находке ножи из поселения у с. Надеждино-Куранино и из кургана близ с. Кротовки⁶. В бассейне С. Донца известен близкий по типу нож из срубного погребения близ слободы Николаевки⁷, отличающийся, однако, четко выраженным перекрестьем.

Учитывая все сказанное, янохинское жилище можно отнести к первому периоду срубной культуры и датировать второй половиной II тысячелетия до н. э.

Наличие в бассейне С. Донца уже нескольких памятников раннесрубного времени, как Рубцы, Сердюково, Янохино, еще раз свидетельствует о том, что срубная культура проникает сюда в раннесрубное время, а не появляется на втором этапе своего развития, как это предполагала О. А. Кривцова-Гракова⁸.

⁵ Т. Б. Попова, Племена катакомбной культуры, Госкультпросветиздат, 1955, стр. 49.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова, ук. соч., стр. 31, 55.

⁷ В. А. Городцов, Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губ., «Труды XII АС», т. 1, 1905, стр. 226—227, табл. XI.

⁸ О. А. Кривцова-Гракова, ук. соч., стр. 111.

КУЛЬТ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ В КРЫМУ

А. А. ЩЕПИНСКИЙ

В 1954—1955 гг. археологическими раскопками Крымского филиала Академии наук УССР в долине р. Салгир, у Симферополя, было исследовано 18 курганов эпохи бронзы¹. Эти раскопки в значительной мере заполняют пробел в изучении родового общества на территории Крымского полуострова.

Особый интерес представляют курганы, погребальный обряд которых дает основание к постановке вопроса о существовании в Крыму в эпоху ранней и средней бронзы культа животных — оленя и быка. В этом отношении наиболее интересен раскопанный в 1955 г. в поселке Марьино курган № 3 (диаметр 25 м, высота около 2 м). Под насыпью этого кургана находился кромлех (диаметром 16 м), в пределах которого содержались 4 впускных и одно основное погребение, с которым связано жертвоприношение оленя (рис. 1).

Из впускных наиболее поздним оказалось скифское захоронение с костяком в вытянутом положении, на спине, головой на восток. Справа около черепа лежал железный нож, а слева — кости барана. К несколько более раннему времени относятся два следующих погребения; около черепа одного из них (обращенного головой на юго-запад) стоял лепной сосуд с резным орнаментом; второй костяк, в овальной яме, лежал на правом боку, с поджатыми ногами, головой на юг. В правой, согнутой в локте, руке находилась кость барана, а между ребер — бронзовый наконечник стрелы, который, по-видимому, и послужил причиной смерти.

Оба погребения датируются VII—VI вв. до н. э. и, по-видимому, принадлежат таврам. Очень большая ($2,80 \times 2,30$ м при глубине 2 м) погребальная яма основного захоронения вырыта в плотном глинистом грунте; в древности она имела перекрытие в виде деревянного наката, посыпанного сверху белым известковым порошком. Погребение в яме оказалось разрушенным, очевидно, в результате ограбления, о чем свидетельствуют разбросанные кости скелета, среди которых найдены кремневая ножевидная пластинка, фрагменты лепного сосуда и мелкие кусочки красной охры.

Рядом с первой могилой находилась вторая, значительно меньшая, но также пустая.

Севернее этих ям, на древней поверхности, обнаружено захоронение оленя, скелет которого лежал на левом боку, с подогнутыми

¹ Экспедиции возглавлял П. Н. Шульц. Курганы с захоронениями оленей исследовались автором, курган с каменным навершием головы быка — студенткой МГУ И. В. Абрамовой.

передними и вытянутыми задними ногами; головой олень был обращен в сторону основного погребения (рис. 1 и 2).

Насколько нам известно, это первый случай жертвенного захоронения целого оленя.

Второй курган (№ 13, раскопки 1954 г.), с жертвоприношением олена, имел вытянутую (возможно, в результате распашки) форму

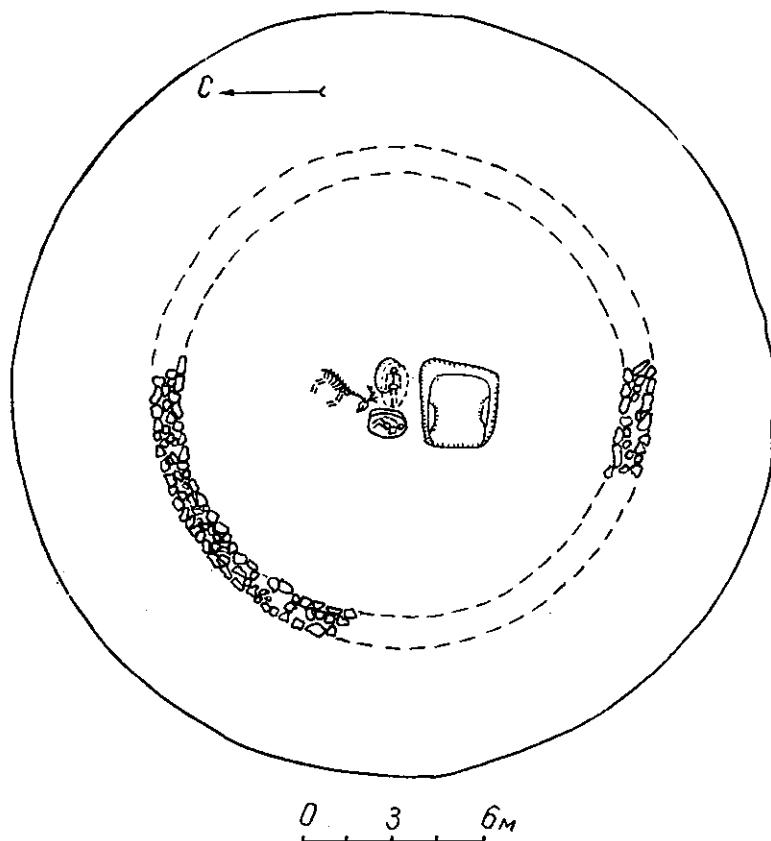

Рис. 1. План кургана № 3 в пос. Марьино.

(40×24 м при высоте 1,60 м). Под его насыпью находились два вписанных друг в друга кромлеха (диаметр внешнего 29 м, внутреннего 12 м). Интересно, что одна половина внутреннего кромлеха целиком сложена из крупных необработанных глыб диорита, а вторая — из таких же глыб пермского известняка.

В пределах кромлехов зачищено пять впускных погребений эпохи бронзы, с костяками, лежавшими на боку, с поджатыми ногами. Погребальная яма основного захоронения находилась в пределах внутреннего кромлеха, около его северной половины (рис. 3). Никаких признаков захоронения или инвентаря в яме не оказалось, кроме черепа олена в восточном углу. Носовой частью череп олена был обращен вниз, а рогами вверх (рис. 4). Судя по отсутствию скелета и в то же время по хорошему оформлению кургана и наличию в основной могильной яме черепа олена, надо думать, что этот курган является кенотафом.

Таким образом, в обоих курганах погребения, с которыми связаны жертвоприношения оленей, отсутствуют и не датируются инвентарем. Однако наличие в насыпи курганов более поздних, впускных погре-

бений эпохи бронзы, совершенных не ранее первой половины II или в I тысячелетии до н. э., позволяет установить, что жертвоприношения оленей относятся к III — первой половине II тысячелетия до н. э.

Любопытно, что в обоих случаях под курганами находились кромлехи, в пределах которых и совершались захоронения, с жертвоприношениями оленей. Известно, что сооружение кромлеха связано с культом солнца².

О существовании в эпоху бронзы в Крыму культа оленя свидетельствует и уникальная каменная плита из кургана, раскопанного в

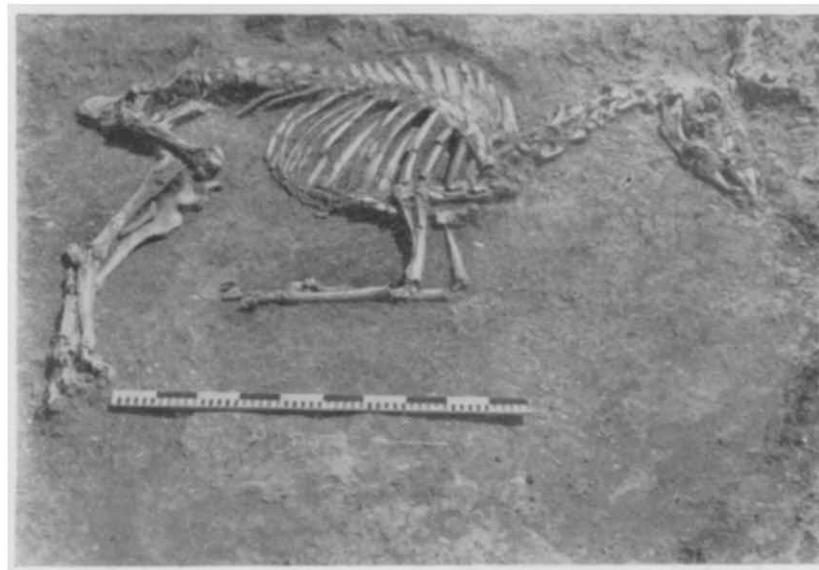

Рис. 2. Скелет жертвенного оленя из кургана № 3 в пос. Марьино.

1924 г. у Симферополя³. Эта плита перекрывала грунтовую могилу, в которой костяка не оказалось (возможно, кенотаф), но стояли два лепные сосуды эпохи средней бронзы. На одной стороне плиты выбиты две человеческие фигурки, из которых одна вверх ногами, а рядом с ними — топоры и другие орудия. В углу плиты очень условно изображены две фигурки животных, напоминающих оленей. На второй стороне плиты высечены в разных положениях молотки и топоры. На верхней грани плиты имеется ряд чашевидных углублений; эта деталь, а также то, что ее нижняя часть была не обработана и не имела изображений, указывает на то, что первоначально плита стояла вертикально. В данном же случае она оказалась использованной вторично, как перекрытие могилы погребения времени средней бронзы. Следовательно, период ее существования в качестве стелы относится к более раннему времени. Сочетание чашевидных углублений, изображений оленей, людей и орудий, возможно, указывает на культовый характер плиты, предназначавшейся для жертвенных возлияний⁴.

Из ближайших аналогий назовем известняковую плиту из курганного могильника Усатово I под Одессой, на которой выгравированы

² И. И. Мещанинов, Кромлехи, ИГАИМК, т. VI, вып. III.

³ Н. Л. Эрнст, Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930 гг.), Изд-во Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. IV, 1930, стр. 10.

⁴ А. М. Гэлл-Гепп, La Pontide preschyque, ESA, т. II, Helsinki, 1926; А. А. Форозов, Изображения на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовка, КСИА, вып. 5, К., 1955, стр. 71, рис. 4.

изображения человека, оленей и трех лошадей. Усатовская плита найдена в кладке кромлеха, который датируется первой половиной II тысячелетия до н. э.⁵ Не исключено, однако, что в кромлехе она находилась во вторичном использовании, и, следовательно, изображения нанесены несколько раньше.

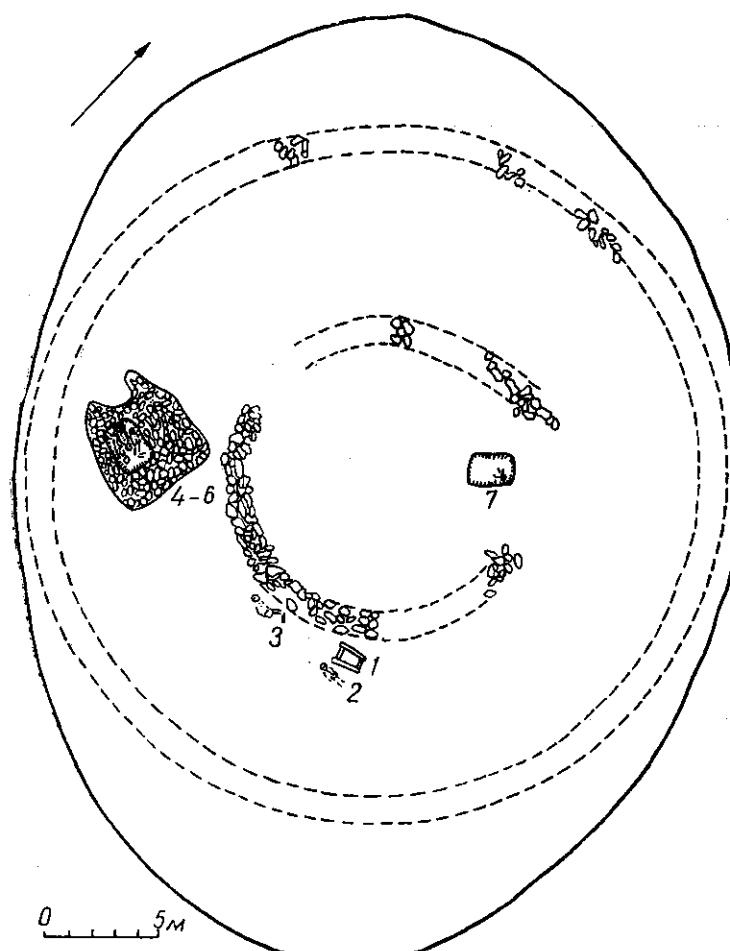

Рис. 3. План кургана № 13 в пос. Марьино.
1—6 — впускные погребения эпохи бронзы; 7 — могильная яма (кенотаф) с жертвенным захоронением головы оленя.

О культе быка в Крыму свидетельствует песчаниковое навершие в виде уплощенной, стилизованной головы быка. Последнее обнаружено в могиле основного погребения кургана № 9 (раскопки 1954 г.). Навершие лежало в могильной яме около черепа скорченного мужского kostяка, захороненного на левом боку, головой на восток; рядом было пятно красной охры. С одной стороны навершия, по центру, проходит небольшой желобок, по-видимому, служивший для закрепления его в рукояти. Н. П. Шульц допускает, что это — эмблема быка, связанная с родовым или племенным тотемом⁶ (рис. 5, 1).

⁵ О. Ф. Лагодовська, Проблеми усатівської культури, «Наукові записки Інституту історії і археології АН УРСР», т. I, Уфа, 1943, А. Л. Монгайт, Археологія в СССР, М., 1955, стр. 109.

⁶ П. Н. Шульц и А. Д. Столляр, Курганы эпохи бронзы в долине Салгира, КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 59—60, рис. 15, 2.

Ближайшей аналогией этой находке является небольшое каменное изваяние головы быка из того же Усатовского могильника (рис. 5, 2). Усатовская голова была найдена под курганом с двойным кромлехом, в небольшой яме, перекрытой каменной плитой, на которой имелось чашевидное углубление для жертвенных возлияний. Около головы быка было найдено четыре лепных сосуда, четыре глиняные фигурки, пять зубов человека и кусочки охры. Все это свидетельствует о том, что яма предназначалась специально для ритуального за-

Рис. 4. Могильная яма с культовым захоронением головы оленя из кургана № 13 в пос. Марьино.

хоронения высеченной из камня головы быка, причем этот погребальный ритуал, по-видимому, сопровождался человеческим жертвоприношением⁷. Яма с головой быка связана с основным подкурганным захоронением, датируемым первой половиной II тысячелетия до н. э.

В связи со сказанным о культе быка в Крыму, интересно вспомнить и об обнаруженном в 1890 г. скелете целого быка под большим курганом в окрестностях Симферополя. Этот скелет, обложенный со всех сторон камнями (возможно, кромлех), лежал на древней поверхности. Рядом с ним находилась могила, содержавшая скорченное погребение эпохи бронзы⁸.

Захоронения отдельных костей быка в Крыму встречались и в других курганах эпохи бронзы (III—II тысячелетие до н. э.).

В районах, граничащих с Крымом, куль быка наиболее ярко выражен в Приазовье, в петроглифах «Каменной могилы» под Мелитополем. Здесь, в так называемом Гrotte мамонта, изображены животные, в числе которых имеется группа быков, а против них находится камень с чашеобразными углублениями, по-видимому, использовавшимися для культовых обрядов — вместилищ для приношений и возлияний. М. Я. Рудинский считает, что все в этом гrotte свидетельствует о его культовом назначении⁹.

⁷ В. И. Селинов и Е. Ф. Лагодовская, Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г., СА, V, стр. 251 и сл.; И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, К., 1951, стр. 44.

⁸ А. Х. Стевен, Раскопки курганов близ Симферополя летом 1890 г., ИТУАК № 11, Симферополь, 1891.

⁹ М. Я. Рудинский, К вопросу о наскальных изображениях «Каменной могилы», КСИА, вып. 5, К., 1955, стр. 64 сл.

Ярко выражен культ быка и в курганных погребениях эпохи бронзы Нижнего Поволжья. Здесь, близ с. Степного, в урочище «Три брата», под насыпью кургана № 9, ниже жертвеннника, были обнаружены черепа и другие кости быков, указывающие на то, что здесь также был распространен культ быка¹⁰.

В заключение еще раз вернемся к нашим находкам и попытаемся разобраться, с чем связан в Крыму культ оленя и быка.

Как известно, кости благородного оленя, который всегда являлся объектом охоты, в памятниках Крыма встречаются начиная с палеолитического времени и кончая средневековьем. Из материалов многослойной стоянки Таш-Аир I следует, что наибольшее их количество приходится на культурные слои эпохи неолита и бронзы¹¹, что указывает на возросшую роль оленя в жизни первобытного человека. По всей вероятности, это нашло свое отражение в культе оленя, возникшем на базе родового тотема. Жертвоприношение оленя покойнику, возможно, символизи-

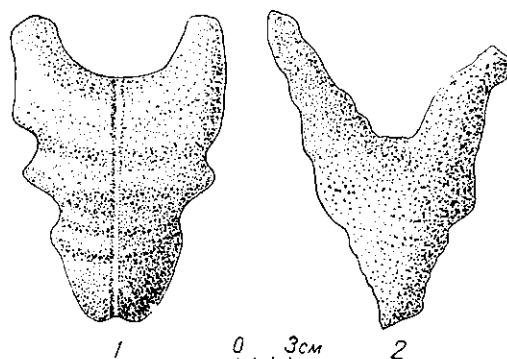

Рис. 5. Культовые каменные изображения головы быка.

1—из Симферопольского кургана № 9; 2—из Узатовского (Одесса) курганного могильника (по И. В. Фабрициус).

зирует обращение последнего в своего родовогоtotema. В связи с этим интересно вспомнить, что оба кургана с жертвоприношениями оленей очень близки между собой не только по времени и погребальному обряду, но и территориально (между ними не более 1 км). Невольно напрашивается вопрос — не относятся ли они к одной родовой группе, тотемом которой являлся олень?

Несколько иначе обстоит дело с культом быка. Кости дикого быка в Крыму встречаются начиная с мустьевского времени и кончая азилем. В последующую, тарденуазскую эпоху кости быка на стоянках или не встречаются совсем, или очень редки. Но уже в эпоху неолита и бронзы количество их опять значительно возрастает. Д. А. Крайнов, основываясь на материалах Таш-Аира I, объясняет это тем, что в тарденуазе бык уже исчезает как объект охоты, в неолите же происходит его одомашнение¹².

Следовательно, в эпоху бронзы бык являлся домашним животным и, как свидетельствуют материалы раскопок, служил не только для пищи, но и в качестве тягловой силы. Эта большая хозяйственная роль быка не могла не найти отражения в идеологии человека. Нам представляется, что скорее всего с этим и связан культ быка.

Таким образом, в настоящее время выясняется, что в Крыму, как и в соседних с ним областях (Приазовье, Нижнее Поволжье и пр.), в III—первой половине II тысячелетия до н. э., помимо культа солнца и огня, существовал и культ животных — оленя и быка. При этом культы солнца, огня и животных, переплетаясь, вылился в очень сложный погребальный ритуал, дальнейшее изучение которого значительно полней осветит религиозные представления человека в эпоху бронзы.

¹⁰ И. В. Синицын, Памятники пред斯基фской эпохи в степях Нижнего Поволжья, СА, X, стр. 158.

¹¹ Д. А. Крайнов, К вопросу о происхождении животноводства в Юго-Западном Крыму в послепалеолитическое время, «Советская археология», 1957, № 2, стор. 9.

¹² Там же, стр. 17.

СТОЯНКА ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В РАЙОНЕ с. ГОСТОМЕЛЬ

Н. Т. ЕВСТРОПОВ

В работах экспедиции «Большой Киев» за 1947 г. отмечается, что севернее Киева, на песках первых надпойменных боровых террас, обнаружены следы многочисленных могильников и большое количество керамики эпохи бронзы, раннего железа и культуры полей погребений. Особенно многочисленна лепная керамика времени раннего железа, украшенная по шейке орнаментом из круглых выпуклостей и соответствующих углублений на обратной стороне¹.

Разведкой археологических памятников, проведенной автором в июле—августе 1956 г., был охвачен район от с. Рудня по левому берегу р. Бучи до впадения ее в р. Ирпень и далее — по левому берегу р. Ирпень до стекольного завода на южной окраине с. Гостомель, Святошинского района, Киевской области.

Разведка подтвердила наличие культурных остатков, главным образом лепной керамики конца эпохи бронзы — начала раннего железа на дюнах по левому берегу р. Бучи между селами Рудня и Гостомель.

Особенно насыщен подъемным археологическим материалом район надпойменных песчаных дюн на юго-западной окраине с. Гостомель в 200—600 м южнее стекольного завода, где дюны поднимаются над поймой р. Ирпень на 10—20 м, образуя мысообразные выступы, вдающиеся в пойму. Скопления культурных остатков отмечены в нескольких пунктах данного поля (рис. 1).

На пункте № 1, приблизительно в 200 м южнее завода и в 300 м восточнее клуба стекольного завода, на вершине дюны обнаружено место разрушенной окопом периода Великой Отечественной войны стоянки. Расчистка западного склона окопа позволила обнаружить на глубине 15—20 см от поверхности культурный слой толщиной 20—25 см, насыщенный фрагментами лепной керамики. Здесь был заложен шурф площадью 2 м², в котором найдено большое количество обломков керамики (до 250 фрагментов), отдельные мелкие угольки, следы костных остатков — разрушенные зубы жвачного животного и несколько раздавленных сосудов, которые удалось восстановить полностью или частично; каких-либо остатков костей, золы или краски внутри сосудов не наблюдалось.

В южном квадрате шурфа, в юго-восточной части его, расчищен лепной сосуд (рис. 2, 1), от которого сохранилась нижняя часть туловища с плоским дном диаметром 7 см. Исходя из формы и пропорций

¹ Н. В. Линка, Работы экспедиции «Большой Киев» за 1947 год. АП, т. III, 1952, стр. 53.

других сосудов, найденных на стоянке, примерная высота этого сосуда могла быть 28—29 см при диаметре края венчика 22—24 см. В средней части квадрата оказались три лежащих на боку сосуда, из которых два были раздавлены, а один оказался целым. Первый из них представлял собой горшок тюльпановидной формы высотой 14,5 см, диаметр горловины 12 см, диаметр плоского дна 6 см. Венчик слегка

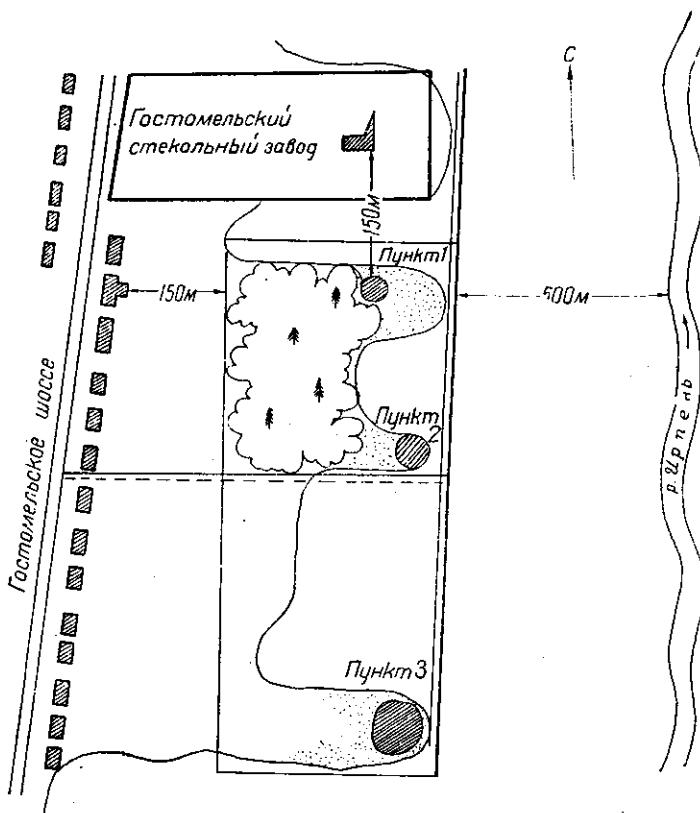

Рис. 1. Ситуационный план древних стоянок в районе с. Гостомель.

отогнут наружу. На шейке орнамент в виде ряда круглых ямок диаметром 3—4 мм, находящихся на расстоянии 1,2—2,2 см друг от друга. Местам наколов с внутренней стороны соответствуют округлые выпуклины. Корпус сосуда в средней части украшен косыми углубленными бороздками 3,5—4,5 см длины (рис. 2, 2). Этот горшок был накрыт поставленной в него сверху глубокой миской с прямым венчиком, округло-выпуклым корпусом, переходящим в плоское дно (рис. 2, 4). Высота 8 см, диаметр края 11,8 см. Наружная и внутренняя поверхности тщательно заглажены и не орнаментированы. Цвет поверхности сосуда буро-красный.

Внутри миски оказался сохранившийся целым маленький горшочек, близкий по форме к первому горшку этого скопления. Он не имеет отгиба венчика и не орнаментирован. Высота горшочка 6,3 см, диаметр края 6,5—6,7 см, диаметр дна 2,5 см. Наружная и внутренняя поверхности слабо заглажены и на них выступают кусочки гранитной дресвы.

В северном квадрате шурфа обнаружены три лежащих на боку раздавленных лепных сосуда и значительное количество фрагментов керамики.

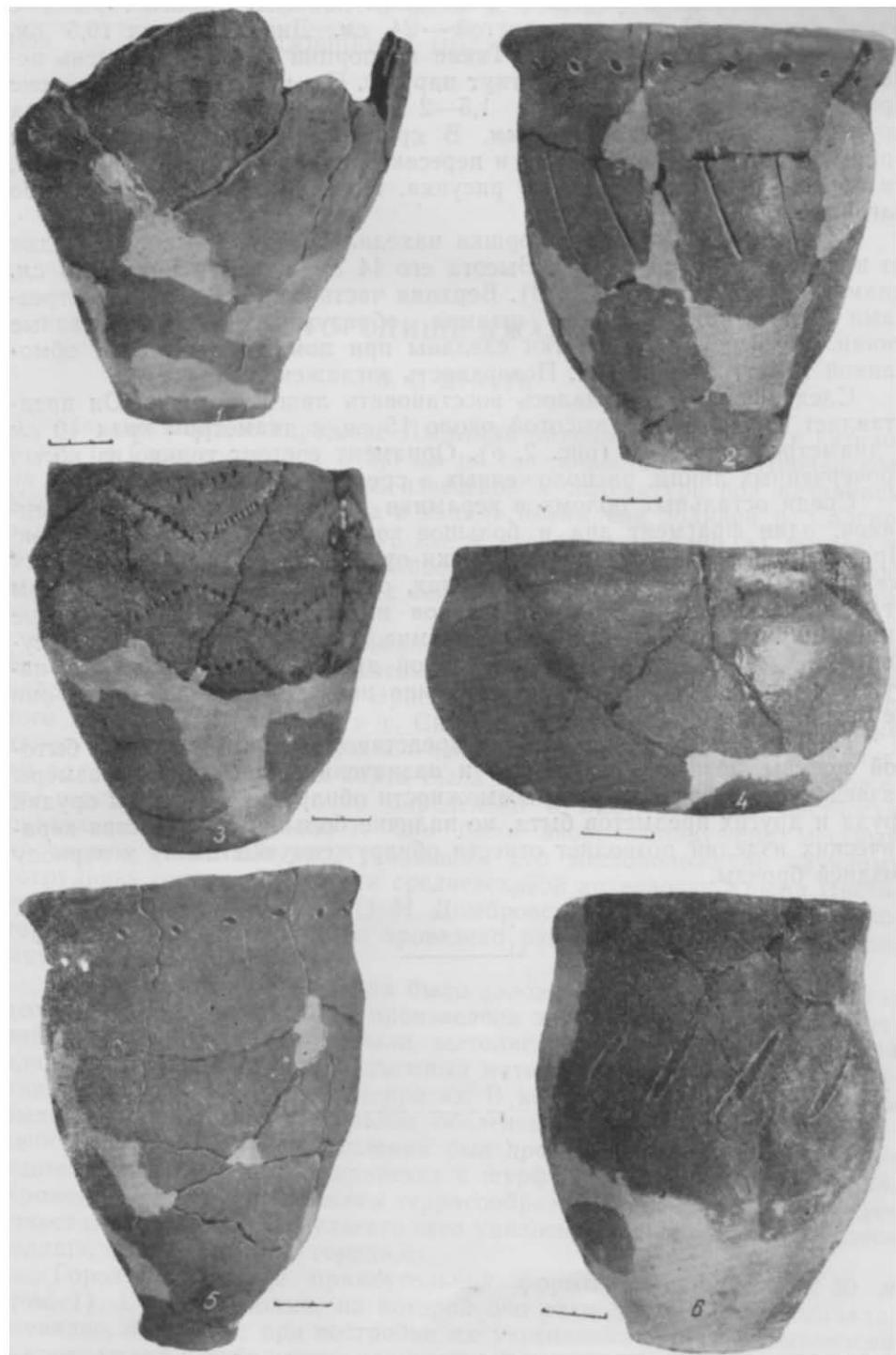

Рис. 2. Сосуды, обнаруженные на стоянке у с. Гостомель.

В центре этого квадрата находился высокий асимметричный горшок тюльпановидной формы, с маленьkim днищем. Высота горшка с одной стороны 27 см, а с другой — 24 см. Диаметр края 19,5 см, диаметр dna 6 см (рис. 2, 5). Такие пропорции делают его очень неустойчивым. Венчик слегка отогнут наружу. По шейке на 2 см ниже края венчика, на расстоянии 1,5—2 см друг от друга находятся круглые ямки диаметром 4 мм. В средней части корпуса имеется орнамент в виде параллельных и пересекающихся прочерченных линий, не образующих определенного рисунка. Поверхность сосуда хорошо заглажена.

К юго-востоку от этого горшка находилось еще два сосуда. Один из них биконической формы. Высота его 14 см, диаметр края 11,5 см, диаметр dna 4,5 см (рис. 2, 3). Верхняя часть орнаментирована отрезками отпечатков зубчатого штампа, образующего зигзагообразные линии. Гребенчатые отпечатки сделаны при помощи веревочки, обмотанной вокруг стерженька. Поверхность заглажена.

Следующий сосуд удалось восстановить лишь частично. Он представляет собой горшок высотой около 15 см, с диаметром края 10 см и диаметром dna 5 см (рис. 2, 6). Орнамент состоит только из косых прочерченных линий, расположенных в средней части корпуса.

Среди остальных обломков керамики имеется 17 фрагментов венчиков, один фрагмент dna и большое количество фрагментов стенок. Прямые или слегка отогнутые венчики орнаментированы по шейке так же, как и на описанных выше сосудах, круглыми ямками диаметром от 4 до 8 мм, а на стенках сосудов имеются косые прочерченные линии или оттиски гребенчатого штампа. Глиняная масса всех сосудов имеет обильную примесь гранитной дресвы. Характерно, что наружная поверхность сосудов совершенно не закопчена, как будто они не были в употреблении.

Таким образом, наша находка представляет целый комплекс бытовой посуды различной величины и назначения. Небольшие размеры разведочного шурфа не дали возможности обнаружить образцы орудий труда и других предметов быта, но наличие большого количества керамических изделий позволяет отнести обнаруженную стоянку к периоду поздней бронзы.

СКИФСКОЕ ГОРОДИЩЕ ДЖАЛМАН В КРЫМУ

В. С. ДРАЧУК

Позднескифское городище Джалман находится в 12 км к юго-востоку от Симферополя и в 2,5 км на северо-восток от с. Пionерское, на одном из отрогов высоты, известной в литературе под названием Кырк-Байрак¹. Высота с юга и запада окаймлена долиной р. Салгир, расширяющейся к юго-западу, где в нее впадает один из притоков. Высокий холм, на котором расположено городище, с севера соединяется седловиной с высотой, а с северо-запада и северо-востока отделяется от нее узкими балками.

Впервые городище Джалман упоминается в 1890 г. как крепость Киль-Бурун (по названию имения)². Затем оно было забыто и снова найдено в 30-х годах Н. Л. Эрнстом — научным сотрудником Областного краеведческого музея в г. Симферополе. Н. Л. Эрнст тогда же нанес его на обзорную археологическую карту Крыма, составленную им для музея. Но так как карта была мелкомасштабной, местоположение городища не было точно определено и найти его на местности оказалось трудно. В 1955 г. оно было вновь обнаружено местным краеведом А. М. Шкурко, указавшим его местоположение научному сотруднику отдела античной и средневековой археологии Крыма Института археологии АН УССР О. И. Домбровскому, под руководством которого в июле 1956 г. было проведено разведочное обследование памятника.

На территории укрепления было заложено четыре шурфа, сделано десять небольших зондажей, произведена зачистка вала на юго-восточной стороне. Кроме того, была выполнена тахеометрическая съемка плана городища и собран подъемный материал на территории укрепления и прилегающих к нему террасах. В конце августа 1956 г. автором было проведено дополнительное обследование Джалманского укрепления. На территории укрепления был произведен неглубокий зондаж в шести местах и сделана прирезка к шурфу № 2, давшая разрез вала. Кроме того, были обследованы террасообразные склоны высоты в окрестностях городища, в результате чего удалось установить наличие здесь селища, одновременного городищу.

Городище в плане прямоугольной формы, размером 45 × 30 м (рис. 1). Вершина холма, на которой оно расположено, была сначала, очевидно, выпуклой; при постройке же укрепления она была выровнена и превращена в небольшую площадку. Снесенная при этом земля была использована для вала, которым городище окружено со всех сторон.

¹ Г. И. Тимошевский, Краткий очерк истории Симферополя, сб. «З-я учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии», Симферополь, 1890, стр. 39. Название Джалман происходит от бывшего названия татарской деревни (ныне Пионерское).

² Там же.

Лучше всего сохранился вал с южной стороны, где он достигает 2 м (снаружи высота его более 4 м [рис. 2]). С запада, севера и востока вал значительно менее возвышается над уровнем внутренней площадки. С западной и северо-восточной сторон вала оказался разрушенным выборкой камня, в результате чего здесь образовалось несколько ям.

Площадка городища заросла густой и высокой травой: местами наблюдается нагромождение крупных камней.

По-видимому, городище было укрепленным убежищем, относящимся, судя по найденным здесь обломкам античной керамики, к I—IV вв. н. э., т. е. ко времени вторичного усиления (I—II вв. н. э.), а затем ослабления и упадка скифского государства в Крыму (III в. н. э.).

Наибольшее количество подъемного материала, собранного на городище, состояло из обломков лепной скифской посуды, амфор и краснолаковых сосудов III в. н. э.; керамики I и IV вв. встретилось мало³. Люди на территории укрепления постоянно не жили и укрывались в нем лишь в моменты военной опасности. Об этом свидетельствует тот факт, что в шестнадцати заложенных здесь зондажах и шурфах культурный слой не был обнаружен⁴. Вал с внутренней стороны был покрыт тонким слоем камней, переходящим на уровне гребня в каменную площадку. С внешней стороны в насыпь вала была впущена своим основанием каменная оборони-

Рис. 1. План городища Джакман.

1 — остатки древней дороги со следами каменной вымости; 2 — каменная кладка с шурфами; 3 — поэздные ямы; 4 — подъемный материал.

тельная стена, выложенная следующим образом: снаружи — панцырь из больших глыб камня, уложенных насухо в плотную друг к другу, внутри — забутовка из мелких камней.

Фундаменты стены были обнаружены шурфами № 1 и № 2 (рис. 3). Каменная обкладка внутренней стороны вала местами сохранилась и по настоящий день; с внешней стороны во многих местах северного и западного участков вала после хищнической выборки камня стены остались характерные владины. Вход в убежище находился, по-видимому, с западной стороны. Судя по рельефу местности и следам от проходившей здесь дороги, это место было наиболее выгодным для ворот.

³ Определение и датировка всего подъемного материала выполнены П. Н. Шульцем, О. И. Домбровским, О. Д. Дащевской, за что автор приносит им свою благодарность. Краткое описание материала дано в конце статьи.

⁴ По мнению П. Н. Шульца, осмотревшего результаты наших работ, этот вывод подтверждается и сравнительно изолированным местоположением укрепления, с которого не просматривается сеть остальных скифских городищ долины Салгира и второй гряды Крымских гор, включая и главное из них — Неаполь-скифский. (Видно лишь одно небольшое скифское укрепление у с. Доброе).

Жители, пользовавшиеся укреплением как убежищем во время военной опасности, жили рядом в большом селище, которое вплотную примыкало к городищу с запада, севера и северо-востока. О наличии селища свидетельствует сильная золистость почвы, насыщенность ее разнообразным археологическим материалом того же времени, что и городище (I—IV вв. н. э.), нагромождение камней, образовавшееся, по-видимому, в результате развала построек, а также следы древних дорог, идущих сюда с юга, востока и юго-запада и перекрещивающихся в центре селища, на северо-запад от убежища. Одна дорога шла

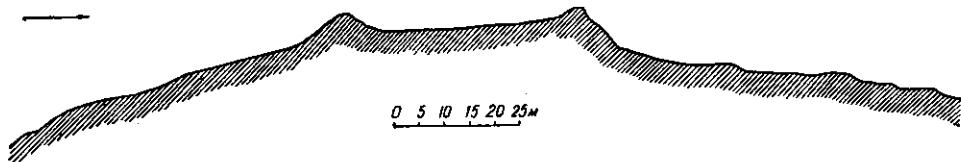

Рис. 2. Городище Джалман. Разрез по линии юг—север.

на юг по склону, где соединялась с дорогой, идущей к селищу со стороны р. Салгир по дну балки, на запад от убежища, и вторая шла на восток. На этой дороге сохранились остатки каменной вымостки.

Керамический материал, собранный на территории селища и убежища, состоит из местной лепной посуды и различного рода привозной, изготовленной на гончарном круге. Интересно отметить, что привозная керамика, состоявшая главным образом из амфор, явно преобладает над

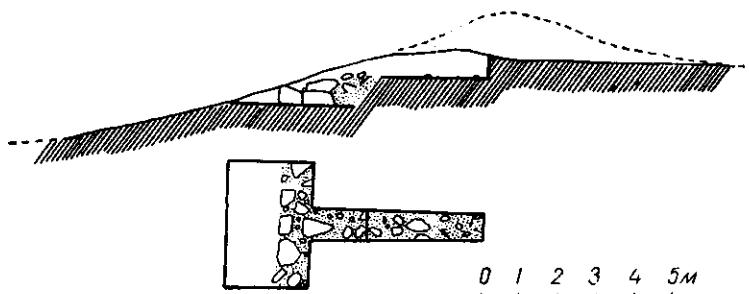

Рис. 3. Городище Джалман. Профиль и план шурфа № 2.

местной лепной. Как показали подсчеты, она занимает свыше 60% от всего количества керамики, найденной при обследовании убежища и селища. Амфорный материал также неоднороден. Преобладают реберчатые и рифленые амфоры, покрытые светло-серым или темно-серым ангобом. Гладкостенные амфоры покрыты в большинстве случаев ангобом желтовато-серым со светлыми оттенками. Краснолаковая посуда состоит из различного рода чашек и мисок на кольцевой подставке или же с плоским дном. Лак оранжевый, блестящий, иногда тускло-красный или коричневый. Местная лепная керамика, состоявшая из обломков кухонных горшков, мисок, чашек, делится на грубо выделанную и на изготовленную более аккуратно, с хорошим лощением⁵.

Глина обычно с примесью песка, мелких зерен кварца и толченой керамики, иногда с примесью одних крупных или же мелких зерен кварца. Венчики лепной посуды слабо профилированы. Обломки больших пифосов, зерна и стебли злаков, обнаруженные в кусках печины, а также кости домашних животных могут свидетельствовать в какой-то мере о занятии населения земледелием и скотоводством.

⁵ В процентном отношении керамика без лощения явно преобладает над лощеной, она занимает свыше 75% от общего количества собранных обломков лепной посуды.

МРАМОРНАЯ ЖЕНСКАЯ ГОЛОВКА ИЗ ОЛЬВИИ

В. В. ЛАПИН

Летом 1955 г. в Нижнем городе Ольвии, на участке *НГФ*, у северного борта, в районе северного здания (III—II вв. до н. э.) была найдена мраморная женская головка, хранящаяся в настоящее время в музее заповедника.

Материал головки — белый мелкозернистый, несомненно, привозной мрамор, чуть покрытый желтовато-коричневой патиной. В момент нахождения головка была настолько сильно обызвесткована, что характер изображения с трудом улавливался.

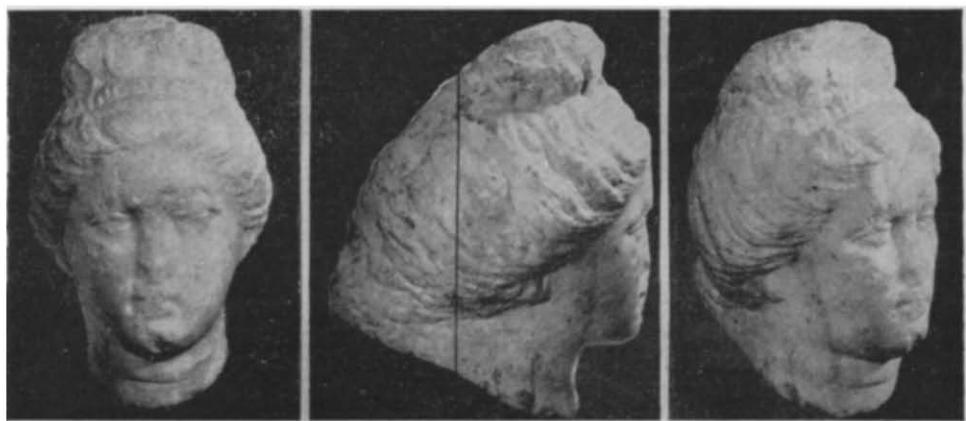
Размеры головки: общая высота — 0,175 м, высота с прической — 0,124 м, лица — 0,09 м, глубина — 0,14 м.

Сохранность головки, в общем, удовлетворительна. Имеется ряд повреждений: частично сбита поверхность носа, губ, лба, особенно левого надбровия, сильно пострадала прическа, имеются выбоины на щеках, на подбородке. Поверхность мрамора под воздействием сырости в некоторых местах покрылась большими желтыми пятнами.

Перед нами (рис. 1) изображение молодой девушки с нежным, плавным овалом лица, высоким треугольным лбом, узкими миндалевидными глазами, мягкими контурами щек, тонко очерченным подбородком и полной шеей, прорезанной глубокой поперечной складкой. Очень интересна прическа: волосы, разделенные посередине легким пробором и скрепленные лентой, мелкими переплетающимися прядями идут наверх, где образуют большой пышный узел. Характер узла восстановить трудно, т. к. он оказался более всего поврежденным. Возможно, узел также скреплялся лентой. Небольшие уши наполовину скрыты прической. Прямая постановка головы и шеи, отсутствие признаков, указывающих на сложный ее поворот, свидетельствуют о некоторой статичности спокойно сидящей или стоящей фигуры, которой принадлежала голова. Наоборот, лицо живет, оно в постоянном движении сложных чувств и настроений. Выражение его трудно уловимо и меняется в зависимости от ракурса: спокойное и величественное, томное и мечтательное, слегка загадочное и лукавое, улыбающееся. Отсутствие каких-либо индивидуальных черт и столь характерной для живого человека асимметричности в лице совершенно исключают мысль о портретности изображения. Разумеется, нельзя отнести к признакам индивидуальности своеобразие прически, едва заметное различие в моделировке щек (некоторая впалость левой щеки) или полноту шеи. Следовательно, мы имеем дело с изображением культового или жанрового характера.

Назначение изображения, которому принадлежала голова, не вполне ясно. Приналежность ее к круглой скульптуре сомнительна. Как видно из рисунка 1, 2 (профиль) голова непропорционально вытянута

в глубину, причем следов законченности нет; задняя сторона ее представляет скол и отличается свежим цветом мрамора. В противоположность лицевой части головы, тщательно моделированной, задняя часть ее по линии, указанной нами на рис. 1, 2, обработана очень суммарно, даже неряшливо (так, шея сзади совсем не очерчена), цвет мрамора по отмеченной линии также отличается большей, чем в лицевой части, свежестью. Отсюда можно заключить, что изображение или не вполне закончено, или было рассчитано на просмотр только с одной стороны, в фас, т. е. принадлежало какому-то рельефу. Вероятнее второе. Учи-

1

2

3

Рис. 1. Мраморная женская головка из Ольвии
1 — фас; 2 — профиль; 3 — поворот на $\frac{3}{4}$.

тывая отмеченные выше технические особенности, мы склонны усматривать в функционировании головы два периода: первый — когда голова существовала в рельефе, и второй, после разрушения рельефа, — когда обломок плиты, содержащий голову, был подвергнут в задней его части грубой обработке и использовался в качестве украшения какой-нибудь ниши¹ (на это указывает и сравнительно ровная плоскость нижнего скола, что видно из рисунка 1, 2).

Применение буравчика при обработке волос позволяет датировать находку временем не ранее середины IV в. до н. э. Некоторые особенности головки позволяют уточнить эту датировку, ограничив ее временем не позднее III в. до н. э. Из них наибольший интерес представляет трактовка глаз (четко очерченное верхнее веко, узкая миндалевидная глазная щель, тонко моделированное нижнее веко, под которым ощущается глазное яблоко; приглушенные переливы света и тени, благодаря чему глаз приобретает как бы поволоку, а взгляд становится нежным, слегка таинственным и лукавым) и очень своеобразная пышная прическа, стянутая лентой, видной спереди, но скрытой на висках и сзади прядями волос, перекрывающими ее; характерный узел собранных на темени волос, крупные пряди, члененные на мелкие прядки, беглая, как бы послешная, но в то же время выразительная работа, так что чувствуется мягкая шелковистость волос, их воздушная волнистость. Полную аналогию этой прически найти трудно, по-видимому, наибольшее распространение она имела в эллинистическое время; среди римских произведений, которые могут быть поставлены в число аналогий ольвийской головке, нами не обнаружено ни одного

¹ Наличие ниш в подвальных помещениях установлено и для участка НГФ. В том же северном здании, именуемом обычно «домом с алтарем», в помещении к северу от двора (помещении И) имеются две ниши — в юго-западном и юго-восточном углах.

оригинального, все они являются копиями с греческих образцов эллинистического времени. Такова, например, «сидящая девушка» из Палаццо Консерватори в Риме². Ряд признаков сближает ольвийскую головку с «купавшейся Афродитой», опубликованной, в частности, Булле и датируемой III в. до н. э.³ и с «Афродитой Каллипигой» из Национального музея в Неаполе, датируемой второй половиной IV в. до н. э.⁴.

К числу аналогий ольвийской головке, несомненно, следует отнести и «голову молодой женщины» из Императорского музея в Касселе⁵, римской копии, оригинал которой восходит к кругу Праксителя. Здесь тот же высокий треугольный лоб, короткий, тонко очерченный подбородок, изящный овал лица, продолговатые миндалевидные глаза, легко моделированные нижние веки, полная шея с плавной поперечной складкой, прическа, снабженная лентой и наполовину закрывающая уши. Прическа, впрочем, отлична от рассматриваемой нами; волосы расчленены на толстые пряди, собраны в узел сзади, трактованы более бегло, сильно проработаны буравчиком.

Еще интересней для сравнения голова так называемой «капитолийской Венеры» из того же музея⁶. Пышная прическа ее очень близка ольвийской: две толстые пряди волос спереди идут на верх головы и образуют высокий искусно связанный узел. Различия в деталях: второй, меньших размеров, узел сзади, два симметричных маленьких локона на лбу и возле ушей, наполовину закрытых прической; иначе показана и лента, стягивающая волосы. Много общего в трактовке высокого лба, глаз изящного рисунка, их выражения, подбородка и шеи. Шея слегка вытянута вперед, голова повернута влево.

Ближайшей аналогией среди ольвийских находок прошлых лет является известная мраморная женская головка, предположительно — музы (Г. Е. Кизерицкий)⁷ или Гигии (Б. В. Фармаковский)⁸ из раскопок 1902 г. Сопоставление с ней тем более интересно, что найдена она в культурном слое, в помещении дома, одновременного северному зданию участка НГФ. Прическа ее отлична от нашей более суммарной трактовкой волос и их расположением, сближающим эту головку с головами муз на рельефе Архелая из Приены⁹. Однако предполагается существование ленты, при помощи которой волосы, разделенные пробором, забраны наверх, где, возможно, образовали узел. Головка из раскопок 1902 г. отличается и большей экспрессией. Что же касается ее общего характера, то связь с нашей находкой кажется несомненной. Здесь — то же пышное обрамление из волос, наполовину скрывающих уши, те же, в основном, формы лба, тот же изящный рисунок глаз и их моделировка, та же мягкая игра света и тени, тот же овал лица и тонко очерченный подбородок, наконец, та же гамма идей, отмеченная Б. В. Фармаковским: невинность выражения, простота и благородство¹⁰. Именно во многих отмеченных нами чертах Б. В. Фармаковский видит отголоски влияния школы Праксителя. То же самое и даже, может быть, в большей степени применимо к нашей находке. Действительно, среди произведений, связанных с именем этого великого мастера, находятся весьма близкие аналогии. Наибольший интерес из них представляет рельеф

² H. Bulle, *Der schöne Mensch im Altertum*, табл. 171.

³ Там же, табл. 182.

⁴ Там же, табл. 162.

⁵ Margarete Bieber, *Die Antiken Skulpturen und Bronzen des Königlichen Museum Friedericianum in Cassel, Marburg*, 1915, табл. XXIII.

⁶ Там же, табл. XXVII.

⁷ Archeologische Anzeiger, XVIII (1903), стр. 84.

⁸ ИАК, вып. 13, стр. 210.

⁹ Watzinger, *Das Relief des Archelaos von Priene*, табл. I.

¹⁰ ИАК, вып. 13, стр. 210.

«музы» на фрагменте вазы из Мантинеи, найденный в 1887 г. и хранящийся в Национальном музее в Афинах¹¹. Прическа ольвийской головки находится в прямой связи с прической сидящей слева от Аполлона женской фигуры. Вполне вероятно, что рельеф, которому принадлежала ольвийская голова, содержал переработку праксителевского мотива. Локальные варианты этой трехчленной композиции с изображением муз или нимф, относящиеся к IV—III вв., не единичны и представляют ближайшие аналогии ольвийской голове¹². Хронологически наиболее поздний из известных нам вариантов относится к середине III в. до н. э. и отличается схематичностью, грубостью работы¹³; на рельефе изображен в фас три нимфы, идущие взявшись за руки; высокая прическа

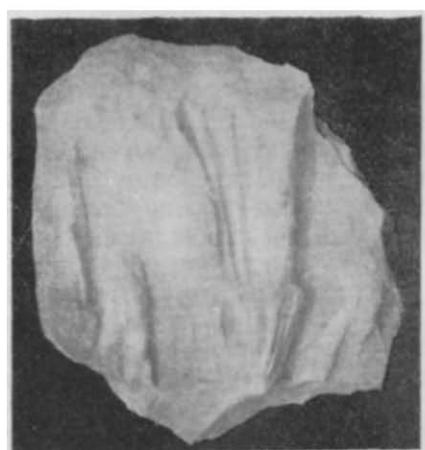

Рис. 2. Фрагмент мраморного рельефа из Ольвии.

Рис. 3. Известняковый рельеф из Ольвии.

крайней левой нимфы в своей эволюции настолько удалилась от своего прототипа, что с трудом может быть узнана; лицо нимфы широкое, тяжеловесное, шея слишком полная, с ярко выраженной поперечной складкой. Ольвийская голова в этом отношении значительно ближе к указанному праксителевскому прототипу.

Варианты трехфигурной (не менее) композиции муз или нимф, идущих, взявшись за руки, известны и по находкам в Ольвии. К ним мы относим впервые публикуемые ниже фрагмент небольшого мраморного рельефа (0/45—1553) и известняковый рельеф (0/51—583), хранящиеся в музее заповедника. Первый из них (рис. 2), размерами 0,18×0,15 м, выполненный из белого с синеватым отливом мрамора, полон пластической прелести и легкого грациозного движения. Известняковый рельеф (рис. 3), размерами 0,29×0,43 м, является, несомненно, произведением местной работы и уже потому представляет интерес для исследования. К тому же найден он в том же районе, что и мраморная головка. Именуемый обычно «пляшущими женщинами» или «хороводом девушек», он тем не менее носит культовый, а не жанровый характер. Об этом свидетельствует уже сама обобщенность, предельная схематизация образов, рассчитанная явно не на удовлетворение эстетических потребностей, а для более практических, утилитарных целей. Связь его с упомянутыми выше рельефами из Национального музея в Афинах

¹¹ Svoronos, Das Athener Nationalmuseum, Deutsche Ausgabe von Dr Barth, I, 1908, табл. XXX, № 216.

¹² Там же, табл. XXX, № 217; табл. LXXIV, № 1448. Здесь же см. табл. LXXVII, № 1461 (интересный рельеф; прическа женской фигуры приближается к ольвийской; общее в трактовке шеи, сходный овал лица и др.).

¹³ Там же, табл. LXXIV, № 1448.

очевидна. Обратная сторона рельефа, несмотря на значительную толщину его (0,12 м), представляет необработанную, рваную поверхность. Это заставляет предполагать, что рельеф является обломком какого-то небольшого, прямоугольного в плане сооружения, скорее всего, алтаря. В основании его находилась, вероятно, другая несколько больших размеров плита¹⁴. Характер рельефного изображения свидетельствует о принадлежности этого алтаря к культу Аполлона, что находит подтверждение в высказанном Б. В. Фармаковским предположении о найденном во дворе северного здания алтаре как алтаре Аполлона¹⁵.

Каково было назначение ольвийского мраморного рельефа, которому принадлежала публикуемая мраморная голова, сказать трудно. Противоречия хронологического порядка между ними нет, поскольку рельеф может быть датирован III в. до н. э. Здание с алтарем участка *НГФ* отличалось внушительными размерами и было богато декорировано, что, в совокупности с находкой алтаря и культовой комнаты, и дало право Б. В. Фармаковскому назвать его пританейоном¹⁶. Если композиция рельефа была трехфигурной, длина его должна была достигать 1,5 м. Не исключена возможность, что он принадлежал, подобно известняковому рельефу, алтарю. Полутораметровая длина такого алтаря может быть допустима. Длина алтаря, открытого Б. В. Фармаковским во дворе северного здания участка *НГФ*, превышала 1 м. Во всяком случае, мраморная женская голова (с большой степенью вероятности можно утверждать — музы), подобно известняковому рельефу с изображением муз может быть связана с культом Аполлона, локализовавшимся в районе дома с алтарем. Обе эти находки придают предположению Б. В. Фармаковского о посвящении алтаря Аполлону (предположению, во многом гипотетичному и сейчас) более реальную основу.

¹⁴ Ср. также маленький известняковый алтарь, опубликованный Б. В. Фармаковским в ОАК за 1909—1910 гг., стр. 68, рис. 77.

¹⁵ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 52—53.

¹⁶ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 73—74. Ср. также статью Е. И. Леви и А. Н. Карасева «Дома античных городов Северного Причерноморья» сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 229, прим. I. Аргументация авторов построена на изучении богатого сравнительного материала. Остается необъясненным оригинальное устройство и очень непрочный характер вымостки в культовой комнате (андроне — по предположению указанных авторов). См. ОАК за 1909—1910 гг., стр. 66—67.

МОНЕТЫ ОСТРОВА БЕРЕЗАНЬ

(по материалам раскопок 1928 г.)

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

Не приходится доказывать, какое большое значение имеет изучение и публикация нумизматических находок с территории античных поселений Северного Причерноморья. Однако до самого последнего времени этому уделялось недостаточное внимание. Не были своевременно изданы, в частности, и нумизматические памятники с о. Березань, накопленные во время археологических раскопок М. Ф. Болтенко в 1927—1931 гг. Березанские находки поступали после окончания раскопок в Одесский археологический музей, причем в конце 30-х годов монеты были отделены от остальных предметов и слиты с нумизматической коллекцией музея. Утрата в годы Великой Отечественной войны картотеки привела к тому, что этот материал оказался депаспортизованным. Тем больший интерес вызывают монеты из раскопок 1928 г., хранящиеся в настоящее время в археологическом кабинете при историческом факультете Одесского государственного университета, публикации которых посвящается настоящая заметка.

Всех монет в 1928 г. было найдено 38 экземпляров; из них, как и следовало ожидать, большинство принадлежит Ольвии (31 экз., в том числе 10 «рыбок»). Кроме того, найдено три неольвийские греческие монеты, одна римская, одна турецкая и одна русская. Сохранность всех монет, за единственным исключением (№ 32), в общем плохая; при чистке одна монета и две «рыбки» пришли в полную негодность. Все остальные сопоставлены в прилагаемом списке.

В отличие от раскопок, производившихся на о. Березань Э. Р. Штерном, кампания 1928 г. не дала ни одного экземпляра литых ольвийских ассов¹. В списке находок зарегистрировано лишь восемь «рыбок» (не считая двух распавшихся на куски при чистке); все они принадлежат к числу анэпиграфных. При этом, однако, находки 1928 г. дали представителей всех их видов. К наиболее древней группе, отличающейся плоской фактурой, прямизной и геометризованными очертаниями корпуса, круто поднимающимся лбом и заметной боковой линией (группа A, конец VI—начало V в. до н. э.)², принадлежат три экземпляра. Следующая хронологическая группа, отличительными признаками которой является реалистическая трактовка дельфина, вальковатый, слегка изогнутый корпус и четко выступающий спинной плавник (группа

¹ ОАК за 1904 г., стр. 45; ОАК за 1908 г., стр. 92; ОАК за 1909—1910 гг., стр. 110.

² В. В. Голубцов, Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1907 гг., ИАК, вып. 51, 1914, табл. III, 6—8.

B-1, середина V в. до н. э.)³, представлена двумя экземплярами. К серии деградированных дельфинов, для которых характерны уменьшенные размеры, резкая изогнутость тела, диспропорциональность и схематичность всего изображения (группа *B-2*, вторая половина V в. до н. э.)⁴, относятся также два экземпляра. Наконец, к числу литых изображений, в которых мы склонны видеть не дельфинов, как во всех предшествовавших сериях, но представителей осетровых рыб⁵, относится один экземпляр. Находки этих литых изделий на о. Березань неоднократно отмечались (в одном только 1908 г. найдено около сотни⁶), и здесь можно только упомянуть о находке в 1946 г. на о. Березань амулета-подвески из медвежьего зуба, обработанного в форме дельфина (группа *B-1* по изложенной выше схеме классификаций литых ольвийских дельфинов)⁷.

Из обнаруженных во время раскопок 1928 г. чеканных монет Ольвии наиболее ранней является небольшая монета с изображением Деметры на лицевой стороне и орла, держащего в когтях дельфина, на обратной; к сожалению, плохая сохранность не позволяет с уверенностью прочесть магистратское имя под дельфином (ПОΣΕ)⁸. Монеты этого типа мы склонны относить к середине IV в. до н. э. Гораздо обильнее среди березанских находок представлены монеты с изображениями речного божества и скифского оружия, которые обычно называют просто «борисфенами». Из семи монет этого типа, относящихся к последней четверти IV и к первой половине III в. до н. э.⁹, в четырех случаях угадываются сокращения имён. К тому же примерно времени должны быть отнесены и две монеты с изображениями Деметры в стенной короне и скифского лучника; на одной отчетливо читается имя Сострата¹⁰. Непосредственно к этим монетам примыкают медные монеты с характерной фактурой (толстый, до 5—6 мм, монетный кружок с резко скошенным гуртом), на которых изображены также Деметра и орел на дельфине, под которыми находится сокращение ВΣΕ (в одном случае ΣΒΕ); они датируются концом III в. до н. э. Однако к следующим двум столетиям можно отнести лишь одну монету из случайных находок; это старший номинал серии, которую А. Н. Зограф относил к рубежу нашей эры¹¹, а мы считаем относящейся ко времени Митридата Евпатора.

К первым векам нашей эры относится также довольно значительное количество монетных находок 1928 г. Особо следует выделить групповые находки: в одном случае в совместном залегании обнаружены три монеты с изображениями Зевса и орла с дифферентами С и Н (середина I в. н. э.¹²); в другом—монета с именем ΙΕΡ ΘΕΟ, надчеканенная двумя клеймами (кадуцией и дельта), встречена совместно с монетой, помеченной именем Дада сына Сатира, известного по

³ В. В. Голубцов, ук. соч., табл. IV, 2—4; А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, табл. XXX, 10.

⁴ В. В. Голубцов, ук. соч., табл. IV, 1; А. Н. Зограф, ук. соч., табл. XXX, 11.

⁵ В. В. Голубцов, ук. соч., табл. I, 3, 6—8, табл. III, 10; А. Н. Зограф, ук. соч., табл. XXX, 9.

⁶ ОАК за 1908 г., стр. 89 и др.

⁷ М. Ф. Болтенко, Розкопки на о. Березані в 1946 р., АП, т. II, К., 1949, стр. 37.

⁸ В. В. Голубцов, ук. соч., табл. XXI, 3, 5, 7, 9, 11; ср. с именем ПОΣΕ, но с повернутым вправо изображением на аверсе, табл. XVII, 4, 6, 8.

⁹ П. О. Карышковский, О времени выпуска ольвийских монет с изображением речного божества, ВДИ, 1957, № 2, стр. 141—144.

¹⁰ М. Б. Парович, Про датування ольвійських монет із зображенням голови Тіхи, «Археологія», т. XI, К., 1957, стр. 157—159.

¹¹ А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 139—140, табл. XXXIV, 1—5.

¹² Там же, табл. XXXIV, 7—10.

эпиграфическим памятникам в качестве архонта (или стратега?)¹³; упомянем, кроме того, монету с именем также известного по надписи архонта Гиксия сына Майака¹⁴.

Что касается неольвийских монет, найденных в 1928 г. на о. Березань, то к античной эпохе относятся еще четыре экземпляра. Из них две монеты, к сожалению, из-за крайне плохой сохранности не могут быть определены¹⁵, но принадлежат, несомненно, еще к позднеэллинистическому времени. Третья монета — единственная из всех находок сохранившаяся отлично и даже покрытая патиной — принадлежит Каллатису; она датируется II в. н. э.¹⁶ Четвертая монета, — без всякого сомнения, римская и относится ко второй половине IV в. н. э. (Грациан, Валентиниан, Валент или Феодосий?), но буквы совершенно не читаются, а оборотная сторона не позволяет даже установить тип изображения.

Две последние монеты из раскопок 1928 г. значительно моложе прочих и принадлежат к числу случайных находок; однако находку их вообще на острове легко объяснить — перед нами биллоновая монета Османской империи, чеканенная в Белграде при Мураде IV (1623—1640), а также петровская полушка начала XVIII в. (монета пробита на месте даты и читается только 17...).

Как явствует из приведенного обзора, нумизматические находки 1928 г. отражают почти все периоды богатого событиями прошлого Березани. При этом монеты подтверждают правильность взгляда М. Ф. Болтенко на относительную заселенность острова не только в пору ранней ионийской колонизации, как считал Э. Р. Штерн, но и в IV—III вв. до н. э., а затем в римское время¹⁷; это, разумеется, далеко не случайно совпадает с периодами расцвета эллинистической Ольвии и затем ее относительной стабилизации в I—II вв. н. э. Было бы, однако, неосторожно заключать из отсутствия соответствующих монет, что Березань совершенно опустела во II—I вв. до н. э., равным образом, как и считать, что на острове вовсе прекратилась жизнь после IV в. н. э.¹⁸, но все же VI—III вв. до н. э. и I—II вв. н. э. следует, по-видимому, признать временем наибольшего расцвета античного поселения на о. Березань. Наконец, монеты XVII—XVIII вв. соответствуют той роли, которую этот островок сыграл в пору борьбы русского и украинского народов против турецких захватчиков за выход к Черному морю¹⁹. В силу этого публикация небольшой группы монет с о. Березань представляется не лишенной исторического интереса.

¹³ IOSPE, I², № 281.

¹⁴ Там же, № 132.

¹⁵ Ср. замечание А. Н. Зографа о трудности точного определения монет из античных городов, А. Н. Зограф, Монеты из раскопок в Ольвии в 1935—1936 гг., «Ольвия», т. I, К., 1940, стр. 216.

¹⁶ Монета редка; ср. L. Ruzicka, Unedirte Münzen von Kallatis aus meiner Sammlung, ZfN, т. XXX, 1913, стр. 331, № 267 в, табл. VIII, 9.

¹⁷ М. Ф. Болтенко, До питання про час виникнення та назву давнішої іонійської оселі над Борисфеном, ВОКК, ч. 4—5, 1930. Секція археологічна, стр. 38—39; его же, Розкопки на о. Березані в 1946 р., АП, т. II, стр. 31—33.

¹⁸ М. Ф. Болтенко, Стародавня руська Березань, «Археологія», т. I, К., 1947, стр. 39 и сл.

¹⁹ М. Ф. Болтенко, Значення острова Березані в совместній борбі братських великих руського і українського народів за Чорне море проти турецких захватчиків, «Труды ОГУ», год. СХ, т. 144, серія історич. наук, вып. 4, 1954, стр. 163 и сл.

Список monet из раскопок на острове Березань в 1928 г.

№ по инвентарному описанию	Разм. (мм)	Вес, г	Сохранность	Определение монеты		Дата	Ссылка на аналогии	Место находки (каскадрат)	Время находки	Примечание	
				1	2						
I—129	м	26	2,21	пл.	Ольвия; дельфин, группа A	конец VI — нач. V в. до н. э.	Голубцов, табл. III, 6—8	II	27.VII		
6/№	м	25	2,04	пл.	Ольвия; дельфин, группа A	конец VI — нач. V в. до н. э.	Там же	—	—		
6/№	м	26	2,02	пл.	Ольвия; дельфин, группа A	конец VI — нач. V в. до н. э.	Там же	на берегу III	1.VIII	Случайная находка	
III—716	м	32	3,15	пл.	Ольвия; дельфин, группа B-1	середина V в. до н. э.	Голубцов, табл. IV, 2—4; Зограф, табл. XXX, 10	III	1.VIII		
III—815	м	33	2,18	пл.	Ольвия; дельфин, группа B-1	середина V в. до н. э.	Там же	III	2.VIII		
III—716	м	25	1,50	пл.	Ольвия; дельфин, группа B-2	2-я пол. V в. до н. э.	Голубцов, табл. IV, 1; Зограф, табл. XXX, 11	III	1.VIII		
6/№	м	28	1,52	пл.	Ольвия; дельфин, группа B-2	2-я пол. V в. до н. э.	Там же	—	—		
II—737	м	43	4,15	пл.	Ольвия, рыбка	1-я пол. IV в. до н. э.	Голубцов, табл. III, 10; Зограф, табл. XXX, 9	II	2.VIII		
I—128	м	15—16	1,58	пл.	Ольвия; Деметра — орел на дельфине	середина IV в. до н. э.	Голубцов, табл. XXXI, 3, 5	1	24.VII		
II—129	м	24—25	8,17	уд.	Ольвия; «борисфен», дифферент: монограмма из букв А и Р	конец IV в. до н. э.	Орешников, Кат. Уварова, стр. 10, № 57	II	27.VII	Найдена соз. местно с № 12	
I—136	м	21—23	7,18	пл.	Ольвия; «борисфен», дифферент ΔΙ	1-я пол. III в. до н. э.	Орешников, Кат. Уварова, стр. 10, № 62	I	24.VII	Найдена соз. местно с № 11	
I—136а	м	20	5,36	пл.	Ольвия; «борисфен», дифферент ΑΡΙ	1-я пол. III в. до н. э.	Бурачков, табл. IX, 222	I	24.VII		
I—130	м	19	7,21	от. пл.	Ольвия; «борисфен», дифферент ВΟΕ	1-я пол. III в. до н. э.	Орешников, Кат. Уварова, стр. 10, № 60	I	24.VII		
II—128	м	5,67	оч. пл.	Ольвия; совершенно стертый «борисфен»	середина III в. до н. э.	—	—	II	15.VIII		
I—141	м	18	4,42	пл.	Ольвия; то же	середина III в. до н. э.	—	—	1	6.VIII	
6/№	м	18—20	3,15	оч. пл.	Ольвия; то же	середина III в. до н. э.	—	—	—		
6/№	м	19	5,47	уд.	Ольвия; Деметра — стрелок, имя БУГАРΑ	конец IV в. до н. э.	Бурачков, табл. VII, 152; Зограф, табл. XXXIII, 21	III	14.VIII	Случайная находка	
III—907	м	12—14	2,23	пл.	Ольвия; то же, буквы стерты	нач. III в. до н. э.	Бурачков, табл. VII, 155—160	III	7.VIII		

19	I—132	м	21	6,83	пл.	Ольвия; Деметра — орел на дельфине, дифферент ВSE Ольвия; то же, дифферент	конец III в. до н. э. конец III в. до н. э.	Pick, табл. X, 13 (по изображениям вправо) Бурачков, табл. IV, 65 (букивы ВSE)	I	24.VII
20	I—129	м	19	7,42	пл.	Ольвия; то же, дифферент	конец III в. до н. э.	Бурачков, табл. IV, 65 (букивы ВSE)	I	24.VII
21	I—135	м	19	6,12	оч. пл.	Ольвия; то же	конец III в. до н. э.	Вариант того же типа	I	24.VII
22	I—1366	м	15—18	5,96	оч. пл.	Ольвия; то же	конец III в. до н. э.	Бурачков, табл. VI, 106.	I	24.VII
23	6/N ₆	м	21—22	6,92	пл.	Ольвия; Зевс — скриптер; в клеймне ветвь	начало I в. до н. э.	Pick, табл. XI, 3	—	23.VII
24	IV—136	м	18—19	3,17	пл.	Ольвия; Зевс — орел числовой знак С-б. На лицевой стороне клеймо-каудией Ольвия; то же; знак Н-8; клеймо	середина I в. н. э.	Бурачков, табл. VI, 110	IV	26.VII
25	IV—136a	м	19	3,75	пл.	Ольвия; то же, но срел вправо	середина I в. н. э.	Бурачков, табл. VI, 109	V	26.VII
26	IV—1366	м	17—18	3,85	пл.	Ольвия; с именем и двумя клеймами (каудией и дельтаг.)	начало II в. н. э.	Бурачков, табл. VI, 111, Pick, табл. XI, 5	IV	26.VII
27	III—909	м	24	4,97	пл.	Ольвия; с именем Даца Сатира	вторая полов. II в. н. э.	Бурачков, табл. VII, 168, Pick, табл. XI, 11—12	III	24—25
28	III—909a	м	16—18	2,20	оч. пл.	Ольвия; с именем Гикесия С. Майака	вторая полов. II в. н. э.	Бурачков, табл. VIII, 177; Pick, табл. XI, 18	III	24—25
29	III—912	м	19—20	3,62	оч. пл.	Неопред. монета эллинист. времени; на лицев. стороне мужская голова	вторая полов. II в. н. э.	Бурачков, табл. VIII, 183; Pick, табл. XI, 16	III	28
30	6/N ₆	м	15—17	2,25	оч. пл.	Неопред. монета эллинист. времени; на лицев. сторо-не голова Афины, на об-ратной — венок (?) Каллатис; Афина — щит (псевдоавтономный чекан)	III—I вв. до н. э.	—	—	26.VII
31	III—908	м	16	3,04	оч. пл.	Неопред. монета эллинист. времени; на лицев. сторо-не голова Афины, на об-ратной — венок (?) Римская империя	III—I вв. до н. э.	—	III	23.VII
32	III—916	м	15—26	2,17	отл.	Горния; быта в Белграде; султан Мурад IV Россия; полупика Петра I	вторая полов. IV в. н. э.	ZfN, т. XXX, 1913, стр. 301, № 267-в, табл. VIII, 9	III	11.VII
33	6/N ₆	м	14—15	2,83	оч. пл.	—	—	—	—	—
34	6/N ₆	бил.	11	0,31	уд.	1623—1640 гг.	—	—	—	28.VII
35	6/N ₆	м			0,81	—	—	—	—	Случайная находка

ОБ ОХРАНИТЕЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ГРИФОНОВ НА МОНЕТАХ ПАНТИКАПЕЯ IV в. до н. э.

В. М. БРАБИЧ

Развитие монетного дела Боспора в IV в. до н. э. характеризовалось появлением в обращении первых золотых и медных монет, выпущенных в массовых количествах в дополнение к существовавшей серебряной чеканке.

На лицевых сторонах этих монет изображалась голова сатира (являвшаяся в бородатом или безбородом вариантах традиционной во всей чеканке Пантикопея начиная с IV в. и в течение последующих почти двухсот лет). Типы же оборотных сторон различались между собой: на золотых монетах, статерах, изображался львоголовый грифон с дротиком в зубах и с предостерегающими поднятой передней лапой, стоящий на хлебном колосе¹, а на медных монетах самого крупного номинала — протома орлиного грифона, распростершего лапы над осетром².

Данные типы неоднократно изучались и комментировались, в результате чего к настоящему времени признано, что колос и рыба на пантикопейских монетах отражали специфику торговли Боспорского царства. Что же касается грифонов, то в отношении причин их появления в боспорской монетной чеканке единого мнения до сих пор нет.

Так, Б. Кене и Л. Стефани указывали, что грифон на упомянутых монетах фигурировал как охранитель золота, добыча которого для боспорского населения представляла якобы один из источников богатства, наряду с хлебопашеством и рыболовством³. Теми же исследователями, а также П. О. Бурачковым и А. В. Орешниковым было высказано мнение, что грифон — символ солнечного света, имевший непосредственное отношение к культу Аполлона на Боспоре. М. И. Рос-

¹ Львоголового грифона на пантикопейских монетах обычно трактуют идущим по колосу, но поза грифона представляется скорее статичной, чем динамичной.

² К орлиного грифона относят иногда протому, которая изображалась на мелких серебряных монетах Пантикопея в IV в. до н. э. (П. О. Бурачков, Общий каталог монет, Одесса, 1884, стр. 147, № 70; Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М., 1956, стр. 99). Однако изображения аналогичной протомы на больших по размеру медных пантикопейских монетах этого же времени (А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, табл. XL, 19) свидетельствуют о принадлежности данной протомы пегасу.

³ Данное мнение, как и остальные, которые приводятся ниже, а также библиография по этому вопросу изложены в статье: Д. Б. Шелов, К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье (сатир и грифон на пантикопейских золотых статерах IV в. до н. э.), КСИИМК, вып. XXXIV, 1950 (ср. А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 176; его же, Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья, в сб. «Античные города Северного Причерноморья» т. I, М.—Л., 1955, стр. 152).

товцев свидетельствовал о персидском происхождении грифона, олицетворявшем на монетах Пантикея полуиранскую военную мощь Боспорского царства. Г. Хилл и А. Н. Зограф считали, что львоголовый грифон — исконный противник персидского царя в единоборстве, отражавший в пантикеейской чеканке враждебную политику боспорских Спартокидов по отношению к Персии и дружественное отношение к Афинам, которые использовали грифона как эмблему борьбы против персов. Наконец, Д. Б. Шелов обосновывал положение, что чеканка на боспорских монетах грифонов, а также голов сатира — результат сложного скрещивания и взаимодействия греческих и местных культов, так как изображения сатиров и грифонов часто встречаются на предметах греко-скифского искусства.

Все эти мнения помогают, конечно, в той или иной степени уяснить различные формы бытования на Боспоре такой сложной мифологической фигуры, какой является грифон — фантастическое существо разнородных культов⁴. Тем не менее, для понимания на монетах Пантикея изображений грифона, стоящего на колосе с дротиком в зубах или распростершего лапы над осетром, следует исходить, прежде всего, из основного назначения грифонов в представлении греков и рассматривать данные изображения как единую взаимосвязанную композицию. При этом надо учитывать, что для греческих художников не существовало особой смысловой разницы между обеими модификациями грифона — с орлиной или львиной головой.

Основным назначением грифонов в представлении древних греков являлась охрана золотых месторождений, находившихся на краю земли — у золотоносного Плутонова потока, в Индии и Бактрии, в Эфиопии, у троглодитов, а также в Скифии и Сарматии⁵. Убежденность в наличии золотых россыпей или рудников во всех этих областях была характерна для мировоззрения греков, полагавших, что «оконечности земли обладают тем, что считается драгоценным и редким» (Herod., III, 116). Поскольку подобным краем земли представлялась и Скифия, где за пределами греческих городов будто бы обитали одноглазые люди-аримаспы, которые похищали золото у грифонов, очевидно, что изображения последних на пантикеейских монетах также связывались с охранительным назначением грифонов.

Однако в Северном Причерноморье и в прилегавших к нему степнях месторождения золота неизвестны. Что же касается колхидского или урало-алтайского золота, которое в каких-то количествах могло поступать на Боспор в IV в. до н. э., то отношение грифонов к этому золоту вряд ли нашло бы отражение в монетной чеканке, поскольку упомянутое золото не являлось природным богатством Боспорского царства. Такими богатствами были зерновой хлеб и рыба, которые обозначались на пантикеейских монетах колосом и осетром. Отсюда напрашивается вывод, что грифоны, колос и осетр, изображавшиеся на монетах, были взаимосвязаны, и что эта связь выражалась в рас-

Монеты Пантикея IV в. до н. э.
1 — золотой статер; 2 — медный номинал.

⁴ Н. Н. Погребова, Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики, КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 67.

⁵ Сведения античных авторов о грифонах — охранителях золота собраны в основном Л. Стефани в ОАК за 1864 г., стр. 51—53.

пространении охранительных функций грифонов на хлеб и на рыбу. Последние, как известно, представляли для греко-скифского населения Боспора подлинно местное золото — те статьи экспортной торговли, которые почти на всем протяжении IV в. до н. э. обеспечивали процветание боспорской экономики; причем соленая рыба, вывозившаяся на рынки Средиземноморья, уступала в торговом балансе только вывозу зерна. Кстати говоря, появление первых в Пантике золотых монет было одним из внешних признаков этого экономического процветания.

Таким образом, львоголовый и орлиголовый грифоны, которые на новых выпусках монет Пантикея IV в. до н. э. изображались вместе с колосом и осетром соответственно значению последних в экономике Боспорского царства (грифон и колос на золотых монетах, грифон и осетр — на медных), использовались в монетной чеканке, по всей вероятности, как охранители местных богатств — зернового хлеба и рыбы.

СУБОТОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

И. М. САМОЙЛОВСКИЙ

Село Суботово, Чигиринского района, Черкасской области, давно известно в археологической литературе. В 1909 г. в Суботове, в уро-чище Чапаливка, на левом берегу небольшой р. Суботи¹, при построй-ке хаты, которая и сейчас там стоит, под горой (рис. 1), было обнару-жено погребение с трупосожжением². Потом неоднократно сколо хаты, на склоне живописного берега р. Суботи, при вспашке огорода еще встречались керамические находки культуры полей погребения.

В 1953 г. автор этой статьи на огороде произвел небольшие рас-копки, заложив шесть траншей размером 10×2 м. Было открыто че-тыре погребения с сожжением, находившихся на небольшой глубине, в слое чернозема. Курганных насыпей в могильнике не было. Верх-ний слой здесь составляет чернозем мощностью в 35—45 см, лежащий на слое суглинка желтого цвета.

Погребение № 1 открыто в 33 м на северо-восток от погребения, обнаруженного в 1909 г. Погребение было разрушено. От него, на глубине 27 см от уровня современной поверхности, в черноземе встре-тилось два фрагмента двух глиняных сосудов темно-серого цвета, руч-ной работы. Один из них орнаментирован по венчику ямочками (рис. 2). Подобный орнамент можно встретить в керамике Корчеватовского мо-гильника.

Погребение № 2 обнаружено в 15 м на север от погребения, най-денного в 1909 г., и в 25 м к юго-западу от погребения № 1. На глу-бине 30 см от уровня современной поверхности встретилась кучка фрагментов глиняной посуды и среди них и около них разбросанная кучка небольших пережженных человеческих костей от поврежденного погребения. В кучке были остатки четырех лепных сосудов: 1) хруп-кие черепки сосуда с неровной поверхностью серовато-коричневого цве-та с обеих сторон, среди них есть часть днища, тоже с неровной по-верхностью; 2) черепки лепного сосуда со слаженной поверхностью коричневого цвета, из них черепок с лощеной поверхностью; 3) черепки с черной лощеной поверхностью, один из них с незначительным отог-нутым наружу венчиком; 4) черепочки серого цвета с мелким вдавлен-ным орнаментом. В 1,25 м на юг от этих находок, на той же глубине,

¹ Река Суботь, правый приток р. Тясмина, дала название селу Суботово.

² ОАК за 1911 г., стр. 81. Есть два рисунка сосудов. Сосуды находятся в Ки-евском государственном историческом музее. В информации неточно отмечена глубина нахождения погребения (3,2 м). Погребение было найдено на небольшой глубине от уровня современной поверхности, как установил собственник усадьбы, ко-торый срезал склон горы для постройки хаты. Отмеченная глубина в 3,2 м — это высота срезанного склона горы, где поставлена хата.

был найден фрагмент венчика, отогнутого наружу, с незначительной шейкой и фрагмент донышка на кольцевой ножке. Оба фрагмента происходят от небольшого сосуда, хорошо изготовленного на гончарном круге. Цвет их красный с обеих сторон. Они отличаются от всей остальной керамики, найденной в этом могильнике и сделанной от руки. Как видно, это фрагменты привозного сосуда из Причерноморья.

Рис. 1. Местонахождение Суботовского могильника.

Около этих фрагментов были найдены еще черепки сосуда с ровной красноватой поверхностью, с одной стороны, и черной — с другой, а также небольшое металлическое колечко (пряжка) подовальной формы, размером $2,5 \times 2$ см.

Погребение № 3. В 25 м на северо-восток от погребения, обнаруженного в 1909 г., и 17 м на северо-запад от погребения № 1, на глубине 45 см от современной поверхности, в серой земле, встретилось скопление фрагментов грубой неорнаментированной посуды, с несглаженной поверхностью серовато-коричневого цвета. Среди керамических фрагментов было три обломка днищ со стенками, два обломка небольших венчиков, немного отклоненных к середине, один обломок с орнаментацией в виде малозаметных прочерченных линий. Около обломков посуды лежали три разломанные кости животных.

Погребение № 4. В 30 м на северо-восток от погребения, выявленного в 1909 г., и в 4,5 м на восток от погребения № 3, на той же глубине (45 см), были обнаружены остатки четвертого погребения, от которого сохранились пережженные человеческие кости и куча обломков глиняных сосудов такого же вида, как и в предшествующем погребении. Среди них два обломка плоских днищ: одно с частью стенки, обычных размеров, и другое днище довольно большое (11,5 см в диаметре), толщиной 1,5 см.

Ям от погребений в однообразной темной земле в могильнике не было заметно.

Недалеко от погребения № 4, на той же глубине, что и это погребение, был найден скарабей, имевший первоначально яркий синий

цвет, но затем потускневший. Скарабей искусно сделан из пасты и просверлен посередине в продольном направлении (рис. 3, 1). На обратной стороне его заметен врезанный знак наподобие буквы Г, расположенный на ровной нижней плоскости, очерченной по краю врезанной линией (рис. 3, 2). Размер скарабея — 15×17 мм, толщина — 10 мм. Скарабей в памятниках культуры полей погребений встречен впервые в Суботовском могильнике. Суботовский скарабей похож на скарабея из Керчи, находящегося в собрании Государственного Эрмитажа (Ленинград) ³. Знаки их, помещенные на нижней плоскости, имеют между собой сходство. Подобные скарабеи встречались в сарматских погребениях в степной полосе.

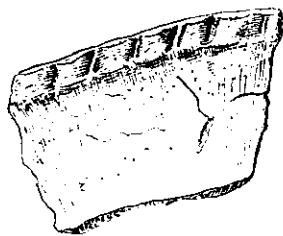

Рис. 2. Фрагмент венчика сосуда из погребения № 1.

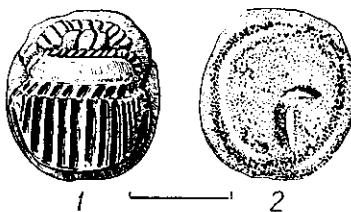

Рис. 3. Скарабей.
1 — лицевая сторона; 2 — обратная сторона.

Раскопки на территории Суботовского могильника в 1953 г. не дали ни одного целого сосуда; очевидно, тут мы имеем дело с разрушением погребений, находившихся на небольшой глубине.

Керамика Суботовского могильника сделана от руки, она имеет сходство с керамикой Корчеватовского могильника.

Суботовский могильник находится на рубеже со степью. По течению р. Тясмина было собрано много римских монет I—II вв. н. э., встретились также и ольвийские монеты ⁴.

Бескурганный Суботовский могильник все время распахивается и подвергается разрушению. В нем до сих пор обнаружен только один обряд трупосожжения. Датировка Суботовского могильника ранним латеном, о котором говорится в «Отчете ИАК» за 1911 г. (стр. 81), не находит себе подтверждения в инвентаре выявленных погребений. Керамика, обнаруженная в могильнике, имеет сходство с керамикой Корчеватовского могильника, и Суботовский могильник, как памятник культуры полей погребений, имеющий в общем облик корчеватовский, можно датировать поздним корчеватовским временем, включая и I век н. э.

³ Б. Б. Пиотровский, Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР, «Советская археология», 1958, № 1, стр. 25, рис. 2.

⁴ В. Г. Ляскоронский, Римские монеты в Южной Руси и сопредельных странах как исторический источник. Рукопись хранится в Киевском государственном университете.

НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ УКРАШЕНИЙ В МЕНСКОМ И СОСНИЦКОМ РАЙОНАХ

Ю. С. ВИНОГРАДСКИЙ, Д. И. ЛАВЬЮК

В археологической литературе встречаются упоминания о случайных находках на территории УССР массивных бронзовых украшений, имеющих вид большого кольца с зубчатым верхом. Подобного рода предметы были найдены вблизи с. Дащева, Винницкой области, на территории западных областей УССР, а также у с. Лиски, Менского района, Черниговской области, на Десне¹. Последний из названных пунктов, у с. Лиски, особенно интересен тем, что здесь в различное время было найдено несколько подобных, коронообразных предметов.

В 1905 г. местный житель Иппатий Ермоленко нашел два бронзовы «венца» в урочище Валок у с. Лиски².

Следующая находка в Лисках была сделана в 1932 г. Федором Боюном³ (рис. 1, 2). И, наконец, в 1958 г. сотрудникам Сосницкого музея стало известно о новой находке бронзового коронообразного предмета в с. Лиски.

Учительница неполной средней школы с. Слободка, Менского района, Гришина сообщила, что этот предмет был найден ее матерью при вспашке земли.

Новая находка по форме и технике изготовления очень близка к найденной в 1932 г. Ф. Боюном (рис. 1, 1). Предмет выпит из бронзы, состоит из двух частей, соединенных на шарнире, имеющем вид невысокого цилиндра, украшенного сверху цветкообразным навершием, несколько превышающим высоту зубцов. Цилиндр орнаментирован с наружной стороны насечками.

Часть кольца выпилена в недавнее время.

По некоторым другим признакам новая находка несколько отличается от хранящейся в музее. Диаметр ее больше, расстояние между зубцами шире, количество зубцов иное, отсутствуют насечки с наружной стороны короны. Несомненно, оба эти предмета сделаны не в одной матрице.

Подобные изделия относятся к культуре зарубинецко-корчеватовского типа и датируются временем от II в. до н. э. до II в. н. э.⁴.

¹ «Нариси стародавньої історії Української РСР», К., 1957, стр. 316.

² «Труды Черниговской губернской архивной комиссии 1906—1908 гг.», вып. 7. Приложение, стр. 109. Предметы не сохранились. Относим их к вещам рассматриваемого нами типа по точному описанию их, сделанному И. Ермоленко.

³ Ю. С. Виноградский, Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея, КСИА, вып. 5, К., 1955, стр. 89, рис. 2, 8.

⁴ «Нариси стародавньої історії Української РСР», стр. 316—317.

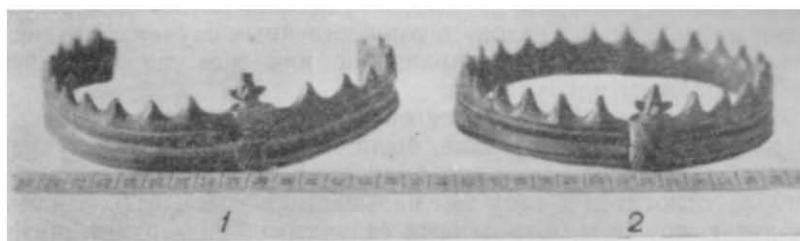

Рис. 1. Бронзовые короновидные предметы из Сосницкого музея.
1 — находка 1932 г.; 2 — находка 1958 г.

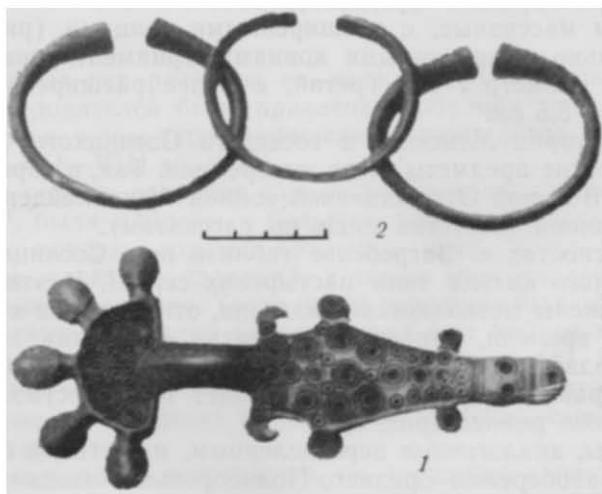

Рис. 2. Находки в пос. Мена в 1949 г.
1 — фибула; 2 — три браслета.

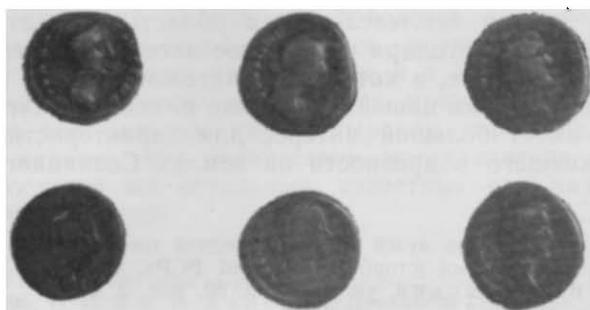

Рис. 3. Шесть серебряных римских монет из клада,
найденного в 1907 г. в 3 км к югу от с. Чернотич.

Назначение их остается не вполне ясным. Некоторые считают их головными украшениями («короны», «коронообразные обручи»), другие—шейными украшениями («зубчатые гривны»). Вероятно, что разные по своим размерам предметы предназначались для разных целей. Одни надевались на голову в торжественных случаях, другие могли служить в качестве шейных украшений или же употреблялись для укрепления одежды вокруг шеи.

В 1949 г. в пос. Мена, Черниговской области, на глубине от 2 до 4 м от поверхности, в торфянике, были найдены бронзовые украшения VI—VII вв. н. э.—фибула и три браслета⁵.

Фибула относится к типу так называемых «пальчатых», или «лучевых», с пятью круглыми отростками («лучами») на верхнем щитке. Поверхность ее орнаментирована концентрическими кружками (рис. 2, 1). Длина фибулы 17 см. По технике изготовления, форме и орнаментации менская фибула очень близка к фибуле из Мартыновского клада⁵. Можно думать, обе фибулы происходят из одного ремесленного центра (возможно, Пастырского городища).

Браслеты массивные, с расширенными концами (рис. 2, 2). Два из них с сильно расширенными концами, орнаментированными насечками, имеют диаметр 7 см. Третий, с менее расширенными концами, имеет диаметр 5,5 см.

На территории Менского и соседнего Сосницкого районов были найдены и другие предметы этого же времени. Так, в торфянике вблизи Мены перед Великой Отечественной войной была найдена фибула, подобная описанной (известна лишь по рассказам).

В окрестностях с. Загребелье (вблизи пос. Сосницы) найден обломок височного кольца типа пастырских серег⁷. В этих же районах были обнаружены металлические изделия, относящиеся к несколько более раннему времени, описанные в статье «коронки», крестообразная бронзовая подвеска, украшенная эмалью, из окрестностей х. Прогоны, Сосницкого района⁸, клад римских монет из окрестностей с. Чернотич, Сосницкого района (рис. 3)⁹.

Предметы, аналогичные перечисленным, известны в большом количестве наПравобережье Среднего Поднепровья. Находки изделий этого типа в Менском и Сосницком районах могут, таким образом, свидетельствовать о древних связях населения этой территории с населением Правобережья Днепра. Эти связи указывают на особое положение, которое занимал в глубокой древности так называемый «Сосницкий степок», тянущийся на 50 км между поселками Березной и Сосницей—черноземная, искони земледельческая область с богатыми урожаями зерновых культур. Благодаря им местное население имело возможность участвовать в торговле, в которой значительное место занимали украшения, а в первые века нашей эры также римские динарии.

Все это имеет большой интерес для характеристики славянского населения, жившего в древности на землях Сосницкого и Менского районов.

⁵ Находки поступили в музей Менской средней школы.

⁶ «Нариси стародавньої історії Української РСР», стр. 336—340.

⁷ Ю. С. Виноградский, ук. соч., стр. 89, рис. 2, 4.

⁸ Там же, рис. 2, 3.

⁹ Там же, стр. 92.

КУЗНИЦА НА ПАСТЫРСКОМ ГОРОДИЩЕ

A. T. БРАЙЧЕВСКАЯ

Уже с первых лет раскопок на известном Пастирском городище внимание исследователей было привлечено обилием находок металлических предметов, в том числе украшений, относящихся к раннесредневековой эпохе (VI—VIII вв. н. э.).

Во время первых раскопок городища, проводившихся В. В. Хвойкой в 1898 г.¹, были найдены в большом количестве железные лемехи плугов, серпы, топоры, лопаты, ножницы, мечи, копья, наконечники стрел и другие железные изделия², а также многочисленные серебряные и бронзовые украшения. Тогда же на городище был обнаружен второй клад ювелирных изделий (первый клад был найден несколько ранее, при первоначальной вс帕шке территории городища). В число украшений VI—VIII вв. н. э., найденных на этом памятнике, входили антропоморфные, зооморфные и пальчатые фибулы, серьги, браслеты, кольца, подвески и т. п.

Ювелирные изделия встречались на городище и позже, например в 1939 г.³ Ряд отдельных металлических предметов (пальчатые и зооморфные фибулы, железные ножи и др.) был собран на городище во время работы экспедиции Института археологии АН УССР в 1949 г.⁴ Часть этих вещей была найдена при раскопках, часть — доставлена местными жителями. Тогда же у одного из местных жителей был приобретен клад, состоящий из сережек, браслетов, антропоморфных фибул, бубенчиков и подвесок⁵. Большое количество металлических предметов было обнаружено на городище и в 1955—1956 гг. (топоры, серпы, ножницы для стрижки овец, серьги, пряжки).

Если учесть все находки на Пастирском городище, можно без преувеличения сказать, что количеством металлических изделий этот памятник превосходит все остальные, известные нам памятники VI—VIII вв. Восточной Европы.

¹ В. В. Хвойко, Городища Среднего Приднепровья, «Труды XII АС», т. 1, М., 1905, стр. 94—96; Б. Н. и В. И. Ханенко, Древности Приднепровья, вып. IV, VI.

² Существовавшее прежде мнение о том, что некоторые из средневековых железных изделий с. Пастирское относятся к древнерусской эпохе, было опровергнуто раскопками 1949 и 1955 гг., которые установили полное отсутствие на городище каких бы то ни было материалов древнерусского времени.

³ Отчет С. В. Коршенко в научном архиве Института археологии АН УССР.

⁴ М. Ю. Брайчевский, Работы на Пастирском городище в 1949 г., КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, рис. 46; его же, Нові розкопки на Пастирському городищі, АП. т. V, К., 1952, стр. 7.

⁵ М. Ю. Брайчевский, Пастирський скарб 1949 р., «Археологія», т. VII, 1952, стр. 161—173.

Уже самый факт такого большого количества находок на городище металлических изделий наталкивал на мысль, что раннесредневековое поселение VI—VIII вв. н. э. у нынешнего с. Пастьрское, возникшее на месте существовавшего здесь ранее скифского городища, было в свое время одним из крупных центров по производству металлических изделий.

Однако до последнего времени на Пастьрском городище не было найдено каких-либо выразительных остатков металлообрабатывающего производства. Найдки, относящиеся к этому виду ремесла, ограничи-

вались глиняной льячкой, найденной в 1949 г. в верхней части заполнения землянки № 1, и некоторым количеством железных шлаков, обнаруженных у вала в северо-восточной части городища.

Одной из задач экспедиции 1955 г. было исследование участка в северо-восточной части городища, где, как предполагалось, можно было получить материал, характеризующий ремесленную деятельность жителей раннесредневекового поселения. Заложенный в этом месте раскоп действительно дал новые интересные материалы, связанные с древней металлургией и обработкой металлов.

Наибольший интерес представляют остатки кузницы, обнаруженные в средневековом слое городища.

Рис. 1. Положение кузнецких инструментов в момент открытия.

клиникой длиной 3,7 см, служивший для упрочнения насадки молотка на рукоять.

4. Большие кузнецкие клещи, служившие для удержания и поворачивания на наковальне раскаленного железа при изготовлении крупных предметов. Состоят из двух половинок, скрепленных осью. Длина 41 см (рис. 2, 1).

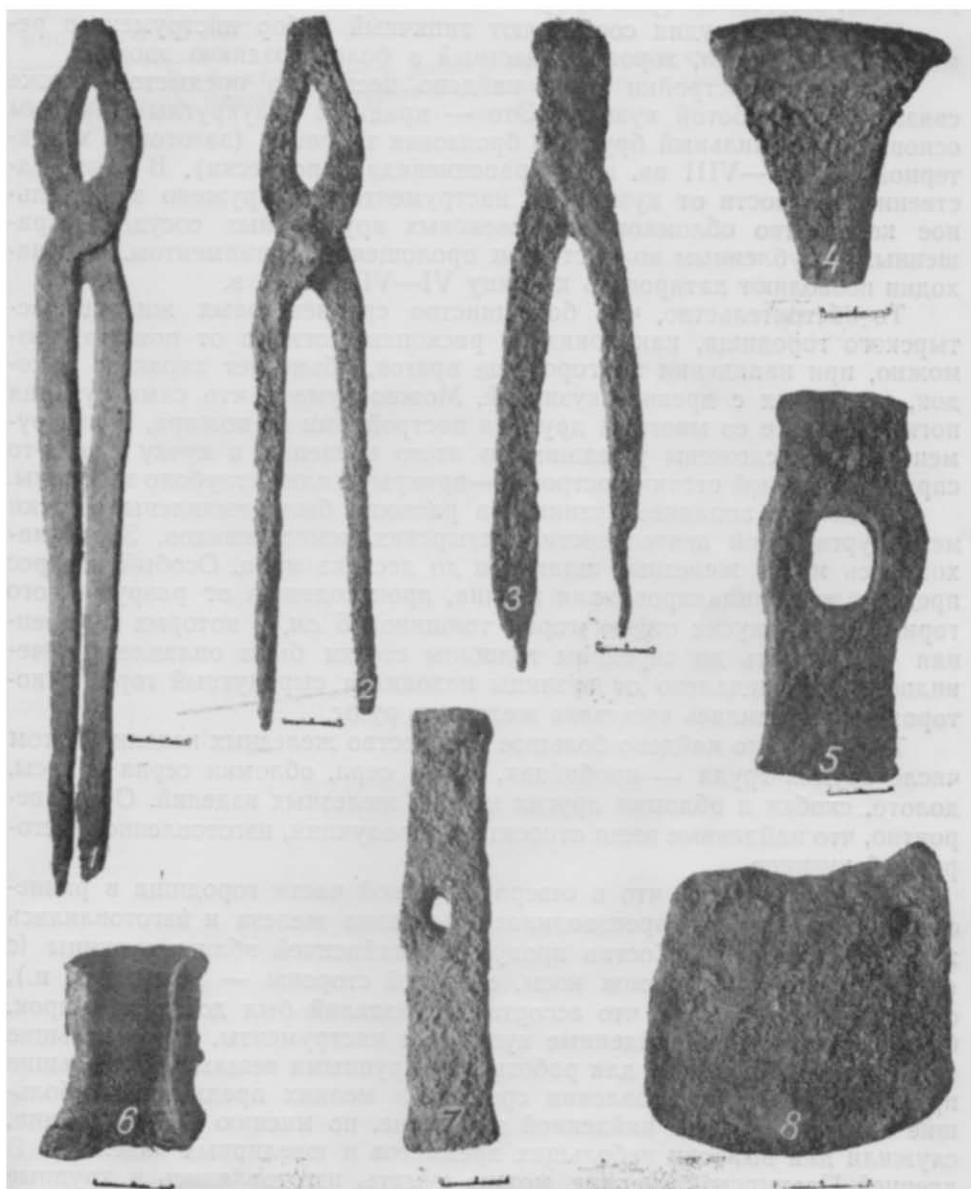

Рис. 2. Инструментарий кузницы Пастырского городища.

5. Малые кузнецкие клещи, такого же типа, как и большие. Применялись при изготовлении средних и мелких изделий. Длина 25 см (рис. 2, 2).

6. Ножницы для резания металла. Шарнирные, как и клещи, состоят из двух половинок, соединенных осью. Один из концов ножниц

раздвоен; он служил, можно думать, для загибания изготавляемых предметов. Длина 23 см (рис. 2, 3).

7. Обломок зубила (?). Обломок орудия, почти прямоугольной формы, треугольный в сечении. Оканчивается несколько закругленным лезвием. Размеры обломка 7×6,5 см (рис. 2, 8).

8. Втулка железного орудия, сделанная путем загиба краев железного листа в продольном направлении в верхней части предмета. Размеры: 5,5×4,5 см (рис. 2, 6).

Найденные орудия составляют типичный набор инструментов ремесленника-кузнеца, хорошо известный в более позднюю эпоху.

В завале постройки было найдено несколько предметов, также связанных с работой кузнеца. Это — крица, с полукруглым нижним основанием, точильный брусков и бронзовая трапеция (заготовка характерной для VI—VIII вв. н. э. трапециевидной подвески). В непосредственной близости от кузнечных инструментов обнаружено значительное количество обломков средневековых кружальных сосудов, украшенных углубленным волнистым и пролощенным орнаментом. Эти находки позволяют датировать кузницу VI—VIII вв. н. э.

То обстоятельство, что большинство средневековых жилищ Пастырского городища, как показали раскопки, погибло от пожара, возможно, при нападении на городище врагов, объясняет характер находок, связанных с древней кузницей. Можно думать, что сама кузница погибла вместе со многими другими постройками от пожара, а инструменты были сложены ушедшими до этого кузнецом в кучку и как-то спрятаны у самой стени постройки—прикрыты или неглубоко закопаны.

Несколько западнее кузницы, в раскопе, были выявлены остатки металлургической деятельности пастырских ремесленников. Здесь находилось много железных шлаков и до десятка криц. Особый интерес представляет ошлакированная печина, происходящая от разрушенного горна. Это — куски стенок горна толщиной 5 см, у которых внутренняя поверхность до середины толщины стенки была оплавлена. Очевидно, где-то недалеко от кузницы находился сыродутный горн, в котором производилась выплавка железа из руды.

Там же было найдено большое количество железных изделий, в том числе орудия труда — пробойник, ножи, серп, обломки серпа и косы, долото, скобки и обломки других мелких железных изделий. Очень вероятно, что найденные вещи относятся к продукции, изготовленной в сгоревшей кузнице.

Можно полагать, что в северо-восточной части городища в раннесредневековое время производилась выплавка железа и изготавливались железные предметы. Состав продукции, найденной вблизи кузницы (с одной стороны — обломок косы, с другой стороны — ножи, и т. п.), свидетельствует о том, что ассортимент изделий был довольно широк. Об этом говорят и найденные кузнечные инструменты. Если большие клещи предназначались для работы над крупными вещами, то меньшие применялись при изготовлении средних и мелких предметов. Небольшие наковальни, типа найденной в кузнице, по мнению Б. А. Колчина, служили для выковки небольших предметов и ювелирных изделий⁶. В древней Пастырской кузнице, можно думать, изготавливались и крупные орудия труда и небольшие изделия, а, возможно, и украшения.

Открытая на Пастырском городище кузница с полным набором инструментов представляет большой интерес. Найденные инструменты являются наиболее древними известными сейчас кузнечными орудиями на восточнославянских землях. До их находки орудия кузнецов были

⁶ Б. А. Колчин, Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, МИА, № 32, стр. 57.

известны лишь начиная с эпохи древней Руси; в более ранних археологических памятниках находки этого типа обнаружены не были.

По своей форме пастырские кузнечные инструменты вполне аналогичны более поздним древнерусским кузнечным орудиям. Они составляют характерный для древней Руси набор орудий кузнеца⁷. Пастырские находки свидетельствуют о том, что уже в VI—VIII вв. н. э. население Среднего Поднепровья выработало хорошо приспособленную для работы форму кузнечных инструментов, просуществовавшую впоследствии в кустарной русской промышленности почти без изменений многие сотни лет.

⁷ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 94, 133—137, рис. 13; Б. А. Колчин, Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, МИА, № 32, стр. 57—66.

КОЛОКОЛА ДРЕВНЕГО ГОРОДЕСКА

Р. И. ВЫЕЗЖЕВ

На территории с. Городска, Коростышевского района, Житомирской области, расположены три городища, принадлежащие древнерусскому городу Городеску, который, по сообщению Ипатьевской летописи, был в 1257 г. взят войсками князя Даниила Галицкого во время его похода против городов, перешедших под власть татар¹. Археологические исследования установили, что город был частично сожжен, покинут жителями и жизнь на его городищах после указанных событий прекратилась.

Рис. 1. Колокол из Городска с латинской надписью.

Яма, в которой найден колокол, была в плане почти круглой формы, размером $2,90 \times 2,70$ м, вырыта на глубину 1,45 м от современной поверхности. Стены ямы вертикальные, дно плоское. Колокол стоял на дне ямы около юго-восточной стенки. Яма заполнена гумусированным

¹ «Летопись по Ипатьевскому списку», СПб., 1871, стр. 555.

² Целый колокол найден автором этой статьи при раскопках городища в 1957 г. Обломки от двух колоколов обнаружены при исследованиях городища в разные годы А. Дмитриевской, М. Ю. Брайчевским и автором.

Рис. 2. Латинская надпись на колоколе.

Рис. 3. Средневековые немецкие колокола.
1 — XI в.; 2 — конец XII—XIII вв.; 3 — конец XIII—XIV в.; 4 — 1350 г.—XX в.
(по Курту Гюбнеру).

слоем в котором найдены обломки древнерусской посуды, небольшие обломки керамического жернова, два обломка сопел от железоплавильного сыродутного горна, каменный точильный брускок, резец для выделки ложек, железный нож, железный рыболовный крючок, гвоздь и фрагменты стеклянных браслетов.

Найденный колокол имеет приземистую форму (рис. 1), весит 19,4 кг. Высота его 30 см, а вместе с ухом — 43 см, диаметр колокольного отверстия по наружному краю — 34,5 см. Язык у колокола

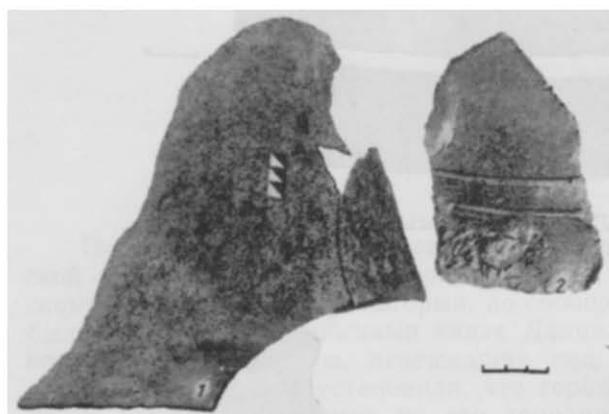

Рис. 4. Куски второго (1) и третьего (2) колоколов из Городска.

Рис. 5. Обломок ручки бронзовой ложечки XII—XIII вв.

1 — лицевая сторона;
2 — обратная сторона.

отсутствовал. В верхней части, на высоте 27 см от его основания, располагалась по всей окружности, в виде узкой ленты, латинская надпись, составленная из букв капитулльного письма, высотой 2,8 см каждая (рис. 2): GODEFRIDUS. ISTUT. VAS. TITULAVIT. Дословный перевод надписи: «Готфрид этот сосуд (орудие) назвал».

Эта надпись станет понятной, если учесть, что начиная с X в., при папе Иоанне XIV, был введен ритуал крещения колоколов именами святых, существующий в Западной Европе до настоящего времени. Поэтому надпись следует читать «Готфридом этот сосуд назван». Судя по этому имени, колокол был отлит в Германии. В Западной Европе колокола до Миланского эдикта 313 г. не отливались, т. к. христианами при богослужении не применялись.

Лишь в царствование Карла Великого (742—814 гг.) мастерство литья церковных колоколов достигло большого расцвета, превратившись в самостоятельное ремесло. Самые древние колокола, известные в Германии, датируются XI в. Они имеют небольшие размеры и приземистую, ульевидную форму (рис. 3, 1). Около 1200 г. появляется на смену новая форма колокола в виде «сахарной головы» (рис. 3, 2). Обе формы колоколов не обладали достаточно хорошим звуком и поэтому в конце XIII в. возникла третья форма, как синтез двух более ранних форм (рис. 3, 3). В 1350 г. в Западной Европе возникла форма колокола многоголосного звучания (рис. 3, 4), существующая по настоящее время³.

Сопоставление колокола, найденного на «Малом городище», с фотографиями немецких колоколов описанных выше форм позволяет считать наш колокол аналогичным немецким колоколам приземистой улье-

³ Об истории западноевропейских колоколов см. Кирт Ньюпег, Die Bronzeglocke, Urania, Heft 6, Leipzig, Jena, 1957. Из этой работы взяты фотоснимки немецких колоколов, публикуемые в настоящей статье.

видной формы, датируемых XI в. Следует отметить, что колокола XI в. сохранились в небольшом количестве; на родине их изготовления, в Германии, известно не более 15 экземпляров таких колоколов⁴. На территории Киевской Руси колокола аналогичной формы изредка встречались⁵, но без надписей.

От второго колокола на городище найдены три куска, из них два соединились и составили около половины колокола, но без верха (рис. 4, 1).

Сохранившаяся часть колокола позволила установить его размер и форму. Размер его небольшой, как и колокола с надписью (диаметр колокольного отверстия по наружному краю составляет 34 см). Форма, аналогичная немецким колоколам XII в. в виде «сахарной головы» (рис. 3, 2), определяет его датировку и происхождение. На колоколе никаких надписей или рельефных изображений нет.

Кроме двух описанных колоколов, на «Малом городище» был найден небольшой кусок стенки с краем колокольного отверстия от третьего колокола (рис. 4, 2).

На стенке имеется частично отломанное рельефное изображение круга. Незначительные данные об этом колоколе не позволяют высказать какие-либо суждения о его датировке и месте, где он был отлит — в Киевской Руси или в Западной Европе.

Обнаруженные на «Малом городище» колокола дают полное основание считать, что на этом городище в XI—XII вв. существовала церковь. На это также указывает найденный на городище обломок ручки бронзовой ложечки для принятия причастия⁶. Обломок ручки представляет фигуру человека (голова отломана) в длинной одежде, держащего обеими руками крест (рис. 5, 1—2). Фигура исполнена в романском стиле, предположительно французским мастером и может быть датирована XII—XIII вв.⁷ Аналогии этой фигурке нам неизвестны.

Церковь, видимо, представляла бревенчатую, срубную, наземную постройку, от которой не могли сохраниться какие-либо строительные остатки. Поэтому о местоположении церкви можно высказать только предположение, что она находилась в южной части городища, где имелась свободная от застройки площадь, вблизи постройки, в углубленной части которой был найден описанный выше колокол с латинской надписью.

⁴ Состав сплава немецких колоколов XI в.—78% меди и 22% олова.

⁵ Такой колокол найден в Киеве на ул. Хоревой. См. «Древности Приднепровья», вып. VI, К., 1907, табл. XLII, № 599.

⁶ Найдена автором при раскопках «Малого городища» в 1957 г.

⁷ Автор признателен Э. А. Лапковской за определение фигурки.

К ВОПРОСУ О КРЕПОСТНЫХ СТЕНАХ XII в. КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

В. А. БОГУСЕВИЧ

Во время раскопок 1951 г. на территории музея-заповедника «Киево-Печерская лавра» были открыты остатки каменной оборонительной стены (рис. 1), построенной в 80—90-х годах XII в. при игумене Василии (1182—1197).

Работая над дальнейшим исследованием памятника, мы сочли необходимым дополнить первую публикацию¹ новыми материалами и выводами.

Одним из вопросов, которым посвящена настоящая статья, является вопрос о длине лаврской каменной стены XII в. С. В. Бессоновым на основании данных письменного источника о протяженности лаврской стены «на два стрельбища»² было высказано мнение о том, что длина стены Печерского монастыря составляла 200 саженей, т. е. 400 м³.

Однако целый ряд данных свидетельствует о том, что рассматриваемая стена была гораздо длиннее. Оказалось, что определение С. В. Бессонова протяженности двух «перестрелов» из лука не соответствует данным, полученным при археологических раскопках стены Печерского монастыря, когда было установлено, что лишь часть ее западного фасада имеет длину 135 м. В целом длина западного фасада лаврской крепости была во всяком случае не меньше 200 м. Исходя из этого можно предположить, что длина всех четырех фасадов каменной крепости XII в. в Верхней лавре составляла 800—1000 м. Эти соображения подтверждаются историческими данными о большой дальности стрельбы из лука. В древней Ольвии рекордная дальность полета стрелы была равна 282 оргиям, т. е. 521,6 м⁴. Известно, что в эпоху Римской империи стрелу из лука пускали на расстояние 400—500 м. Из английского длинного лука можно было стрелять на расстояние около 600 м⁵.

¹ Предварительное сообщение об исследовании этого памятника см.: Ю. С. Асеев, В. А. Богусевич, Военнооборонні стіни XII віку в Києво-Печерській лаврі, «Вісник Академії архітектури УРСР», 1951, № 4.

² «Киевский Синопсис, или краткое собрание от различных летописцев о начале славянороссийского народа...», К., 1836, стр. 93.

³ Там же, стр. 42; см. также: С. В. Бессонов, Архитектура Киево-Печерской лавры (рукопись), стр. 60.

⁴ Б. Н. Граков, Техника изготовления металлических наконечников стрел у скіфов и сарматов, «Труды секции археологии», РАНИОН, вып. V, М., 1930, стр. 71; Э. Р. Штерн, Новый эпиграфический материал, найденный на юге России, ЗООИД, т. XIII, стр. 12—17, ИРЕ, № 195.

⁵ Жак де Морган, Доисторическое человечество, ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. 164.

Можно думать, что и русские стрелки XII—XIII вв. стреляли из лука на такое же расстояние. Это подтверждает мнение об общей длине лаврской оборонительной стены XII в., равной 800—1000 м.

Чрезвычайно важные и ранее не использованные сведения о строительстве лаврской каменной стены XII в. содержатся в письме неизвестного автора конца XII в. к игумену Печерского монастыря Василию: «Ты создал стены каменьны около всего пещерского монастыря на тверде основе высоки и красны и первое же изобрел сей багательство, также огнем и плиту строил еси, водою же калом свершил

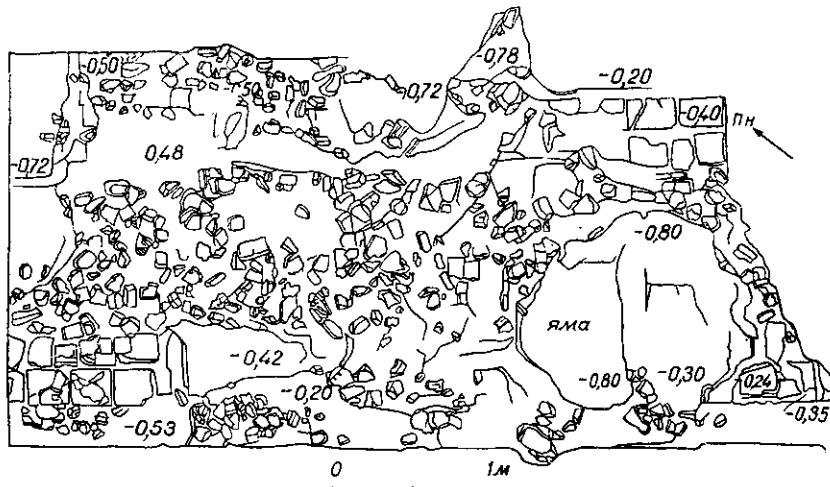

Рис. 1. Остатки каменной оборонительной стены XII в. в Киево-Печерском монастыре (Митрополичий сад).

еси»⁶. Этот текст повествует о том, что игумен Василий сначала собрал средства, а потом организовал производство кирпича и построил (на известии) стены монастырской крепости. Это свидетельствует о том, что Печерский монастырь во второй половине XII в. имел свое производство кирпича.

Одним из важнейших результатов раскопок 1951 г. является установление характера строительной техники Троицкой надвратной церкви, устройства ее фундаментов, а также отношение ее к крепостной стене конца XII в.

Во время раскопок было установлено, что кладка стен Троицкой церкви относится к смешанному типу и сделана из кирпича, булыжного камня и извести. На внешней поверхности стены чередуются ряды кирпича, положенные «заподлицо», с рядами, «утопленными» и затертыми раствором. Размеры кирпичей главным образом следующие: 37×27×4 см и 44—41×28×4 см. Такие размеры характерны для кирпичей Успенского лаврского собора (1074—1075).

Фундамент Троицкой церкви сделан из больших булыжных камней и заложен от уровня земли времени строительства церкви на 1,36 м.

⁶ «Прибавление к изданию творений святых отцов», ч. 10, М., 1851, стр. 348, 349. См. также: «Макарий митрополит Московский», «История русской церкви», т. III, СПб., 1888, стр. 6. Автором этого памятника древнерусской письменности С. В. Бессонов считает епископа Кирилла Туровского (ук. соч. стр. 60), однако это представляется маловероятным, так как названный церковный писатель умер в 1182 г. (И. П. Еремин, Литературное наследие Кирилла Туровского, Труды отдела древнерусской литературы, т. XI, М—Л., 1955, стр. 342, 345), когда оборонительная стена Печерского монастыря не могла быть законченной и, по-видимому, даже не могла быть начата постройкой.

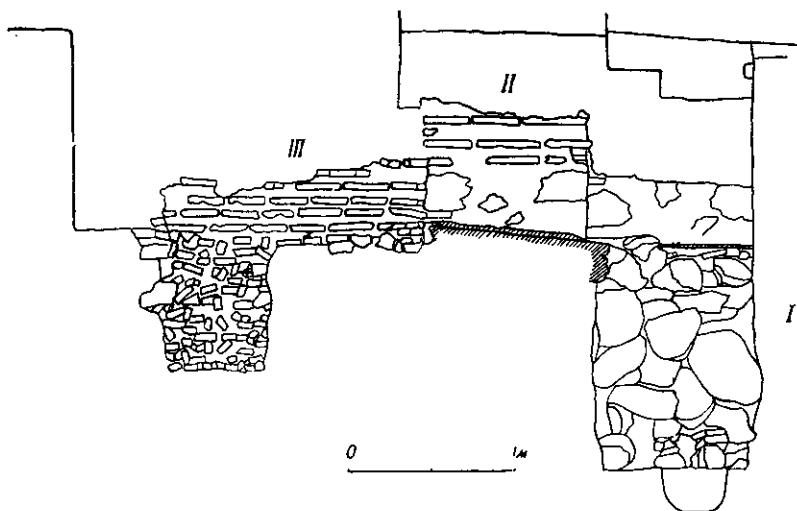

Рис. 2. Профиль северной стенки раскопа у южной стены Троицкой церкви.
(Обмер Е. Д. Корж.)

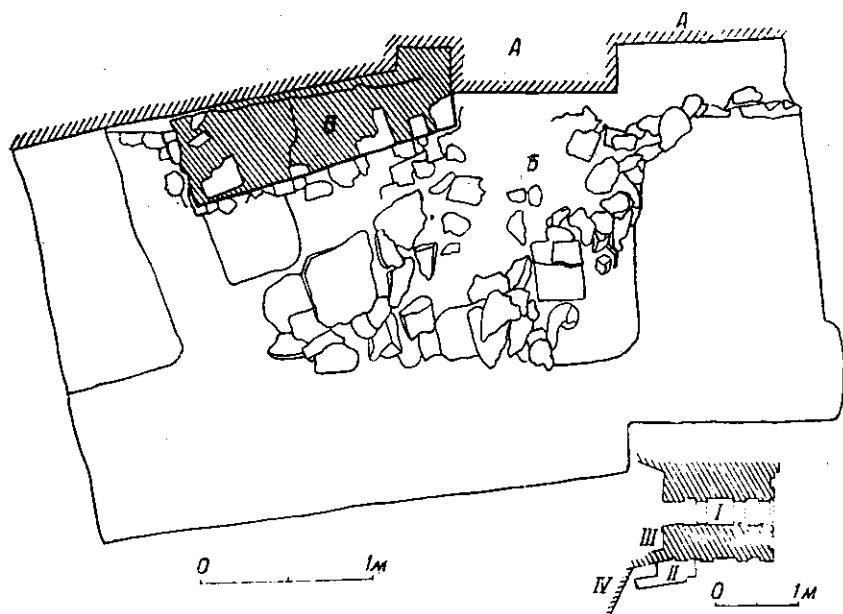

Рис. 3. План раскопа у южной стены Троицкой церкви. (Обмер Е. Д. Корж.)
A — южная стена Троицкой церкви начала XII в.; B — кирпичная и каменная вымостка у южной стены Троицкой церкви; C — крепостная кирпичная стена конца XII в. I—план нижнего (проездного) этажа Троицкой церкви начала XII в. II — план раскопа у южной стены Троицкой церкви. III — крепостная стена конца XII в. IV — 6-й корпус Лавры.

На глубине 1,25 м от современной поверхности находится козырек, сложенный из мелкого булыжника и залитый розовым раствором. Козырек выступает от стены церкви на 45 см. Толщина его по вертикали достигает 40 см. Таким образом, характер кладки, размеры кирпичей и структура фундамента позволяют датировать постройку лаврской Троицкой церкви концом XI в. или началом XII.

Очевидна разновременность сооружения Троицкой надвратной церкви и оборонительной стены, построенной позже церкви. Оба сооружения имели различные типы кладки. Фундамент крепостной стены, которая примыкала к Троицкой церкви, состоял из битого кирпича и

Рис. 4. Оборонительная стена конца XII в. у юго-западного угла Троицкой церкви.

извести и был заложен на глубину 0,75 м от уровня земли XII в. Наземная часть стены, хорошо сохранившаяся на данном участке (рис. 2), состояла из шести рядов кирпичной кладки высотой в 40 см⁷.

В 1957 г. во время работ по реставрации Никольской больничной церкви конца XVII в., находящейся к северу от Троицкой, у юго-западного угла Никольской церкви, в шурфе (размером 2×1,5 м) была обнаружена нижняя часть оборонительной стены XII в.

Оказалось, что западная стена церкви конца XVII в. поставлена на остатки крепостной стены XII в.

Обнаруженный в 1957 г. участок этой стены, находящийся на расстоянии 30 м к северо-западу от Троицкой церкви, позволили установить конфигурацию оборонительной стены Печерского монастыря в этом месте. Стена здесь выступала вперед перед западным фасадом Троицкой церкви так же, как и к юго-западу от нее, что было установлено еще раскопками 1951 г. (рис. 3 и 4). Сообщение Синопсиса о разрушении Печерского монастыря в 1240 г. татарами⁸ нашли свое

⁷ Более подробная характеристика кладки стены дана в ее первой публикации: Ю. С. Асеев, В. А. Богусевич, ук. соч., стр. 40—41.

⁸ «Киевский Синопсис, или краткое собрание от различных летописцев о начале славянороссийского народа...», стр. 125.

подтверждение во время археологических раскопок 1951 г. В саду музея-заповедника на глубине 0,6 м на протяжении 6 м к западу от фундамента лежал слой (в один ряд) кирпичей стены XII в., которая, можно думать, в древности достигала 6 м высоты.

Разрушение крепостной стены красноречиво свидетельствует о событиях 1240 г., когда татары применили стенобитные машины и разрушили эти стены. Не только стены Киевской крепости у Лядских ворот⁹, а затем у Десятинной церкви защищали киевляне, которые оказали героическое сопротивление татарам. Каменная крепость Печерского монастыря была также разрушена татарами в результате ожесточенного сражения. 1240 год, таким образом, является временем гибели стен Печерского монастыря.

Крепость, построенная в конце XII в. Киево-Печерским монастырем, была самой большой и сильной русской каменной крепостью того времени¹⁰. Археологическое исследование ее остатков свидетельствует, что они имеют первостепенное значение для истории русской военно-оборонительной техники X—XIII вв.

⁹ П. П. Єфіменко, В. А. Богусевич, Кріость Ярослава Мудрого в Києві, «Вісник АН УРСР», 1952, № 12.

¹⁰ Глубоко ошибочным оказывается мнение П. А. Раппопорта (П. А. Раппопорт, Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв., МИА, № 52, 1956, стр. 117) о том, что нет основания рассматривать мощные каменные стены Киево-Печерского монастыря «как собственно военные сооружения». П. А. Раппопорт совершенно несправедливо приуменьшает военное значение лаврской крепости XII в., неправильно считая ее в первую очередь декоративным сооружением.

«ПЛЕСНЕСК» «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД ПЛЕСНЕСК

М. П. КУЧЕРА

В литературном памятнике древней Руси — поэме «Слово о полку Игореве» встречается несколько так называемых темных мест, которые еще не имеют в науке единого толкования. К числу этих мест, в частности, принадлежит следующий текст в повествовании о вещем сне князя Святослава, который он видит в Киеве накануне пленения Игоря половцами: «Всю нощь с вечера босуви врани взграяху у Плеснъска на болони беша дебрь Кисаню, и не сошли к синему морю»¹.

Со времени первого издания «Слова» (1800 г.) толкование этого текста в литературе имеет целую историю. Долгое время предлагали вместо «босуви» прилагательное «бесовы», т. е. дьявольские². Отдельные исследователи усматривали в этом слове имя половецкого хана Буса³. В последнее время высказаны доводы в пользу значения этого слова как прилагательного «серые»⁴.

Замена выражения «не сошли» на «несошася» считается палеографически оправданной и в литературе сомнений также не вызывает⁵.

Географическое название «Плеснеськ» отождествлялось первыми издателями «Слова» с летописным «Плеснеском» — городом в Галицко-Волынской земле⁶. Такого совершенно справедливого мнения придерживались и некоторые из последующих исследователей⁷. Правда, многие поэты обращались с этим термином свободно⁸.

В последнее время предложено иное, как мы увидим ниже, ничем не обоснованное толкование «Плеснеська» «Слова»⁹. Согласно ему уродище «Плеснеськ» находилось в самом Киеве.

«Дебрь Кисаню» имеет несколько толкований. Общепризнан взгляд, согласно которому отрицается имя собственное в этом выражении. Исследователи считают, что «Дебрь Кисаня», как непонятное слово

¹ Из оригинала первого издания 1800 г. См. «Слово о полку Игореве» под ред. В. П. Адриановой-Перетц, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 33.

² Д. С. Лихачев, Комментарий исторический и географический, «Слово о полку Игореве», стр. 427.

³ Роман Заклинський, Пояснення одного темного місця в «Слові о полку Ігоревім», Львів, 1906, стр. 15.

⁴ Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 427.

⁵ Василь Шурат, Вид Пліснеська в «Слове о полку Игореве», Львів, 1919, стр. 6.

⁶ «Слово о полку Игореве», стр. 23.

⁷ Василь Шурат, ук. соч., стр. 7, 17; Роман Заклинський, ук. соч., стр. 20.

⁸ «Слово о полку Игореве», стр. 131, 161, 162, 212.

⁹ Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 427; Н. В. Шарлемань, Дебрь Кисаню-Дебрь Киянь, «Слово о полку Игореве», сб. исследований и статей, Изд-во АН СССР, 1950, стр. 211.

поэмы, возникло путем неудачных исправлений текста или просто является ошибкой переписчиков¹⁰. Большинством изданий «Слова» предлагается такой текст: «...у Плеснеска на болони беша дебрьски сани и несочася к синему морю»¹¹. Соответственно тому, как исследователи понимали выражение «дебрьски сани», были сделаны различные фантастические варианты перевода, вроде: «...у Плеснеска на болони избивали лесных (подколодных) змей и несли их к синему морю»¹². Согласно другим исследователям неслись к синему морю то сани, то сами киевляне¹³.

Недавно был предложен иной вариант толкования выражения «Дебрь Кисаню». Н. В. Шарлемань считает, что «Дебрь Кисаню» — исаженная «дебрь Киянь», и что была она в овраге под горами киевскими, на которых стоял терем Святослава¹⁴. Однако мысль об искаjении выражения «дебрь Киянь» оказывается слишком смелой, поскольку существование в древнем Киеве такого урочища нам неизвестно. Как можно было исказить «Киянь» на «Кисаню», когда переписчикам реальное содержание «Кияни» известно было не хуже, чем нам? Скорее могли исказить «Кисань» или другой термин, но не «Киянь».

Имеются серьезные основания считать термин «Кисаню» подлинным. В. Щурат выражение «беша дебрь Кисаню» считает равнозначным выражению «беша в дебри Кисани», ссылаясь при этом на другие подобные примеры «Слова». Так, в описании плача Ярославны повторяется: то она «плачет в Путивле», то «плачет Путивлю городу»¹⁵. Таким образом, предложный падеж в тексте «Слова» передается двумя способами: с предлогом и без него. В последнем случае существительное принимает окончание «ю» («беша дебрь Кисаню»). Следовательно, грамматически мы не имеем оснований подвергать сомнению подлинность этого слова. Тем более, ничем не оправдана замена в нем букв, предложенная Д. С. Лихачевым лишь на том основании, что переписчиками «я» вполне могло быть принято за «ю», а в целом «Кияня» — за «Кисаню»¹⁶.

Лишив выражение «Дебрь Кисаню» предложного падежа, Д. С. Лихачев сделал и стилистически неправильный перевод, не свойственный поэтическому мастерству «Слова». В предложенном им переводе вышеприведенного текста единая мысль автора «Слова» оказалась несвязной: «Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесеньска (под Киевом), в предградье стоял киевский лес, и понеслись (они — вороны) к синему морю (на юг, к месту печальных событий)»¹⁷.

Стойность мысли автора «Слова» искусственно прерывается неуместным «киевским лесом», в результате чего связь между первым и третьим предложениями устраивается, и без дополнительных пояснений не ясно, кто же понесся к синему морю. Далее, «Кисань» звучит как имя собственное и нет оснований заменять его прилагательным «киевский». Если бы в действительности, как предлагает Д. С. Лихачев, упомянутые выше события, явившиеся во сне Святославу, происходили в Киеве, то зачем тогда понадобилось подчеркивать в выражении «в предградье стоял киевский лес» слово «киевский»? Иного леса, чем киевского, в киевском предградье быть не могло. Следовательно,

¹⁰ М. В. Щепкина, К вопросу о неясных местах «Слова о полку Игореве» «Слово о полку Игореве», сб. исследований и статей, стр. 192.

¹¹ Н. В. Шарлемань, ук. соч., стр. 209.

¹² М. В. Щепкина, ук. соч., стр. 195.

¹³ Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 427.

¹⁴ Н. В. Шарлемань, ук. соч., стр. 211.

¹⁵ Василь Щурат, ук. соч., стр. 6.

¹⁶ Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 426.

¹⁷ Д. С. Лихачев, «Слово о походе Игоря, сына Святославова, внука Олегова» (объяснительный перевод), «Слово о полку Игореве», стр. 89.

доказательства о связи «дебри Кисани» с Киевом отсутствуют. Тем более необоснованно искать в Киеве «Плеснеськ».

В пользу киевского «Плеснеська» Н. В. Шарлемань предложил следующие доводы: «Я предполагаю, что Плесеньск был там, где в середине XIX в. была «Плоская часть». Народ называл эти урочища Плоское или Плеске, очевидно, потому, что здесь холмы носили характер плоскогорья: на вершинах их были ровные пространства... Урочищ Плоских или Плеских вокруг Киева к нашему времени сохранилось немало»¹⁸.

Эти неопределенные доводы воспринял Д. С. Лихачев при издании упомянутого текста «Слова о полку Игореве»¹⁹. Доводы эти опровергаются тем, что в оригинале «Слова» написано «Плеснеськ» (Плесньск), а не «Плесеньск», как без всяких объяснений пишут Н. В. Шарлемань и Д. С. Лихачев в приведенных нами цитатах. Но от «Плесньска» до «Плоского» также еще далеко. Для отождествления этих терминов нужны промежуточные звенья. Так же неосновательно отождествляется в указанных работах «Плоское» с «Плеским». Н. В. Шарлемань ни одного урочища «Плеска» в Киеве не привел, что вообще ставит под сомнение их существование. Пытаясь привести конкретный пример, он ссылается на Закревского и пишет: «Плеским называли северо-западную часть Подола»²⁰. Но это все же «Плоское», а не «Плеске».

Указание Н. В. Шарлеманя на наличие в Киеве «болони»²¹ также не может служить подтверждением его доводов. Термин «болонь», в значении окраины города вообще, имел в древней Руси довольно широкое распространение. Именно выражение «у Плеснеська на болонии» свидетельствует, в первую очередь, о том, что «Плеснеськ» «Слова» — город, а не урочище Киева.

Принципиальная ошибка указанных исследователей заключается в том, что они ищут «Плеснеськ» в Киеве, где его никогда не было. В действительности, «Плеснеськ» «Слова» следует усматривать в летописном городе «Плеснеськ», от которого сохранилось до наших дней большое древнерусское городище площадью около 160 га, расположенное в верховьях Западного Буга (возле с. Подгорцы, Олесьского района, Львовской обл.).

Отождествление этого городища с древнерусским городом Плеснеськом подтверждается целым рядом фактов. Так, местоположение городища целиком соответствует летописным данным о местоположении Плеснеська; древний монастырь, существовавший на городище до 1946 г., сохранял за собой название «Подгорецкий, древле именуемый Плесницкий»; несколько видоизмененное обстоятельствами времени имя древнего города сохраняет до наших дней расположенный в западной части городища хутор под названием Пліснесько (по-украински), Pleśnisko (по-польски).

Поэтому можно думать, что «Плеснеськ» «Слова» — это древнерусский город Плеснеськ.

В связи с этим заслуживает внимания, наконец, и наименование одной из частей Плеснеського городища. До сих пор там сохранилось название «Кисарки» («Кицарки»), которым местные жители именуют балку в юго-западной части городища. Несмотря на то, что сведения об этом в литературе имеются²², они, к сожалению, оказались забыты.

¹⁸ Н. В. Шарлемань, ук. соч., стр. 211.

¹⁹ Д. С. Лихачев, Комментарий исторический и географический, «Слово о полку Игореве», стр. 427. При этом Д. С. Лихачев, цитируя Н. В. Шарлеманя, передает его слова неточно.

²⁰ Н. В. Шарлемань, ук. соч., стр. 211.

²¹ Там же.

²² Василь Щурат, ук. соч., стр. 10—11.

тыми. Между тем, в современной «Кисарке» следует усматривать один и тот же корень, что и в древней «Кисани» «Слова».

Таким образом, текст «Слова», в котором упоминается Плеснесь, следует исключить из числа «темных мест», которых, возможно, не так уж и много в «Слове», как кажется некоторым исследователям. Акад. А. С. Орлов справедливо отмечает, что пониманию этих мест в «Слове» скорее мешает поэтическая лаконичность автора, чем ошибки переписчиков²³.

Цитированный выше отрывок текста «Слова», расставив по-иному в нем знаки препинания²⁴, следует дословно переводить так: «Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плеснеська на болони, были в дебри Кисани и понеслись к синему морю».

Упоминание «Плеснеська» в «Слове о полку Игореве» не могло быть случайным. Ко времени написания «Слова», во второй половине XII в., город, очевидно, имел уже широкую известность. Археологические исследования на городище, проводившиеся в последние годы²⁵, показали, что Плеснесь существовал с VII до XIII вв. В VII—X вв. он представлял собой поселение сельского типа. В конце X в. в его центральной части возникает феодальный замок. В конце XI — начале XII в. Плеснесь становится центром ремесла и торговли. Он превращается в крупный богатый город, который начинает играть важную роль в феодальных войнах по воссоединению галицко-волынских земель. С событиями этого времени связаны два упоминания Плеснеська в древнерусской летописи²⁶. Мощные оборонительные сооружения города, от которых сохранилось одиннадцать линий валов, вполне объясняют, почему он стал объектом воинской тематики «Слова». Следует отметить также, что упоминанию Плеснеська в «Слове» могло способствовать и то обстоятельство, что сам автор «Слова», согласно существующей в литературе и, на наш взгляд, наиболее достоверной гипотезе, был выходцем из Галичины²⁷.

В это время с городом связывались воспоминания о каких-то печальных событиях, хорошо понятных для современников, но весьма туманных для нас в поэтической форме «Слова». В истории Плеснеська подобные события известны. В 1188 г., например, здесь были пленены венграми отряды русских войск²⁸. Очевидно, аналогичные события ассоциировались народным поверью с перелетом ворон, и в этом значении, как вешатели несчастья, вороны выступают в приведенном тексте «Слова».

²³ А. С. Орлов, Слово о полку Игореве, Изд-во АН СССР, 1946, стр. 12.

²⁴ В Пушкинской рукописи (копии с оригинала, который ко времени первого издания «Слова» погиб) их не было. См. Д. С. Лихачев, Археографический комментарий, «Слово о полку Игореве», стр. 352.

²⁵ В послевоенный период раскопки на городище производились в 1946—1949 гг. (руководитель И. Д. Старчук), 1953 г. (руководитель В. К. Гончаров) и в 1954 г. (автором). См. И. Д. Старчук, Розкопки на городище Плеснесько, АП, т. I, К., 1949; его же, Розкопки городища Плеснесько в 1947—1948 pp., АП, т. III, К., 1952; его же, Розкопки на городище Плеснесько в 1949 р., АП, т. V, К., 1955; М. П. Кучера, Раскопки городища Плеснесько, КСИА, вып. 4, К., 1955. Результаты раскопок обобщены в кандидатской диссертации автора «Древний Плеснеськ».

²⁶ «Ипатьевская летопись», ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, СПб., 1908, стб. 661—662, стб. 770.

²⁷ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 204.

²⁸ «Ипатьевская летопись», стб. 661—662.

МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА У СКАЛЫ ОРЕЛ

A. V. БОДЯНСКИЙ

Во время археологических разведок 1955—1956 гг. в Днепровском Надпорожье автором обнаружена новая среднепалеолитическая стоянка, расположенная на левом берегу Днепра у скалы Орел, в 3 км к западу от с. Петро-Свищуново.

Скала Орел, являющаяся небольшим подкововидным мысом у правого устья балки Ясеноватой, вертикально обрывается (на 18 м к руслу старого Днепра). Выходы отвесных скал коренного берега здесь покрыты лессовыми породами, которые размываются высокими водами озера Ленина.

Находки мустерского времени собраны на поверхности размытого суглинка у северной окраины мыса. На площади стоянки сделана зачистка основания суглинков, которая дала следующую стратиграфию: 1) современные озерные отложения — 0,20—0,40 м; 2) плотный серо-желтый суглинок — 0,30—0,80 м; 3) тонкий слой серо-зеленоватых суглинков с примесью дресвы; лежит островками неровным слоем с клиновидными углублениями — 0,04—0,15 м; 4) красный и желто-коричневый суглинок, сохранившийся неровными пятнами, залегающими на белых суглинках — 0,05—0,30 м; 5) белый известковый суглинок, лежащий на неровной поверхности кристаллических пород, покрытых валунами и обломками камней, размером от галек до больших валунов.

Стратиграфически находки связаны с серо-зеленоватым и желто-красным суглинком (слой 3 и 4). Находки на площади стоянки обнаружены в наружной части культурного слоя на узкой полосе вдоль берегового изгиба на протяжении 125 м. Здесь собрано свыше 400 расщепленных кремней и орудий, а также иные находки, которые иногда залегали *in situ*. Среди последних имеется плитковидная галька с сильно сработанной насечками поверхностью, половина ракушки и плю и обломки костей ископаемых животных. Кости животных имеют серотемную пятнистую окраску.

Материалом для изготовления орудий служил главным образом качественный прозрачный кремень коричневых, темно-серых и других оттенков. Реже употреблялся матовый, непрозрачный темно-серый и светло-серый кремень, халцедонизированный кварцит и иные плотные кремнистые породы. Кремни не имеют окатанности и залегали в не-переотложенном состоянии. Они во многих случаях покрыты густой белой ровной патиной. Иногда патина покрывает только одну поверхность изделия. Единичные мустерские орудия совсем не патинизированы. Два мустерских кремня имеют следы действия огня. Большинство орудий изготавливалось на месте, но многие из них, по-видимому, принесены в готовом виде.

Нуклеусов обнаружено 12 экз. Наиболее типичными для стоянки являются примитивные призматические нуклеусы клектонского типа (рис. 2, 1). Найдено также по одному кубовидному и дисковидному нуклеусу. Длина нуклеусов от 2,5 см до 5,8 см, ширина от 2,4 см до 5,5 см.

Два нуклеуса изготовлены из темно-серого матового кремня, три из халцедонизированного кварцита, остальные из местного галечниково-коричнево-серого кремня. Почти все нуклеусы имеют одну склоненную ударную площадку. Отделение пластин производилось с одной стороны, а иногда и на боковой грани. Противоположная сторона нукле-

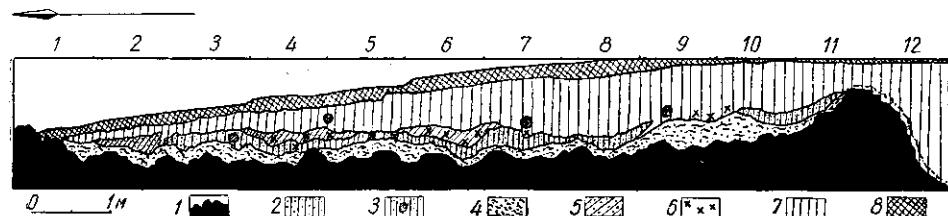

Рис. 1. Геологический разрез стоянки у скалы Орел.

1 — гранитная скала; 2 — красно-желтый суглинок; 3 — кротовины; 4 — белый туф; 5 — серо-зеленый суглинок; 6 — находки кремней; 7 — серо-желтый суглинок; 8 — ил современного озера.

уса чаще оставалась необработанной. Некоторые нуклеусы переработаны в режущие орудия. В коллекции имеется 10 краевых сколов от оживления площадок нуклеусов.

Пластин найдено 31 экз. Они короткие, чаще почти ровные, с неправильными гранями, довольно широкие, обычно расширяющиеся к концу (рис. 2, 2). Целых пластин 5 экз., остальные в обломках. Некоторые пластины имеют мелкую ретушь или носят следы употребления. Размеры целых пластин: длина от 2,4 до 7,6 см. Ширина от 1,4 до 2,8 см. Толщина от 0,3 до 0,7 см. Кроме того, есть обломок основания пластины типа леваллуа (рис. 2, 3). Последняя изготовлена из халцедонизированного кварцита с сильно выделенным ударным бугорком. Бока и обломанная часть — с зубчатой редкой ретушью, которая у основания переходит и на нижнюю плоскость.

Отщепов найдено 60 экз. По форме они округлые, удлиненные, треугольные. Ударный бугорок в большинстве случаев расположен по центру основания. Ударная площадка гладкая, редко с подтеской, склонена к нижней плоскости, которая имеет часто сильно выделенный ударный бугорок.

Остроконечники односторонней обработки (20 экз.) изготовлены из мустерьских треугольных широких и суженных тонких отщепов. Ударные площадки расположены у левого или правого угла и редко по центру отщепа (рис. 2, 4). Некоторые отщепы на одной из граней поверхности имеют следы корки или галечниковую окатанность. Обработаны остроконечники тщательно крупной высокой, а также тонкой пристраивающей рабочий край ретушью. Очертания этих изделий различны. Одни приближаются к равностороннему треугольнику с вытянутым в правую сторону углом и склоненным основанием (рис. 2, 5, 6, 7, 8). Ретушь по краю иногда переходит на нижнюю плоскость отщепа (рис. 2, 6). Выделяется остроконечник в форме высокого скребка (рис. 2, 9) и два остроконечника со склоненной крутой ретушью вершиной (рис. 2, 10). Преобладают остроконечники длиной 4—5 см.

Восемь остроконечников имеют двустороннюю обработку (рис. 2, 11—17). Один из них (рис. 2, 12) асимметричный, с тупым краем и склоненной направо вершиной. Два — имеют лавролистовидную форму (рис. 2, 13, 14). Их верхняя сторона выпуклая, нижняя почти плоская.

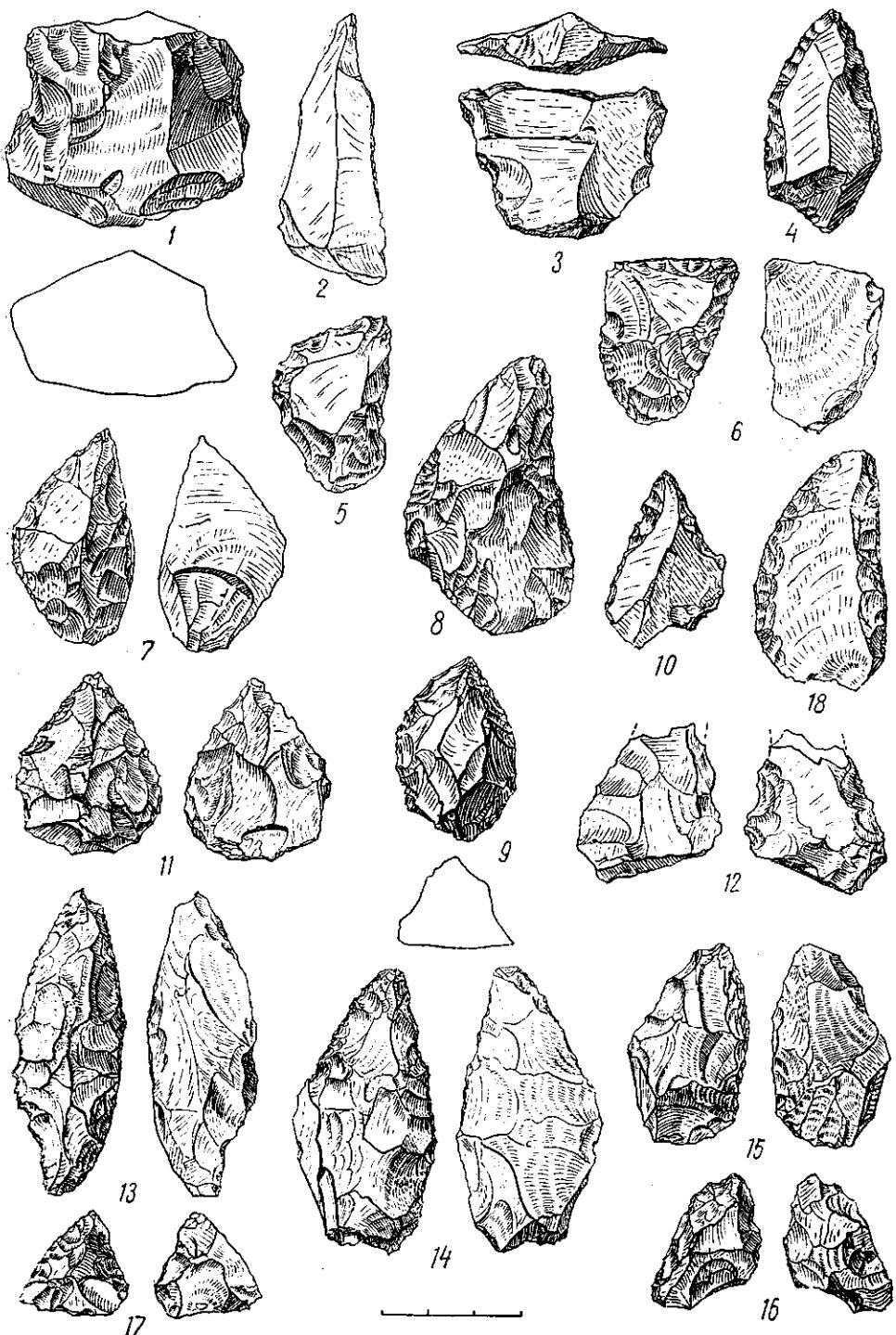

Рис. 2. Кремневый инвентарь из стоянки у скалы Орел.

Обращают на себя внимание два орудья, обработанные двусторонне: особый маленький остроконечник с выемкой у основания (рис. 2, 16) и миниатюрное орудьице треугольных очертаний (рис. 2, 17).

Скребла (11 экз.) изготовлены из грубых или более тонких первичных отщепов с коркою. Три из них напоминают мустерьеские остроконечники, но имеют ретушь только по одному ровному рабочему краю (рис. 3, 19). Остальные изделия этого типа (рис. 3, 20—23) имеют самые различные очертания (округлые, овальные, подквадратные).

Два скребла оваловидных контуров по виду напоминают дисковидные нуклеусы со сколами узких длинных фасеток. Особый интерес представляет один экземпляр скребла на короткой широкой пластине с ударным бугорком по центру и с мустерьеской отбивной площадкой. Вершина его тщательно ретуширована (рис. 3, 22). Мелкая ретушь проходит до самого основания орудия.

В коллекции имеются два скребка, но они, возможно, относятся уже к ранней поре верхнего палеолита (рис. 3, 24—25).

Найдено 4 экз. проколок. Они изготовлены на отщепах и на сечениях пластинки.

В коллекции выделяются изделия, которые можно назвать резаками (4 экз.). Два из них изготовлены на отщепах со скошенной ретушью вершиной (рис. 3, 26, 27).

Третий резак сделан из остроконечника типа высокого скребка. Его бока сужены сколами. С плоской поверхности от вершины к основанию нанесена боковая подтеска, заостряющая режущий край орудия. Размер его $3,7 \times 2 \times 2,2$ см. Четвертый дисковидный резак обработан с двух сторон круговыми сколами. Режущий конец орудия обработан тщательно мелкой подтеской. Размер орудия $4,8 \times 4 \times 2$ см.

Обнаружены также режущие орудия, изготовленные на пластинках и отщепах (рис. 3, 28).

На площади стоянки найдено также 5 резцов — 4 срединных и один угловой. Изготовлены они из качественного кремня, темно-сероватого, желтоватого с коричневым или кремовым оттенком; патинизированы ровной белой патиной или голубоватой частичной.

Один срединный резец сделан из односторонне обработанного остроконечника. Лезвие его сформировано боковыми сколами, край стамесковидный, очень острый с подтеской. Размеры $4 \times 3 \times 1,3$ см. Такой же резец изготовлен на высоком скребке.

Многофасеточный срединный резец имеет узкий резаковидный носок. Бока его ретушированы (рис. 3, 29).

Угловой резец изготовлен на узком со следами сколов отщепе. Вершина его сбита выемкой. Резцовый скол сделан на правом углу. Кремень покрыт ровной белой патиной. Размеры $3,8 \times 2,4 \times 0,7$ см. Один срединный резец представлен классическим образцом (рис. 3, 30). Он изготовлен на ограненном широком пластинчатом отщепе. Кремень светло-коричневый с частичной бело-голубоватой патиной. Резцовые сколы в форме длинных фасеток. Размеры $7,2 \times 3,5 \times 1,5$ см.

Найденные в комплексе четыре пиловидных орудия изготовлены из очень массивных округлых или слабо удлиненных отщепов с сильно выпуклым ударным бугорком. У основания они имеют широкую, скошенную без подтески ударную площадку линзовидного сечения.

По технике изготовления это самые архаические орудия. Но скорее они одновременны с мустерьесским комплексом. Эти отщепы, по-видимому, служили пиловидными орудиями для отшлифования и обработки различных деревянных изделий. Сделаны они из разного материала, в большинстве случаев из кварцита (рис. 3, 31).

Орудия с подтеской концов (6 экз.) изготовлены на случайных отщепах или обломках кремня разных очертаний и толщины. Подтеска.

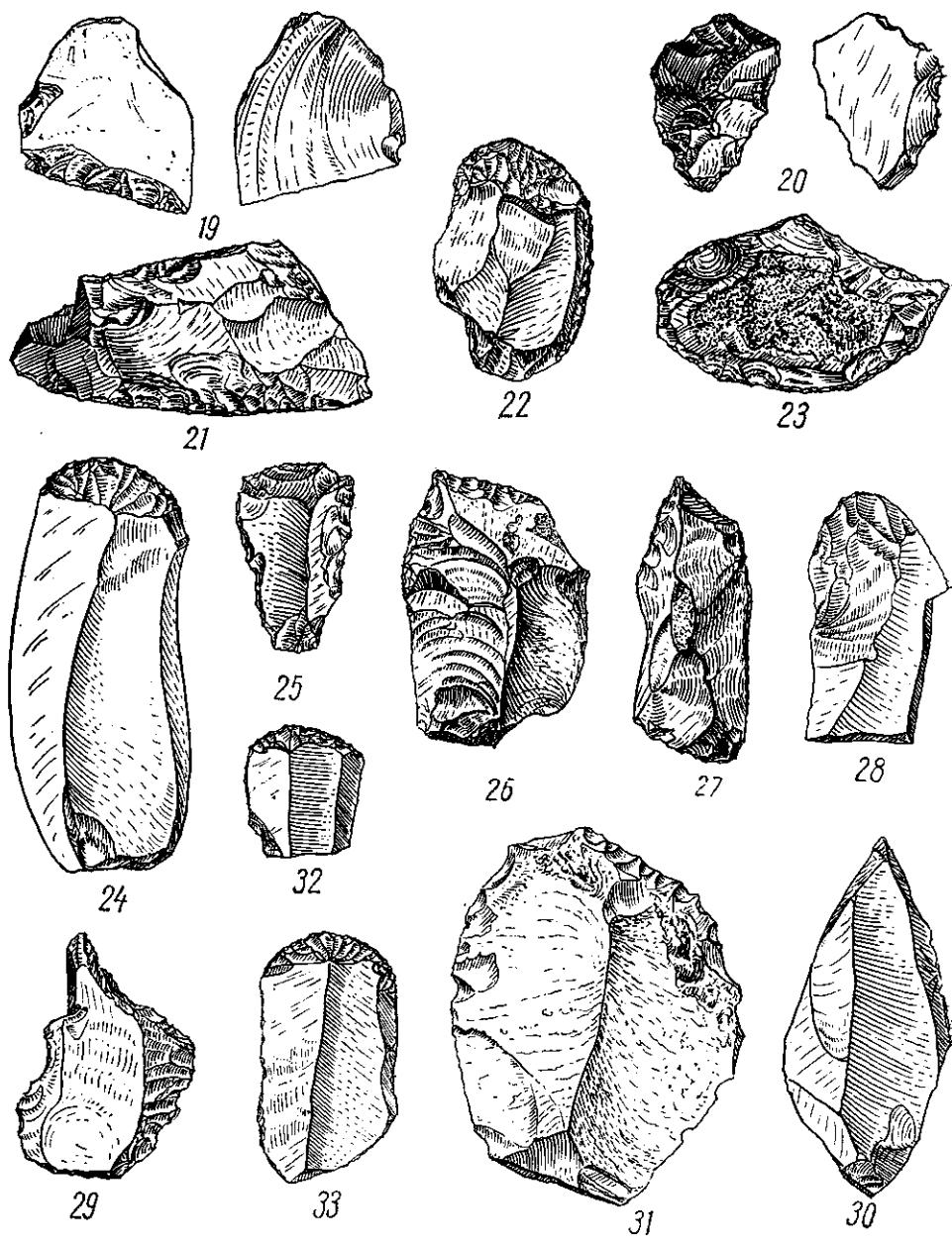

Рис. 3. Кремневый инвентарь из стоянки у скалы Орел.

их плоская с занозистой ретушью. Размеры от $3,1 \times 2,6 \times 0,8$ до $4,2 \times 3,1 \times 0,3$ см.

Из трех ретушеров два изготовлены из кремня и один на плоской широкой галечниковой плитке темно-зеленоватого шифера. Поверхность последней с двух сторон имеет углубленную сработанность в виде многочисленных мелких насечек.

Кремневые отжимники имеют разные размеры. Один, маленький, изготовлен на узком треугольного сечения массивном отщепе, все грани которого смяты и выщерблены от работы. Размеры его: $3,8 \times 1,6 \times 1,1$ см. Второй, массивный, изготовлен из длинного обломка кремня с двусторонними боковыми сколами, обработавшими вершину в форме узкого высокого скребка, тулой конец которого у основания смят и сработан. Размеры отжимника: $8,6 \times 3 \times 3,6$ см.

Кроме описанных орудий, на стоянке найдены четыре рубиловидных орудия. Одно из них изготовлено из массивного подтреугольного отщепа с широкой грубой подтреугольной ударной площадкой и сильно выпуклым ударным бугорком. Лицевая поверхность — трехскатная, с массивным жаловидным концом, ретушированным с боков мелкой обшивкой. Основание — в форме широкого клина с мелкой двусторонней ретушью и затертостью ровного клиновидного края. Размеры орудия $8 \times 7 \times 3$ см.

В коллекции имеется около 20 кремневых изделий, относящихся к поздним этапам верхнего палеолита; среди них — два призматических нуклеуса, пластины, два резца, два концевых скребка (рис. 3, 32, 33).

Кроме кремневого инвентаря, в культурном слое стоянки был найден маленький обломок трубчатой кости копытного, который залегал «in situ» в красно-желтых тонких суглинках рядом с кремневым мустерьским остроконечником позднейшего типа (рис. 2, 18). Кость имеет коричневатую окраску, анализ прокаливания дал показатель 414¹, что свидетельствует о среднем плейстоценовом периоде стоянки.

Кремневые изделия стоянки скалы Орел по технике обработки кремня и формам орудий относятся к позднемустьерской эпохе.

Как упоминалось выше, незначительная часть материалов этого местонахождения датируется этапами верхнего палеолита². Она чаще отлична от основного комплекса и не имеет патины, кроме отдельных кремней. Зачистка показала, что стоянка не имеет мощного культурного слоя, находки разбросаны группами или отдельными кремнями, залегающими в тонких цветных суглинках, по-видимому, одновременного происхождения.

Стоянка на скале Орел имеет большой научный интерес, так как она представляет собой переходную ступень от позднемустьерского времени к раннему этапу верхнепалеолитической эпохи. Для полного понимания условий залегания культурного слоя и выяснения стратиграфии стоянки необходимо проведение стационарных археологических исследований. Стоянка, по-видимому, только начала размываться.

¹ Анализ кости сделан в Институте зоологии АН УССР И. Г. Пидопличко.

² Консультация по определению возраста и культурных комплексов стоянки дана П. П. Ефименко, С. Н. Бибиковым, Ю. Г. Колесовым и другими сотрудниками Института археологии АН УССР.

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА ЛАГОДОВСКАЯ

(1899—1958)

13 декабря 1958 г. после тяжелой, непродолжительной болезни скончалась Елена Федоровна Лагодовская. Перестало биться сердце неутомимой труженицы, безгранично преданной науке.

Е. Ф. Лагодовская родилась в 1899 г. в Одессе в семье учителя. Среднее образование получила в Ленинграде. В 1919 г. Елена Федоровна приезжает в Житомир и поступает в Институт народного образования, который заканчивает в 1925 г.

Еще в 1920 г. Е. Ф. Лагодовская начала работать в Волынском научно-исследовательском музее и под руководством С. С. Гамченко прошла первоначальную археологическую подготовку. В 1926—1930 гг. она проходила аспирантскую подготовку в институте им. Багалея (Харьков), закончившуюся защитой труда «Мегалитическая культура на Украине» и присвоением звания научного сотрудника.

В течение 1930—1938 гг. Елена Федоровна сотрудничает в Одесском историко-археологическом музее и Одесском музее книги. Существенным результатом ее научной деятельности в эти годы были раскопки Усатовских курганов.

С 1939 по 1958 г. Е. Ф. Лагодовская работает в должности старшего научного сотрудника и зав. отделом археологии первобытного общества в Институте археологии АН УССР.

В годы Великой Отечественной войны Е. Ф. Лагодовская эвакуируется в г. Уфу (Башкирия), где в 1943 г. защищает кандидатскую диссертацию на тему «Археологическое прошлое Башкирии». В эти годы ее работа была отмечена правительственной наградой — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

Работая в Институте археологии Елена Федоровна исследовала археологические памятники рубежа эпох меди и бронзы: мегалитическую, усатовскую культуры и в связи с последней — позднетрипольские памятники типа Сандрак. Кроме того, она живо интересуется комаровской культурой, исследует погребальные памятники времени неолита, меди и бронзы в Днепровском Надпорожье и т. д.

Как полевой исследователь Е. Ф. Лагодовская отличалась исключительно высокими данными, что особо проявилось при раскопках уникального памятника — Михайловского поселения древнеямной культуры.

Е. Ф. Лагодовская была ученым глубоких знаний. Ценой большого труда она навсегда утвердила свое имя в археологической науке.

Память о Елене Федоровне Лагодовской, как о человеке отзывчивом, добром, предельно скромном, вечно будет жить в сердцах всех, кто знал ее и работал вместе с ней.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. Н. Даниленко, Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры	3
Д. Я. Телегин, Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия	10
Е. Ф. Лагодовская, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич, Основные итоги исследований Михайловского поселения	21
Е. В. Максимов, Памятники зарубинецкого типа в с. Суботове	29

Сообщения и заметки

С. Н. Бибиков, О ретроспективном восстановлении археологических остатков на местах залеганий	43
Ю. Г. Колосов, Неопубликованные кремневые орудия из грота Чокурча в Крыму	47
Н. М. Шмаглий, О планировке позднетрипольских поселений Восточной Волыни	52
С. С. Березанская, Два кургана древнеямной культуры в Среднем Поднепровье	56
В. А. Товкачевский, Новая находка керамики среднеднепровской культуры	61
В. И. Митрофанова, Янохинское поселение срубной культуры на р. Осколе	63
А. А. Щепинский, Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму	67
Н. Т. Евстропов, Стоянка периода поздней бронзы в районе с. Гостомель	73
В. С. Драчук, Скифское городище Джалман в Крыму	77
В. В. Лапин, Мраморная женская головка из Ольвии	80
П. О. Карышковский, Монеты острова Березань	85
В. М. Брабич, Об охранительном назначении грифонов на монетах Панти капея IV в. до н. э.	90
И. М. Самойловский, Суботовский могильник	93
Ю. С. Виноградский и Д. И. Лавьюк, Найдены бронзовых украшений в Менском и Сосницком районах	96
А. Т. Брайчевская, Кузница на Пастырском городище	99
Р. И. Выезжев, Колокола древнего Городеска	104
В. А. Богусевич, К вопросу о крепостных стенах XII в. Киево-Печерского монастыря	108
М. П. Кучера, «Плеснесь» «Слова о полку Игореве» и древнерусский город Плеснесь	113
А. В. Бодянский, Мустьерская стоянка у скалы Орел	117
Памяти Елены Федоровны Лагодовской	123

Издано по оригиналу-макету.

Редактор издательства *И. А. Сергеева*.

Художественный редактор *Е. К. Сиваченко*.

Технический редактор *Н. С. Крыловская*.

Корректор *Н. К. Сытник*.

БФ 01673. Зак. № 2647. Изд. № 285. Тираж 1000. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Печ. физических листов 8,0. Печ. условных листов 10,96. Учетно-издат. листов 10,17.
Подписано к печати 15.II 1960 г. Цена 7 руб. 10 коп.

Типография Издательства АН УССР, Киев, Репина, 2.

ЗАКАЗЫВАЙТЕ КНИГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВА АКАДЕМИИ НАУК УССР

Археология, т. X. Язык украинский. 1957 г., 156 стр., цена 9 руб 90 коп.

В сборнике помещены исследования и материалы о новых памятниках периода бронзы в левобережной Лесостепи, о раскопках античного театра в Херсонесе, о курганах IV ст., до н. э. вблизи Холодного яра в окрестностях г. Смела и др.

Книга иллюстрирована.

Археология, т. XI. Язык украинский. 1957 г., 184 стр., цена 13 руб 65 коп.

Книга содержит статьи о феодальных дворах Киева XI—XIII вв., о собственных именах из ольвийских надписей, о торговле Ольвии с греческими городами в эллинистическое время, а также исследования и материалы о памятниках периода средней бронзы на Десне и Сейме, о поселении у с. Золотая Балка и других памятниках.

Книга иллюстрирована.

Брайчевский М. Ю., Римская монета на территории Украины. Язык украинский. 1959 г., 244 стр., иллюстр., цена 14 руб. 70 коп.

Гончаров В. К., Райковецкое городище. Язык русский. 1950 г. 148 стр., иллюстр., цена 14 руб.

Краткие сообщения Института археологии, вып. 4. Язык русский. 1955 г., 168 стр., цена 6 руб. 55 коп.

В сборнике помещены рефераты и доклады, прочитанные на VII научной конференции Института археологии АН УССР археологами Украины, Москвы, Ленинграда и других научных центров нашей страны. В докладах и рефератах освещены итоги археологических экспедиций, проведенных на территории Украины.

Книга иллюстрирована.

Краткие сообщения Института археологии, вып. 7. Язык русский. 1957 г., 116 стр., цена 4 руб. 80 коп.

Книга содержит разделы: 1) Палеолит, неолит, медь-бронза; 2) Ранний железный век; 3) Античная эпоха; 4) Ранние славяне и Киевская Русь.

Краткие сообщения Института археологии, вып. 8. Язык русский. 1959 г., 180 стр., цена 8 руб. 30 коп.

Книга имеет следующие разделы: 1) Археологические раскопки на территории новостроек Украинской ССР; 2) Полевые исследования; 3) Публикации (о хронологии таврских каменных ящиков горного Крыма, о славянской керамике VII—IX вв. из Киева и др.).

Кульчицкая Е. Л., Народный костюм западных областей УССР. Альбом. Язык украинский. 1959 г., 74 таблицы, цена 70 руб.

Материалы по этнографии и художественному промыслу, вып. 3. Язык украинский, 1957 г., 180 стр., цена 7 руб. 30 коп.

Материалы по этнографии и искусствоведению, вып. V. Язык украинский. 1959 г., 160 стр., цена 6 руб. 85 коп.

Сборник содержит исследования по вопросам семейного быта рабочих Украины в советское время и до Октябрьской революции. Рассматривается орнамент народных тканей, старый украинский фарфор, художественное литье и др.

Материалы по этнографии и искусствоведению, вып. 4. Язык украинский. 1959 г., 144 стр., цена 6 руб. 20 коп.

Сборник посвящен 40-летию Великого Октября. В нем показано развитие декоративно-прикладного искусства, освещается быт рабочих и крестьян Советской Украины.

Книга иллюстрирована.

Соломоник Э. И., Сарматские знаки Северного Причерноморья. Язык русский. 1959 г., 180 стр., иллюстр., цена 6 руб. 90 коп.

Ратич А., Древнерусские археологические памятники на территории западных областей УССР. Язык украинский. 1957 г., 96 стр., цена 3 руб. 70 коп.

Черныш А. П., Владимировская палеолитическая стоянка. Язык украинский. 1953 г., 76 стр., цена 3 руб. 95 коп.

Шовкопляс И. Г., Древнекаменный век на Украине. Язык украинский. 1955 г., 64 стр., цена 75 коп.

Заказы направляйте в магазины Укркниготорга и Укоопсоюза или же непосредственно по следующему адресу: г. Киев, ул. Ленина, 42, Книжный магазин Издательства Академии наук УССР, отдел «Книга—почтой».

По требованию заказчика книги высылаются наложенным платежом без задатка.
